

Коми республиканский благотворительный общественный фонд
жертв политических репрессий «Покаяние»
Сыктывкарский государственный университет
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

И.Л.Жеребцов, Л.А.Максимова, Н.М.Игнатова,
А.Ф.Сметанин, М.В.Таскаев

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В КОМИ**

Сыктывкар 2006

И.Л.Жеребцов, Л.А.Максимова, Н.М.Игнатова, А.Ф.Сметанин, М.В.Таскаев. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В КОМИ. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2006. 242 с.

В учебном пособии рассмотрены основные вехи истории политических репрессий в Коми, начиная с появления на европейском Северо-Востоке первых политических ссыльных в XVII в. и до второй половины XX в.

Руководитель авторского коллектива и научный редактор:
доктор исторических наук И.Л.Жеребцов

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор В.И.Чупров
кандидат исторических наук, доцент Н.И.Сурков

На обложке – значок «Ударнику-ухтинцу», 1934 г.

© Авторский коллектив, 2006
© Жеребцов И.Л., составитель, 2006
© Фонд «Покаяние», 2006

ВВЕДЕНИЕ

Термин «репрессия» происходит от позднелатинского слова *repressio* (подавление) и обозначает карательные меры, наказание, применяемые государственными органами. Более распространено употребление этого термина во множественном числе – «репрессии». Под политическими репрессиями подразумеваются те карательные меры государственных органов, которые применяются против политических противников (подлинных или мнимых) существующего государственного строя, действующих органов власти.

Исследователи Коми республики (как ученые-профессионалы, так и краеведы) в течение длительного времени исследуют историю политических репрессий в регионе. Разумеется, в различные периоды времени изучение этой проблематики осуществлялось по-разному, ибо вполне понятно, что при советской системе такие темы, как, например, «красный террор» эпохи революции и гражданской войны, политссылка советской эпохи, история лагерей и многие другие находились под запретом. Историки имели возможность анализировать «белый террор», политическую ссылку эпохи самодержавия, «борьбу с кулаками и подкулачниками» времен коллективизации, но все исследования проводились в жестко очерченных идеологических рамках, стеснявших свободу научного творчества исследователей и затруднявших возможности проведения ими объективного анализа исторических событий.

Тем не менее и в тех условиях ученым удалось собрать чрезвычайно ценный фактический материал, часть которого (увы, далеко не весь) им удалось ввести в научный оборот. Сведения, опубликованные в сборниках документов «Установление Советской власти и гражданская война в Коми крае» и «Комитеты бедноты в Коми крае», в трудах П.Г.Доронина, В.Г.Зыкина, П.Е.Куклева, Е.Г.Королевой, А.А.Попова, В.И.Прошева, В.И.Чупрова и других авторов, в обобщающих изданиях по истории Коми по сей день сохраняют свою научную ценность и

востребованы новыми поколениями исследователей и педагогов. Особо отметим монографии и другие работы В.И.Чупрова, ставшие значительным шагом вперед в изучении политической истории Коми начала XX в.

В то же время очевидно, что многие содержащиеся в работах названных авторов выводы в значительной мере не соответствуют современным научным представлениям. Это и понятно – авторы стремились (или вынуждены были) показывать в первую очередь позитивное значение проводившейся коммунистами «упорной и длительной борьбы за создание подлинных Советов, как органов диктатуры пролетариата» в Коми крае (под «подлинными Советами» исследователи имели в виду Советы, которыми руководили большевики), и «антинародный характер» местных организаций партий эсеров и кадетов. В соответствии с этой установкой продолжалось замалчивание историками негативных сторон деятельности коммунистических ячеек, а в анализе политики небольшевистских органов акцент, наоборот, делался на резкой и зачастую несправедливой критике. Как писал, например, В.И.Чупров в монографии «Социально-политическая жизнь северной деревни. 1895 – февраль 1917» (1991 г.), ранее историки уделяли недостаточно внимания небольшевистским политическим силам, и, в частности, политическим ссыльным.

Только во второй половине 1980-х гг. появились возможности более свободного изучения истории политических репрессий – первоначально на уровне исследований биографий отдельных личностей, подвергавшихся репрессиям, а с начала 1990-х гг. стало возможным изучить все аспекты истории политических репрессий, поскольку ученые впервые получили доступ работать с ранее секретными архивными фондами. Огромное значение имели принятие республиканской программы «Покаяние» и создание Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв массовых политических репрессий «Покаяние», а также деятельность общества «Мемориал». В многотомном мартирологе «Покаяние», материалах ряда научных конференций, публикациях Н.А.Морозова, М.Б.Рогачева, Г.Ф.Доброноженко, В.М.Полещикова, М.Д.Игнатова, И.Л.Жеребцова, М.В.Таскаева, Л.А.Максимовой, Н.М.Игнатовой, А.Н.Турубанова, О.Ю.Кузивановой, М.А.Мацука и многих других авторов проанализированы закрытые ранее темы, пересмотрены многие прежние выводы и обобщения, введен в научный оборот огромный фактический материал. Это позволило предпринять попытку обобщения полученных исследователями знаний об истории политических репрессий и подготовить данные очерки как учебное пособие для студентов вузов. Разумеется, авторы не претендуют на исчерпы-

вающее раскрытие данной проблемы. Наша задача скромнее – дать обобщенное изложение истории политических репрессий в регионе, показать основные вехи этой истории. Более подробную информацию студенты смогут получить из дополнительной литературы, списки которой приведены после каждого очерка.

Авторы выражают благодарность членам студенческой научно-исследовательской лаборатории «Изучение истории политических репрессий Советского государства в 1930-е –1950-е гг.», действующей на историческом факультете Сыктывкарского университета – Н.А.Уваровой, А.А. Беловолу, К.А.Казаковой, И.И.Лейман, исследования которых были использованы при подготовке Очерков.

Очерк 1. ПЕРВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ КОМИ КРАЯ ПРОТИВ МЕСТНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И РЕАКЦИЯ НА НИХ

Конфликты между населением Коми края* и властями имеют давнюю историю. Можно вспомнить, например, события второй половины XV в., когда завершался процесс вхождения Коми края в единое Русское государство, в регионе складывалась принятая в феодальном государстве система управления; собственно, именно с этого времени и можно ставить вопрос об истории репрессий в крае. В 1480 г. жители вымских селений, недовольные попытками Василия, князя Вымского и наместника великого князя Московского, построить на берегах Выми укрепленный городок, убили его. Нам не известно, как поступили пришедшие на смену Василию его сыновья, но можно предположить, что виновные в смерти князя понесли суровое наказание. Документы более поздних времен также сообщают нам о столкновениях местных жителей с властями. Вызывались они экономическими причинами.

В 1614 г., например, был введен новый налог – «деньги за стрелецкий хлеб». В Коми крае из-за связанных с раскладкой этого налога злоупотреблений вспыхнули волнения: «Вычегжане и вымичи, и сысоличи, и удорены тот оклад не взяли, задалися сильны, и воеводу Сивергу не послушались, рвали приказным бороду, приставов и сборщиков побили, облаяли...» В конечном итоге раскладка налога была проведена более справедливо, а крестьянам пришлось уплатить воеводе и подьячему штраф за непослушание и буйство («за бороду»). Но не всегда «репрессии» против бунтовщиков были такими относительно мягкими. Обитатели края нередко жаловались в Москву, что воеводы «бьют их и мучат и в тюрьму сажают и в железа куют и за приставы дают и заграживают (угрожают) для своей бездельной корысти».

*Коми край до образования в 1921 г. Коми автономной области – понятие в известной мере условное, поскольку земли с коми населением не составляли единого административно-территориального образования (аналогичное положение было и в других национальных районах). Вместе с тем представляется возможным выделить Коми край как совокупность административно-территориальных единиц, которые располагались в непосредственной близости друг с другом, были населены главным образом коми (или же коми составляли там значительную часть жителей) и исторически были тесно связаны между собой. Основная часть Коми края входила в состав Яренского, Пустозерского (до 1780 г.), Сольвычегодского (до 1780 г.), Усть-Сысольского (с 1780 г.), Мезенского (с 1780 г.) и Печорского (с 1891 г.) уездов. Верховья Печоры относились к Чердынскому уезду, часть коми селений на Летке – к Хлыновскому, затем Орловскому уездам.

В 1633 г. население сысольских и мезенских волостей отказалось платить положенный вместо отправки сибирских хлебных запасов налог за два года и отправлять требуемых людей для участия в постройке укреплений в Яренске (решено было построить в городе новый острог). Когда специально присланный из Москвы пристав Иван Борякин приехал взыскивать недоимку, «тех волостей старосты и все крестьяне государева указу не послушались, и ему, Ивану, во всем отказали... и учинились сильны, и ево, Ивана, лаяли и розсыльщиков били» и «позоря, выслали». Для ликвидации волнения и сбора налогов из Сольвычегодска посылали 10 стрельцов, чтобы «тех волостей выбрав пущих воров и горланов человек по дву или трех, бив кнутом, посадить в тюрьму на три дни, чтоб, на то смотря, вперед им не повадно было воровать – государеву указу ослушатца». Стрельцы восстановили порядок в волостях. Доставалось воеводам и позднее. В 1636 г. разбойный отряд Ф.Меньшикова захватил Яренск, избил воеводу Ивана Кропотова и разграбил его имущество.

В 1655 г. воевода В.И.Колычев отправил в Объячево целовальников и приставов для сбора таможенной пошлины. Посланцы установили, что крестьяне «старой таможенной двор разломали», и потребовали дом «для таможенного сбору». Но крестьяне «государева указу не послушали, отбились и учинились сильны». Год спустя из-за неуплаты различных казенных сборов прилузскими крестьянами воевода В.И.Колычев распорядился арестовать избранных крестьянами должностных лиц – «до государева указу вкинуть... в тюрьму».

В 1655 г. из Москвы в Сысольские волости направили царскую грамоту с требованием выплатить накопившиеся недоимки «без недобору все сполна тотчас, безо всякого мотчанья» (задержки). «А будет вы дуростью своею и сесь (этот) наш указ в оплошку себе поставите, и тех денег всех сполна вскоре не пришлете, и для того вашего воровского ослушания велим вас ведать во всем по-прежнему Еренского городка воеводам, и всякие денежные доходы, что есть на вас в доимке, велим доправить ему ж, воеводе, тотчас безо всякие пощады. Да сверх пенных денег велим учинить жестокое наказание – бить кнутом нещадно, чтоб, на то смотря, вперед ослушатца было не повадно».

Вмешивались власти, когда этого требовали обстоятельства, и в события, происходившие на появившихся в Коми крае в XVII–XVIII вв. заводах, всегда при этом становясь на сторону заводоладельцев. Так, 29 мая 1774 г. на Нювчимском заводе вспыхнули волнения, вызванные самоуправством Ф.Шестакова и Н.Попова, поверенных заводоладельца, и «чинимых обидах работным людям». Рабочие Ф.Угрюмов, Г.Зимин, А.Амосов, Г.Кузнецов и другие, «собрав шайку, подобную

Пугачеву», избili встреченных на улице представителей заводской администрации. После того как те вырвались и заперлись в конторе, рабочие, вооружившись крючьями, топорами и палками, «с великим азартом» били там окна. 30 мая Ф.Шестаков и Н.Попов призвали на помощь уездные власти, «дабы не могло последовать в заводском производстве помешательства и убытка». Яренский воевода отправил на завод военную команду во главе с офицером, который и пресек волнения, арестовав зачинщиков.

На Сереговском заводе в 1788 г. произошли «бунт и разбивательство», поводом для которых стала стычка между приказчиком Армениновым и заводским крепостным Степаном Немчиновым, не прошедшим на работу. 21 апреля приказчик избил С.Немчинова и посадил его в заводскую тюрьму. Там, говорил позднее арестованный, его «стегали плетью дотоль, уже и кричать перестал, потом еще и молчащего стегали». На следующий день за невыход на работу в тюрьму попали Тихон Шидьюсов семидесяти лет с двумя сыновьями. 24 апреля толпа рабочих, руководимая заводским крепостным Ефимом Немчиновым, освободила арестованных. Приказчикам Е.Немчинов заявил: «Не прежняя ваша пора, суньтесь к нам, тогда вас разорвем на мелкие части». 25 апреля на сходке в доме С.Немчинова крепостные составили жалобы, под которыми подписались 58 человек, направленные земскому суду в Яренск и заводовладельцу в Вологду. Получив известие о происшествии, последний обратился за помощью к наместническому правлению, информировав, что «крепостные ево люди пришли в непослушани и должностей не исправляют». Уездный исправник коллективную жалобу работников не принял. «Для сыску возмутившихся» на завод послали военную команду и следственную комиссию. В списке возможных смутьянов, достойных привлечения к суду, значилось 78 работников. В суде они держались твердо, отстаивая свои права и впредь намеревались бороться с притеснителями из заводской администрации: «Если же от заводских приказчиков последует какое-либо притеснение или телесное наказание или в случае наложения излишних работ и удержания платы и необычного вычета из заработных денег – будем просить земский суд [о защите]». Делом заинтересовался сам губернатор, указавший: «Заводских людей привести в надлежащее послушание и без промедления поступить с ними на основании законов». 23 ноября 1788 г. суд приговорил к телесным наказаниям 62 чел.

В XIX в. в Коми крае появился человек, которго, пожалуй, можно назвать и первым профессиональным (или почти профессиональным) борцом за права коми крестьянства, и даже первым политическим репрессированным – Дмитрий Иванович Балин. Он родился в селе Шежам

(часть современного села Айкино) в 1796 г. В 1817–1823 гг. он являлся сельским заседателем земского суда, в 1823–1825 гг. – волостным писарем в Шежамской волости. В 1820-х гг. Д.И.Балин начал вести правозаступную работу в Яренском уезде, стремясь оградить местное население от злоупотреблений со стороны администрации, помогал крестьянам писать различные прошения и жалобы на действия чиновников. Как человек, способствующий распространению недовольства властями среди населения, Балин в 1825, 1827, 1829, 1830, 1831 гг. предавался суду и подвергался тюремному заключению на различные сроки. Он приобрел большую популярность среди жителей Коми края как выразитель их интересов, более того – сделался легендарной личностью; предания о народном заступнике и колдуне Балине рассказывали в вычегодских и вымских селениях даже в двадцатые годы XX столетия. (По преданиям, Балин в архиве в огромной беспорядочной бумажной гряде за неделю находил нужный клочок документа, а письма, составленные им на имя чиновников и царя, настолько сбивали адресатов с толку, что они решали дела в пользу крестьян. Фольклорный Балин безвинно страдал, много раз бывал пойман и бит за правду. Но при этом он был настолько изворотлив и так поднатюрел в колдовстве, что в последний момент ускользал из рук солдат, освобождался от кандалов на глазах судей, выходил из тюрем через нарисованную в стене дверь и т.д.).

Большую роль Д.И.Балин сыграл в волнениях ижемских крестьян. Они с 1833 г. протестовали против привлечения их к строительству новой Пинеги-Мезенской дороги, трасса которой проходила вдали от Ижмы. Дорога эта считалась очень важной для экономического развития региона, и ходом ее строительства (начавшегося еще в 1828 г.) заинтересовался сам царь. В 1833 г. власти распорядились для ускорения работы привлечь к строительству крестьян отдаленных волостей Мезенского уезда. Однако крестьяне Ижемской волости отказались работать на выделенном им участке строительства из-за обременительности повинности: волость была удалена от дороги на 900 верст, и работа там отрывала бы их от хозяйства и промыслов на длительное время. Денег для того, чтобы нанять вместо себя работников из других волостей, у подавляющего большинства крестьян не было. Решено было добиваться освобождения от повинности.

Отправленные ижемцами в 1833–1836 гг. правительству и царю прошения не были удовлетворены, а местные власти усиливали нажим на крестьян, требуя выполнения повинности. С 1835 г. недовольство ижемцев действиями чиновников возросло из-за попыток ограничить их права на выпас оленей в тундре (предполагалось передать большую часть тундры в использование исключительно кочевникам-ненцам) и

связанных с этим вымогательств. В 1836 г. ижемцы обратились за помощью к Д.И.Балину, который был избран на должность волостного писаря Ижемской волости, приехал на Ижму и уверил крестьян, что их борьба с губернскими и уездными властями справедлива и что царь их обязательно поддержит, надо только описать ему тяготы местной жизни. Слова Балина оказали значительное влияние на ижемцев, и они еще решительнее стали отказываться выполнять приказы губернских и уездных властей. До мая 1838 г. Балин являлся их фактическим руководителем.

В 1837–1838 гг. положение на строительстве дороги обострилось. Свою роль сыграл в этом назначенный в 1837 г. архангельским гражданским губернатором бывший декабрист А.Н.Муравьев. (Он являлся одним из основателей и руководителем первой декабристской организации «Союз спасения», созданной в 1816 г., был арестован по приказу Александра I в 1818 г. за неисправность унтер-офицеров на крещенском параде, в знак протеста подал в отставку и был уволен со службы. В том же году А.Н.Муравьев стал одним из учредителей «Союза благоденствия», возглавил его московскую управу, но осенью 1818 г. оставил этот пост, хотя остался членом союза. Он вошел в «Северное общество» декабристов, созданное в 1821 г., но активной роли не играл и вскоре отошел от участия в его деятельности. В событиях 14 декабря 1825 г. А.Н.Муравьев не участвовал, но некоторое время находился в ссылке).

Губернские власти распорядились снять с должностей волостное руководство, заменив его на «более надежных и благоустроенных» людей, и выслать из Ижмы Д.И.Балина, который «внушениями своими как волостное правление, так и целое общество возбуждал к неповиновению и сопротивлению», и запретить ему проживать в Мезенском уезде. В Ижму были отправлены чиновники, но крестьяне выгнали их, а предписание об аресте Балина порвали. Всего в конце 1837 – начале 1838 гг. по распоряжению Архангельского губернатора Балина трижды пытались арестовать, но этому воспрепятствовали ижемские крестьяне. В начале 1838 г. Балин ездил в Петербург, чтобы передать жалобы ижемцев императору; результаты этой поездки неизвестны, но Николай I в том же году заинтересовался событиями на Ижме.

В 1838 г. А.Н.Муравьев разработал план «водворения порядка», предусматривавший направление в Ижемскую волость 200 солдат с оружием и использование против ижемцев вооруженных отрядов ненцев, которые были недовольны растущим проникновением ижемских оленеводов в тундру. Этот план в июне 1838 г. был рассмотрен на заседании Кабинета министров России, где против него высказался министр государственных имуществ П.Д.Киселев, предложивший разобраться в

жалобах крестьян и не предпринимать сразу крайних мер. В августе 1838 г. ижемцы объявили, что «кроме ныне царствующего Государя императора и наследника Всероссийского престола, мы никого не признаём своим начальством и пока не будет указ от императора за собственным его величества подписанием, то мы никаким указам не поверим и ничьих предписаний исполнять не будем». «Ежели же войска придут, – сказал красноборец Л.Филиппов исправнику, – то у меня есть 50 копий и много кос. Я сам поведу свое семейство навстречу солдатам, и пока есть у нас руки, живые не дадимся».

А.Н.Муравьев отправил из Архангельска в Ижемскую волость солдат с двумя орудиями и команду жандармов. 200 вооруженных ненцев должны были помешать возможному отступлению ижемцев в тундру. Сам Муравьев лично также намеревался прибыть в Ижму, чтобы постараться убедить крестьян исполнять распоряжения губернских и уездных властей, и только в случае неудачи использовать солдат. Он рассчитывал, что достаточно будет угрозы военной силой. Для предотвращения бегства ижемцев в Сибирь им перестали выдавать паспорта. Архангельское губернское правление распорядилось задерживать всех ижемцев, оказавшихся вне пределов своей волости.

До военных столкновений не дошло. Осенью 1838 г. император направил на Ижму своего флигель-адъютанта О.И.Крузенштерна. Тот провел следствие и убедился в обоснованности прошений ижемцев. Несколько чиновников лишились должностей, а крестьяне были освобождены от дорожной повинности. Никто из крестьян не был наказан, за исключением их руководителя Д.И.Балина, 28 августа 1838 г. арестованного по приказу А.Н.Муравьева. Пострадал и сам А.Н.Муравьев: 7 июня 1839 г. его уволили с должности по обвинению «в потворстве беспорядкам» без прошения с запрещением жить в Архангельской губернии. (Впрочем, в последующее время, по данным проф. Л.П.Рощевской, он восстановил пошатнувшееся положение – был причислен к министерству внутренних дел, зачислен на военную службу, был военным губернатором в Нижнем Новгороде и др., содействовал подготовке крестьянской реформы 1861 г., стал сенатором).

Балин пробыл в заключении до 1841 г., затем освобожден на поруки, но вскоре вновь арестован, приговорен к наказанию плетью и двухнедельному тюремному заключению. От ссылки в Сибирь его спасла амнистия.

Однако это не заставило Д.И.Балина оставить правозащитную деятельность, и едва освободившись, он вновь взялся за дело. В 1841–1844 гг. Балин оказывал помощь крестьянским выступлениям в Усть-Куломе, Керосском обществе (Семуково), на Выми. В Усть-Куломе в

1842 г. крестьяне выступили против злоупотреблений при раскладе податей и отказались платить их до тех пор, пока не рассмотрят и не удовлетворят их жалобы. Решено было не подчиняться волостному и окружному начальству. Вологодский гражданский губернатор лично приезжал в Усть-Кулом, чтобы попытаться утихомирить крестьян, но безуспешно. Делом заинтересовались шеф жандармов Бенкендорф и даже сам Николай I. Губернатор Волховский лично возглавил военный отряд из 200 солдат при четырех пушках, прибывший в Усть-Кулом в марте 1843 г. для наведения порядка. Это охладило пыл усть-куломцев, так что до вооруженной расправы с бунтовщиками дело, к счастью, не дошло. Больше ста участников выступления были подвергнуты наказанию розгами, а руководителей (Г.Попова и др.) сослали в Сибирь. С крестьян взыскали все подати и расходы по подавлению беспорядков.

В 1844–1845 гг. Д.И.Балин был одним из руководителей волнения палевицких крестьян, в 1845 г. арестован, около двух лет находился в заключении, затем отослан в Шежам под надзор властей. Ему запретили составлять для крестьян какие-либо документы, и Балин, который не мог отказать обращающимся к нему за помощью и советом, должен был изменять свой почерк и прибегать к иным ухищрениям. За участие в выступлении рабочих Сереговского завода (1860–1861) Балин в апреле 1861 г. был арестован, до января 1863 г. находился в тюрьме, приговорен к денежному штрафу и наказанию розгами и сослан под надзор в Шежам. Год смерти Д.И.Балина точно не известен (по некоторым сведениям, 1865; по другим данным, Балин был жив еще в 1871 г.). Согласно легенде, гроб ему был сделан не из досок, а из выдолбленного комля толстого дерева, чтобы тело его дольше не истлело.

В пореформенный период крупных выступлений в Коми крае не происходило. Не выдвинулся и деятель, равный Д.И.Балину по масштабу деятельности и популярности среди населения.

Рекомендуемая литература

Беленкина Т.И. Д.И.Балин (очерк жизни и деятельности) // Ученые записки КГПИ. – Сыктывкар, 1968.

Беленкина Т.И. Из истории классовой борьбы коми народа. – Сыктывкар, 1971.

Доронин П.Г. Волнения вымских крестьян в 30–50 гг. XIX в. // Войвыв кодзув. – 1955. – № 6. – С. 40–43.

Жеребцов И.Л., Несанелис Д.А., Жеребцова Л.С., Несанелене В.А. Занимательно об истории и культуре Республики Коми. – М., 1998.

Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми. Научно-популярные очерки. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996.

- Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край. Очерки о десяти веках истории. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003.
- Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Рогачев М.Б., Колегов Б.Р. Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002.
- История Республики Коми с древнейших времен до конца XX в. / Под ред. А.Ф.Сметанина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. – Т. 1, 2.
- История Сыктывкара. – Сыктывкар, 1980.
- Мацук М.А. Коми край от Бориса Годунова до Петра I. – Сыктывкар, 1994.
- Политов В.В. Яренск. –Л., 1978.
- Республика Коми. Энциклопедия. – Сыктывкар, 1997, 1999, 2000. – Т. 1–3.
- Связь времен / Науч. ред. И.Л.Жеребцов. – Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001.

Очерк 2. НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ НА ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕРО-ВОСТОК

Первый год XVII столетия ознаменовался появлением в Коми крае первого политического ссыльного. Печальная участь открыть продолжавшуюся почти четыре столетия эпопею политссылки довелась боярину Василию Никитичу Романову (дяде будущего царя Михаила), вместе с братьями попавшему в опалу. Как писал историк С.М.Соловьев, по распоряжению Б.Годунова, боярина отправили в Яренск в июне 1601 г. в сопровождении своего слуги и пристава Некрасова, которому было поручено следить, чтобы В.Н.Романов «с дороги не ушел и лиха никакого над собой не сделал; беречь, чтобы к нему на дороге и на станах никто не приходил и не разговаривал ни о чем и грамотами не ссылался». В Яренске боярина велено было поселить «от церкви, от съезжей избы и от жилых дворов подальше», «да чтоб прохожей дороги мимо двора не было». В случае надобности надлежало построить специальный двор, и «чтоб около двора была городьба» (ограда). Со двора ссыльного и его слугу отпускать было не велено, какие-либо посещения также запрещались. Снабжение продовольствием осуществлялось за счет казны («на корм послано сто рублей денег»). «Что Василий станет говорить, о том пристав должен отписать государю». Пристав доложил: «Приехавши в Яренск, он (Романов – *Авт.*) со мною воровством говорил: «Погибли мы напрасно, без вины, к государю в наносе, от своей же братии; они на нас наносили, сами не зная, что делают, и сами они помрут скоро, прежде нас». Пристав по собственной инициативе («мимо... указа» государя) содержал опального боярина в оковах. В Яренске В.Н.Романов серьезно заболел. В 1602 г. его перевели еще дальше – за Урал, в Пелым, где уже содержался его брат. 15 февраля того же года В.Н.Романов скончался.

Однако Яренск, при всей его удаленности не только от центра страны, но и от крупных городов Севера, все же казался властям чем-то слишком близким и уютным для того, чтобы содержать там поверженных, но еще опасных противников. Государь обратил свои взоры на заполярный Пустозерск. Еще в 1643 г. по указу царя Алексея Михайловича в Пустозерском остроге началось строительство тюрьмы «для воров и опальных людей». Кто первыми побывал в ней, не известно.

2 августа 1666 г. в Пустозерский острог привезли отправленного в ссылку «за неистовое прекословье» попа Лазаря – одного из активных противников церковной реформы патриарха Никона и проповедника старообрядчества. 12 декабря 1667 г. в Пустозерск были привезены сосланные сюда лидер старообрядчества протопоп Аввакум и его

сподвижники соловецкий инок Епифаний и симбирский поп Никифор. 20 апреля 1668 г. в Пустозерский острог был привезен проповедник старообрядчества дьякон Фёдор.

В 1669 г. в Пустозерске закончено начатое по специальному царскому распоряжению строительство тюрьмы для протопопа Аввакума и других старообрядцев. Царь требовал «тем ссыльным сделать тюрьму крепкую и огородить тыном вострым в длину и поперек по десяти сажен, а в тыну поставить четыре избы колодникам сидеть, и меж тех изб перегородить тыном же, да сотнику и стрельцам для караулу избу...» Избы были с земляным полом «по сажени, а от полу до потолка головой достать».

Находясь в заключении, лидеры раскола продолжали свою активную пропагандистскую деятельность. В том же году протопоп Аввакум начал писать в Пустозерске свое «Житие» и «Книгу бесед» (завершённые к 1675 г.), являющиеся замечательными произведениями древней русской литературы. По оценке специалистов, Аввакум сумел превратить традиционный жанр «Жития» в автобиографическую повесть с яркими образами и характеристиками людей, написанную живым языком. В Пустозерск потянулись приверженцы старой веры.

В 1670 г. в Пустозерск прибыл для переговоров со ссыльными раскольниками стрелецкий полуголова И.К.Елагин, уговаривавший их признать новые церковные обряды. Ссыльные остались верны старым обрядам. После этого Лазарю, Фёдору и Епифанию вырвали языки и отрубили руки, после чего их и протопопа Аввакума, которого не подвергли мучениям, заключили в новые тюрьмы: срубы сделали ниже, сверху засыпали землей, оставив только небольшие отверстия для передачи пищи. Аввакум писал: «Запечатлен в живом аду плотно гораздо; ни очию возвести возможно, едина скажня, сиречь окошко. В него пищу подают, что собаке; в него и ветхая измещем; тут же и отдыхаем. Сперва зело тяжко от дыму было: иногда на земли валяясь удушися, насили отдохнешь. А на полу том воды по колени, — все беда. От печли великия и туги... многажды и дух в телеси займется, яко мертв — насили отдохнешь. А сежу наг, нет на мне ни рубашки, лише крест с гойтаном: нельзя мне, в грязи той сидя, носить одежды». Переписка была запрещена (через некоторое время этот запрет сняли). После этого Аввакум 10 дней отказывался от еды.

В 1676 г. протопоп Аввакум завершил в Пустозерской тюрьме работу над «Книгой толкований», начатую тремя годами ранее. В том же году царь Фёдор Алексеевич распорядился перевести заключенных в Пустозерской тюрьме раскольников в темницы Спасо-Каменского и Кожеезерского монастырей, но перевод по неизвестной причине не состоялся.

14 апреля 1682 г. протопоп Аввакум и его сподвижники Федор, Лазарь и Епифаний «за великие на царский дом хулы» были сожжены в срубе в Пустозерске. Их казнь была связана с активной пропагандистской деятельностью старообрядцев, большим количеством выступлений посадских людей против церкви и государства и решением церковного собора 1681–1682 гг. усилить борьбу с раскольниками. По мере усиления этой борьбы в центре страны старообрядцы начали перемещаться в более удаленные от властей регионы – в частности, в Коми край. Но и здесь их не оставляли в покое. Уже в 1692 г. производился сыск раскольников в Пустозерском уезде.

20 января 1680 г. в Пустозерск привезены сосланные сюда десять участников восстания на Соловках (Логин Степанов, Игнат Иванов, Дмитрий Борисов, Данил Терентьев, Клим Фёдоров, Григорий Малафеев, Фёдор Семёнов, Пётр Кузьмин, Федот Микитин). Большинство из них умерли здесь (Д.Терентьев скончался в первый же год). Кроме того, в 1680 г. «на подворье у пустозерцев посадских людей и у стрельцов» жили «ссылные люди Ондрюшка Олонец с сыном да Стенька Мезенец з женой»; «ссылная роспопы Лазарева жена Домница живет в Пустозерском остроге в съезде двора».

В Пустозерске причудливо переплелись судьбы протопопа Аввакума, боярина Артамона Матвеева, князя Василия Голицына. 9 июня 1678 г. в Пустозерск прибыл отправленный сюда в ссылку видный российский государственный деятель Артамон Сергеевич Матвеев. В свое время его привлекали к борьбе с расколом, в 1667 г. дважды посылали к заключенному в монастыре протопопу Аввакуму для того, чтобы убедить того отказаться от проповедей против церковной реформы. В 1676 г., после смерти царя Алексея Михайловича, А.С.Матвеев попал в опалу. Его отстранили от руководства Посольским приказом и назначили воеводой в Верхотурье. Но до Верхотурья Матвеев не доехал. Его задержали по дороге и отправили под караулом в Казань. Матвеева обвинили в финансовых злоупотреблениях, в плохом руководстве аптекой, в занятиях «чернокнижием». В 1677 г. Матвеев был лишен боярского звания и всех своих владений и отправлен вместе с сыном в ссылку в Пустозерск; с собой ему дали тысячу рублей. Дорога бывшего боярина пролегла через Прикамье и Коми край: «А которыми городами меня... везли в Пустозерский острог, а те города... Соль Камская, Кай город, Еренск, Турья».

В Пустозерске в распоряжении А.С.Матвеева имелись священник, учитель для его сына и прислуга (около 30 человек). Условия жизни А.С.Матвеева были несравнимы с теми, в которых находился, можно сказать, по соседству с ним протопоп Аввакум (хотя, конечно, тоже не

сахар). Артамон Матвеев и его сын Андрей были поселены в отдельных крестьянских избах: «Избенка дана мне, другая череву моему, сынишку; ей-ей, обе без печи; прошлую зиму рук и ног во всю зиму не согрели; а иные такие дни бывали, мало что не замерзли, а от угару непрестанно умирали; а в подклетишке запасено и рухлядишко, а в другом сироты мои, да караульщики, которые меня стерегут, чтобы я не побежал. Бежать некуда и не от чего; совесть моя меня не судит и не грызет; из тех подклетов пускают тепло, и от того пущания пользы столько нет, сколько смрада».

Из Пустозерска А.С.Матвеев написал три челобитные царю Фёдору Алексеевичу, в которых отвергал выдвинутые в его адрес обвинения, а также три письма патриарху и ряд посланий ближним боярам с просьбой о заступничестве. Он жаловался на свою пустозерскую жизнь: «...с голоду страждем и не можем части мяса купить; да не токмо мяса или калач, или иных потребных нужд, ей-ей и хлеба на две деньги купить не добудем, нет и не знают того с початку, как почали... жить в Пустозерском остроге; един борщ едят да и прибавляют по горсти муки ржаной, и то... прожиточные люди едят, а убогие один борщ, да и тот не родится в Пустозерском, привозят с Ижмы; да не токмо купить, милости имени ради Божия выпросить не у кого; сами промеж себя просят и дать некому и нечего, и бредут врознь глада ради, и достальные в тот же путь смотрят».

В Пустозерске А.С.Матвеев провел более двух лет – самые тяжелые годы своей жизни. Сам он признавался, что с тех пор «как на свете почал жить», не испытывал таких бедствий, и с благодарностью отзывался о пустозерцах, не давших ему «от бесхлебицы... оцынжать и от глада безвременно погибнуть»: «Все из нарочитых жителей острога того ко всем нещастие имеющим там быть в ссылке по премному человеколюбивы и всякими... харчами зело судливы». Матвеев рассказывал в письмах, что как то раз у него и его домочадцев осталось «токмо три сухаря», и тогда пустозерцы дали ему муку и продукты.

В 1680 г. царь Фёдор распорядился облегчить участь А.С.Матвеева и перевести его с сыном и с их слугами в Мезенский уезд. Известие об этом пришло в Пустозерск 11 июля, и 30 июля Артамон Матвеев покинул опостылевшее ему «горькослезное место» и через Усть-Цильму, Ижму, Весляну и Глотову слободку отправился на нижнюю Мезень. Там, в Окладниковой слободке, ему выдавали 156 рублей жалования и отпускали рожь, овес и ячмень. Мезенский воевода Тухачевский старался по возможности облегчить участь ссыльного дипломата. А.С.Матвеев продолжал просить царя о полном прощении и разрешении вернуться из Мезени, где постоянно ощущалась нехватка хлеба (хотя дичи

и рыбы было вдоволь). В январе 1682 г. Фёдор Алексеевич объявил, что признает Матвеева невиновным, возвращает ему его владения и разрешает ему выехать из Мезени в г. Лух, где ожидать нового царского указа. Разрешения ехать в Москву царь пока не дал. Несколько месяцев спустя Фёдор умер. Воцарился Пётр I, сын Алексея Михайловича и Натальи Нарышкиной. 11 мая 1682 г. А.С.Матвеев вернулся в столицу. Но вскоре после возвращения, 15 (25) мая 1682 г. он был убит во время стрелецкого бунта. Его сын, побывавший вместе с отцом в Пустозерской ссылке, в 1691–1693 гг. был Двинским воеводой.

6 января 1690 г. в Яренск привезли сосланного сюда видного российского государственного деятеля князя В.В.Голицына с семьей. В.В.Голицын, как и А.С.Матвеев, являлся весьма образованным человеком, имел большую библиотеку, знал несколько языков (латинский, немецкий и польский), интересовался зарубежными обычаями, выступал за развитие контактов с Западной Европой. Можно сказать, что он продолжал линию, намеченную А.С.Матвеевым, отправленным при царе Фёдоре в ссылку, в известном смысле, занял его место. 10 лет спустя он оказался на месте Матвеева и в Пустозерске... В сентябре 1689 г. после свержения правительницы Софьи и прихода к власти Петра I В.В.Голицын попал в опалу. 9 сентября его лишили боярского звания и владений и вместе с семьей и прислугой отправили в ссылку в Каргополь. Противники В.В.Голицына считали, что это слишком мягкое наказание, и через несколько дней добились, что местом ссылки был назначен город Яренск. По дороге в Вологде Голицыну передали последнее письмо Софьи и деньги от нее.

Прибыв в Яренск, В.В.Голицын с семейством написали царям Петру и Ивану челобитную: «Страждем мы, бедные, близ конца живота своего; а оклеветаны вам, великим государям, невинно. Как нас, холопей ваших, везли к Тотме, и, не доезжая города, на реке Сухоне, возки жен наших и детей и дворовых людишек в воду обломились, и жен и детишек наших малых насилу из реки вытаскали и лежали в беспамятстве многое время». Пристав Голицыных, назначенный также ведать городскими делами в Яренске, бил челом боярину Стрешневу, что в городе нечем питаться: «Городишко здесь самое убогое: всего, и с целовальниками, и с подъячими, и с приставом, 30 дворишек. А уездные люди в городе мало бывают; все сами промеж собою судятся, а государские всякие подати выбирают промеж себя; лишь наша сухота!» Вскоре на В.В.Голицына поступило несколько доносов, связанных как с его прежними делами, так и с якобы сказанными им в Яренске крамольными словами (будто бы опальный фаворит утверждал, что царю Петру осталось жить всего год и что он, Василий Голицын, еще пригодится, так что его надо

беречь). В.В.Голицын отверг обвинения, но в июне 1691 г. его всё же отправили еще дальше в ссылку – в Пустозерск (туда ранее был отправлен один из приверженцев Софьи боярин Неплюев). Голицын в дороге написал царям новое письмо: «Ныне в пути мучим живот свой и скитаемся Христовым именем, всякою потребою обнищали и последние рубашки с себя проели. А в Пустозерске хлеб зело дорог и всякая живность, и помереть будет нам томною и голодною смертию. Милосердные великие государи! Велите нас, бедных и невинных, возвратить из такого злого тартара». Жалобы возымели действие, и через некоторое время Голицыных перевели из Пустозерска в с. Кологоры Пинежского уезда. Умер В.В.Голицын 21 апреля (2 мая) 1714 г. Его похоронили в Красногорском Богородицком монастыре возле г. Пинеги.

Пустозерск продолжал использоваться как место ссылки и в XVIII в. В 1711 г. сюда сослали нескольких участников крестьянской войны 1707–1709 гг., в их числе сына руководителя восставших Кондратия Булавина – Никифора: «Послать за их вины в ссылку... в Пустозерский острог Тита Ферапонтова, Степана Ананьина, ...вора и бунтовщика Кондрашки Булавина сына Никифора, астраханцев Василия Степанова, Степана Замылу...» 17 марта 1719 г. в Пустозерск привезли сосланного князя Семена Ивановича Щербатова. Сюда разрешили приехать также его жене и трем крепостным. 21 февраля 1721 г. в Пустозерск был сослан «за некоторое ево воровское намерение и за бездельные слова» «лейб-гвардии Преображенского полку бомбардирской роты капрал Степан Мороз» (в 1730 г. ему разрешили поступить на службу в Пустозерский гарнизон).

14 июля 1730 г. императрица Анна Иоанновна распорядилась сослать в Пустозерск «за многие непорядочныя и противныя дела» князя Ивана Григорьевича Долгорукого, причастного к попыткам ограничить власть императрицы. В указе говорилось: «...Приехав в Пустозеро, содержать его там под крепким караулом и давать кормовых денег по рублю в день из тамошних доходов, и кроме церкви никуда не отпускать и к нему никого не допускать, бумаги и чернил не давать и писем никаких ни к кому писать ему не велеть». В 1739 г. И.Г.Долгорукий был переведен в Новгород, предан новому суду вместе с другими членами этой фамилии и казнен.

На территории современной Республики Коми отдельные ссыльные появились в первой половине XIX в. Первым политическим ссыльным в Усть-Сысольске стал Осип Филиппович Ишимов (родился около 1768 г., в Вятке; год смерти неизвестен, не ранее 1836). Он служил канцелярским чиновником, секретарем генерал-губернатора Вятской губ., секретарем тобольского губернатора. В 1799–1802 гг. директор школ, Главного

народного училища Тобольской губернии, организовал первый в Сибири любительский театр. В 1803 г. переехал в Кострому, в 1805 г. – в Петербург, служил в судебном ведомстве. Имел чин надворного советника. Благополучное течение жизни семьи Ишимовых прервалось в мае 1819 г., когда О.Ф.Ишимова, готовившего процесс против помещика – родственника всесильного А.А.Аракчеева, по распоряжению последнего, «за беспокойный нрав и вредные для общества действия» вместе с семьей (женой и двумя детьми) в трехдневный срок выслали из Петербурга в Вологду, а оттуда сразу же еще дальше, в Усть-Сысольск. Ссылные не получали никакого содержания от казны. Имущество в Петербурге было в спешке распродано за бесценок, так что семья оказалась в Усть-Сысольске в довольно стесненных материальных условиях и вынуждена была давать частные уроки.

В Усть-Сысольске О.Ф.Ишимов занимался просветительской деятельностью, написал проекты об улучшении порядка производства уголовных следствий, об улучшении положения казенных крестьян, о создании ремесленных и сельскохозяйственных школ (предлагал «завести училища, в которых бедные дети могли бы обучаться ремеслам, рукоделию и земледелию», так как «система хлебопашества и воспитания соединяет в себе двойную пользу, приводя в то же время к совершенству и земледелие и земледельца»). Стремился привить усть-сысольцам навыки культурного досуга: в его доме обучали местную молодежь танцам, организовывали театральные постановки). Ишимовы пробыли в Усть-Сысольске до 1821 г., затем их перевели в Никольск Вологодской губернии. Через некоторое время семье Ишимовых (кроме главы семьи) было разрешено вернуться в Петербург; О.Ф.Ишимов получил такую возможность в 1832 г. Дочь О.Ф.Ишимова Александра стала позднее видной писательницей и переводчицей. Ее «Историю России в рассказах для детей» высоко оценил А.С.Пушкин, написавший Ишимовой за несколько часов до дуэли с Дантесом: «Сегодня я нечаянно открыл Вашу «Историю в рассказах» и поневоле зачитался, – вот как надобно писать!» Свои впечатления об Усть-Сысольске А.О.Ишимова позднее изложила в воспоминаниях (автобиографии), рассказе «Зырянка» и некоторых других произведениях.

Гораздо дольше, 10 лет, отбывал ссылку в Усть-Сысольске декабрист Григорий Абрамович Перетц (родился в 1789 или 1790 г. в Могилевской губернии, умер после 1850 г.). Он был сыном известного откупщика, имел чин титулярного советника. В 1818–1825 гг. он служил в канцелярии петербургского генерал-губернатора М.А.Милорадовича, где познакомился с будущим декабристом Ф.Н.Глинкой, вступил в декабристский «Союз Благоденствия». Как пишет проф. Л.П.Рощевская,

Г.А.Перетц не был активным сторонником революционных действий. Членом «Северного общества» декабристов Г.А.Перетц, видимо, не был, но знал о его существовании и планах. Он поддерживал отношения только с теми декабристами, с которыми его связывала общность литературных и культурных интересов. В событиях 14 декабря 1825 г. Г.А.Перетц не участвовал, но в феврале 1826 г. все же был арестован, однако освобожден еще до суда. По высочайшему повелению его сослали в Пермь, 13 августа 1827 г. перевели в Усть-Сысольск. О его пребывании тут мало что известно. Здесь в 1830 г. умерла его жена. Видимо, Г.А.Перетц имел отношение к созданию первой в Коми крае Усть-Сысольской общественной библиотеки, открывшейся в ноябре 1837 г. В июле 1839 г. Г.А.Перетц был переведен в Вологду, служил там в приказе общественного призрения, в 1843 г. получил должность чиновника особых поручений при губернаторе, являлся советником вологодского губернского правления. Через некоторое время уехал в Одессу, где вторично женился, занимался торговлей соли.

В создании первой усть-сысольской библиотеки, наряду с Г.А.Перетцом, принял активное участие и еще один ссыльный – Николай Иванович Надеждин (05(17).10.1804, с. Ниж. Белоомут Рязанской губ. – 11(23).01.1856, Петербург). В 1836 г. он, будучи известным ученым (профессор Московского университета по кафедре теории изящных искусств и археологии в 1831–1835 гг.), блестящим журналистом, издателем (с 1831 г.) солидного журнала «Телескоп», совершил поездку по европейским странам, приобрел массу впечатлений и, вспоминая об увиденном на страницах своего журнала, между делом обронил: «Бельфор городок прекрасный, ...не какой-нибудь наш Устьсысольск» (на эту любопытнейшую в свете дальнейших событий фразу обратила внимание исследовательница З.Я.Немшилова). Не стоило Надеждину поинтересоваться все казавшийся ему бесконечно далеким от цивилизации уездный город, ибо не прошло и года, как попавшему в опалу профессору пришлось поменять «вторую российскую столицу» Москву на «столицу Зырянского края».

В 1836 г. он опубликовал «Философическое письмо» П.Я.Чаадаева. За это журнал был закрыт 22 октября 1836 г., а Н.И.Надеждин летом 1837 г. оказался на другом краю Европы, отнюдь не столь приятном его сердцу. «Об Устьсысольске везде и от всех слышу горькие отзывы. Канада – общий приговор! ...Ртуть зимою беспрестанно мерзнет, так что можно делать из нее бильярдные шары». В Усть-Сысольске «прекращается не только народонаселение, но и растительность» – с таким мало ободряющим багажом знаний профессор тронулся в путь. Впрочем, путешествие в Усть-Сысольск и особенно тягостное предвку-

шение ожидаемых там всяческих невзгод оказались, в общем, большим испытанием для изрядно напуганного сочувствовавшими знакомыми Надеждина, нежели сама ссылка.

Устьсысольские власти решили не ударить в грязь лицом перед прибывшим «советником, кавалером и профессором», и, как пишет З.Я.Немшилова, городничий встретил его в полной парадной форме, доложил о состоянии города и уезда и поселил ссылчного ученого «в домике прелестном, на хорошем месте». Убедившись, что в Усть-Сысольске люди и природные условия далеко не так дики, как ожидалось, Надеждин обрел спокойствие. Позднее, вспоминая о теплом приеме и, возможно, чувствуя внутреннюю неловкость от того, что он ожидал совсем иного и был заранее плохо настроен по отношению к жителям провинциального городка, Н.И.Надеждин писал: «Зыряне народ чудный. Они не только не пугаются учености, но даже питают к ней какое-то особое благоговение». Исследователь сделал даже такое неожиданное предположение: «Весьма вероятно, что это у них остаток древнего языческого суеверия. Вся северная чужь в старину боготворила медведей, этих мохнатых отшельников, которых уединенные берлоги неоспоримо были первообразом ученых затворнических кабинетов».

Во время ссылки Надеждин начал заниматься историческими и этнографическими изысканиями. На личном опыте убедившись в слабости географических знаний о регионах России, Н.И.Надеждин пришел к выводу о необходимости развертывания историко-географических исследований в России и стал одним из российских пионеров исторической географии, опубликовав в 1837 г. статью «Опыт исторической географии русского мира».

Н.И.Надеждин освоил коми язык и принялся изучать и записывать коми фольклор – сказки, легенды, песни и т.д. Он написал несколько статей об истории и этнографии коми, природных богатствах края, опубликовал (уже по возвращении из ссылки, в 1839 г.) очерк «Народная поэзия у зырян». Кроме того, ученый написал и отослал в Москву около 100 статей для семнадцатитомной первой русской энциклопедии «Энциклопедического лексикона» Плюшара (среди них «Войпель», «Вымь», «Вычегда» и др.). 11 января 1838 г. он был переведен в Вологду, в том же году переехал в Одессу, руководил Одесским обществом истории и древностей. В 1843 г. переехал в Петербург, до конца жизни редактировал «Журнал Министерства внутренних дел». Активно сотрудничал в Императорском Русском географическом обществе, являлся редактором «Географических известий», в 1848 г. возглавил Отделение этнографии ИРГО.

Во II половине XIX столетия число ссыльных в Коми крае возросло. В пятидесятых – начале шестидесятых годов в Усть-Сысольск сослали более двух десятков человек из различных губерний России. Однако «политических» среди них поначалу было мало. В Усть-Сысольске в 1862 г. из 24 находившихся в городе ссыльных таковых было лишь трое, в том числе первый политссыльный из местных жителей – сын местного священника Вонифатий Вонифатьевич Кокшаров (1843, Усть-Сысольск – не ранее 1904). По данным И.Н.Костроминой, В.В.Кокшаров в 1843 г. с серебряной медалью окончил Вологодскую губернскую гимназию, позднее поступил в Санкт-Петербургский университет, но в 1862 г. был арестован по подозрению в поджогах и за хранение у себя политических стихотворений и выслан домой, в Усть-Сысольск, под надзор местных властей. В 1865 г., убедившись в благонадежности бывшего вольнодумца, надзор за Кокшаровым прекратили. В 1867–1868 гг. он работал в губернском правлении. Что касается остальных, то крестьянин Д.Сценный был сослан за участие в крестьянском восстании в Польше и создание «подпольной крестьянской организации». Видный впоследствии революционер-народник Порфирий Иванович Войнаральский (15.08.1844, Пензенская губ. – 17(29).07.1898, Харьковская губ.) учился на медицинском факультете Московского университета, но за участие в студенческих волнениях в 1861 г. был исключен и в феврале 1862 г. выслан в г. Глазов Вятской губ., откуда «за вредное влияние на учащуюся молодежь» переведен в Усть-Сысольск. Здесь он пребывал с 27 мая 1862 г., организовывал литературные вечера, содействовал открытию общественного клуба, способствовал оживлению работы публичной городской библиотеки. Дружил с основоположником коми литературы И.А.Куратовым, изучал коми язык. В марте 1863 г. его перевели в Яренск, где Войнаральский «деятельно хлопочет об открытии в г. Яренске публичной библиотеки и для этой цели жертвует свои собственные книги». В мае 1866 г. переведен в г. Вельск Вологодской губернии, затем – в Архангельскую губернию. В 1872–1874 гг. – один из руководителей народнического «хождения в народ». Организовал революционные кружки в Пензенской, Саратовской и Самарской губерниях, приговорен к 10 годам каторжных работ, которые отбывал на Украине и в Восточной Сибири, затем находился на поселении до 1897 г.

Через год к ним добавились девять участников польского восстания 1863 г.: В.Запоровский, С.Краков, К.Цельт и др. Ксёндз Юзеф Бужинский по обвинению «в раздаче революционных знаков, которые он сам развозил по деревням, и в произношении возмутительных проповедей, направленных к поселению в крестьянах недоверия и неудовольствия к

законному правительству» в феврале 1862 г. был сослан вначале в Вологду, где вызвал у властей подозрение «в распространении вредных политических идей между нижними чинами вологодского батальона внутренней стражи» и 31 октября 1863 г. отправлен в Усть-Сысольск. В 1864 г. в Усть-Сысольск сослали польского дворянина и деятеля революционного движения Винцета (Викентия) Мартыновича Журавского. По данным Г.И.Тираспольского, В.М.Журавский в марте 1861 г. за связь с «неблагонадежными лицами» был отчислен из Санкт-Петербургского университета без права повторного поступления, арестован в ноябре 1861 г. и выслан в Смоленск, где служил в губернской канцелярии. «Вследствие вредного влияния на молодежь» для отбытия дальнейшей ссылки переведен в Мезень Вологодской губернии, в феврале 1863 г. – в Сольвычегодск, 13 сентября 1864 г. направлен под строгий полицейский надзор в Усть-Сысольск.

Как писал из Усть-Сысольска один из ссыльных поляков М.Водзыньский, «все пригоняют и пригоняют, негодяи, сюда нас, бедных... Сколько преступлений, сколько подлостей совершила проклятая Москва, а приносить для нашей несчастной отчизны новые жертвы уже нет сил». Многие ссыльные жили в довольно хороших условиях. По воспоминаниям очевидцев, поляки, например, «старались подыскать себе лучшие квартиры» в Усть-Сысольске, что им и удавалось. Тем не менее некоторые из ссыльных падали духом, отходили от прежних идеалов, становились полицейскими осведомителями (среди них оказался М.Ф.Водзыньский). Большинство, однако, держались стойко.

Станислав Кракув, участник польского национально-освободительного восстания 1863 г., находился в устьсысольской ссылке с октября-ноября 1863 г. Как пишет Г.И.Тираспольский, он вел активную переводческую работу: во время одного из обысков у него изъяли несколько тетрадей с записями на русском и польском языках объемом более 600 страниц и 10 записных книжек. Кроме того, в Усть-Сысольске С.Кракув занимался фотографией, бесплатно снимал желающих; вероятно, он был первым в городе фотографом.

В.М.Журавский в устьсысольской ссылке поддерживал нелегальную переписку с петербургским революционным подпольем, решительно выступал против ущемления прав политссыльных, пропагандировал среди местной молодежи знание польского языка. В ссылке он продолжал переводческую работу, занимался научными разысканиями по русской истории, готовился к экзамену на кандидата в университет, был постоянным корреспондентом журналов и газет «Голос», «Искра», «Книжный вестник», «Биржевые ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости» и др., куда направлял свои краеведческие работы. В одной

из них говорилось, например, о необходимости изучать археологию Коми края (О северо-востоке Вологодской губернии в археологическом отношении (письмо редактору) // Современные известия. 1870. № 124). Статью «Усть-Сысольск» исправник не счел возможным отослать в редакцию из-за «пристрастных и несправедливых отзывов об Усть-Сысольском общественном собрании».

Некоторые ссылки пытались вести пропаганду среди населения Коми края. Например, в 1873 г. в Кедвагомской волости ссылный Цитович, согласно донесению волостного старшины, «всеми мерами изыскивает средства для вовлечения крестьян в тяжбы и жалобы... и во всем заставляет видеть их только упущения в действиях начальства». 8 апреля 1875 г. ссылный И.И.Лебедев в Усть-Сысольске написал и вывесил прокламацию, где содержались, в частности, такие слова: «К оружию, граждане, к оружию! Долой тирана и подлых слуг его! Да здравствует свобода!»

Но какого-либо заметного влияния на местных жителей политические ссылки не имели – за исключением небольшого круга людей, с которыми они знакомились более тесно. В круг устьсысольских знакомых Журавского и других поляков входил и И.А.Куратов. Общение И.А.Куратова с политссылными вызвало подозрения у чиновников, и поэт вынужден был уехать из родных краев, сменив педагогическую работу на военно-судебную службу, где И.А.Куратов твердо отстаивал начала гуманизма, справедливости и законности, бесстрашно боролся с сановными нарушителями правопорядка до самой своей смерти от чахотки в далеком Казахстане. Вообще, стоило властям узнать, что кто-то из политссылных начинает вызывать у обитателей несколько больший интерес, тут же следовало распоряжение о переводе его в другой населенный пункт. В апреле 1865 г. В.М.Журавский «за вредное влияние на молодежь» был переведен из Усть-Сысольска в Яренск. В июле 1865 г. он был сослан в Архангельскую губернию, после этого – в Сибирь. После освобождения в 1874 г. жил в Туле и Киеве, в 1879 г. его опять арестовали, и в 1880 г. В.М.Журавский снова оказался в Яренске, в 1881 г. – в Грязовце Вологодской губернии под надзором полиции. Недолго пробыли в Коми крае и другие поляки. Пожалуй, единственным исключением стал польский гвардеец Цембер – дед виднейшего устьсысольского краеведа А.А.Цембера, сосланный сюда за участие в польском восстании.

Среди тех, кто отбывал ссылку в Усть-Сысольске, были и первые рабочие революционеры Семен Кузьмич Волков и Дмитрий Николаевич Смирнов. С.К.Волков (1(13) апреля 1845 г. – 5.06.1924, г.Гурьев Уфимской губ.) состоял в рабочих кружках с 1863 г. В начале 1870-х гг.

он работал на железной дороге в Саратове, участвовал в стачках, с 1873 г. – на патронном заводе в Петербурге, состоял в организованном народниками рабочем кружке. В 1874 г. был арестован по делу о пропаганде, освобожден в феврале 1876 г., участвовал в организации рабочего кружка, на базе которого позднее оформился «Северный союз русских рабочих», осенью 1876 г. арестован, в 1877 г. отправлен в ссылку, прибыл в Усть-Сысольск 30 августа 1877 г.

В том же месяце появился в Усть-Сысольске и Д.Н.Смирнов (1847 или 1848 г., Костромская губ. – 1928 г.) – человек, схожей с Волковым судьбы. Он с 1861 г. работал на заводах Петербурга, в 1873 г. сблизился с народниками, вступил в революционное движение, вел пропаганду среди рабочих, создал кассу взаимопомощи, был библиотекарем в рабочей организации. Арестован в 1874 г. по обвинению в народнической пропаганде в период знаменитого «Хождения в народ», освобожден под надзор полиции. В 1876 г. вступил в нелегальный рабочий кружок (ставший два года спустя одним из истоков «Северного союза русских рабочих», осенью того же года был снова арестован и сослан в Усть-Сысольск. Одновременно с ними находился в городе сосланный рабочий Г.Я.Чуккур и некоторые другие. «Жизнь в Усть-Сысольске, – по словам С.К.Волкова, – пошла более или менее однообразно. Устроили мы мастерскую металлических работ. Брали в починку все, начиная с пожарной машины и до рояля». В этой мастерской работал слесарем и Д.Н.Смирнов. В 1880 г. его перевели на родину в г. Галич (Д.Н.Смирнов находился в ссылке и под надзором полиции до 1884 г., в 1885 г. уехал в Болгарию, потом вернулся, работал на оружейном заводе в Туле, но в революционном движении участия не принимал). Волков в том же 1880 г. вступил в брак с Марией Герасимовной Осинской, сосланной в Усть-Сысольск 3 сентября 1878 г. за принадлежность к народолюбцам. В октябре 1879 г. ее перевели в Томск, но затем вернули в Усть-Сысольск. В 1881 г. срок надзора М.Г.Осинской был определен в 5 лет, срок ссылки С.К.Волкова продлили на 4 года. «Жизнь наша была устроена коммунистическим образом, мы столовались 10-15 человек, – вспоминал он. – ...Я лично больше имел дело с ружьем и находился в тайге. Полиция сначала меня сильно преследовала, но потом прекратила, так как убедилась, что жена постоянно дома, что я побега не устрою». В апреле 1882 г. М.Г.Осинскую перевели в г. Курган Тобольской губернии; вместе с ней уехал и С.К.Волков.

Осенью 1886 г. в Усть-Сысольск сослали Василия Сергеевича Волкова. Родился он в 1859 или 1860 г. в г. Серпухове, с 1884 г. работал ткачом на Никольской мануфактуре С.Морозова в Орехово-Зуеве, пользовался популярностью среди рабочих, выступал в защиту их интересов.

Вместе с П.А.Моисеенко подготовил в 1885 г. выступление рабочих, получившее широкую известность как «Морозовская стачка». В.С.Волков участвовал в составлении требований, которые предъявил губернатору. Во время стачки он был арестован. Это вызвало столкновения участников стачки с войсками. С января 1885 до октября 1886 г. В.К.Волков содержался в тюрьме, а затем был отправлен в ссылку на три года. В Усть-Сысольск с ним приехала жена – ткачиха Акулина Платонова. Жилось им трудно, работу по специальности В.С.Волков найти не мог, просил пособие на одежду и питание. Прожил он в Усть-Сысольске недолго – 17 (29) мая 1887 г. скончался от чахотки (которой заболел в тюрьме) в уездной больнице и был похоронен на Кирульском кладбище.

В 1870-е гг. в Коми крае появились ссыльные народники. Общее число их было невелико (например, в Усть-Сысольске в 1879 г. жили шесть ссыльных, в 1886 г. – два, в 1889 г. – восемь, в 1898 г. – десять). С 7 апреля 1883 г. до апреля 1884 г. в Усть-Сысольске пребывал Евтихий Павлович Карпов (25.10.1857, Орловская губ. – 3.01.1926, Ленинград), участвовавший в пропаганде среди крестьян, подозревавшийся в укрытельстве на своей квартире В.Засулич после ее оправдания судом присяжных. Он был арестован, отправлен в ссылку в Красноярск, потом в Вологду, а оттуда – в Усть-Сысольск. Как пишет проф. Л.П.Рощевская, по возвращении из ссылки Е.П.Карпов стал режиссером первого народного театра в Петербурге, устраивал народные праздники, на которые сходились тысячи зрителей, с 1896 г. был режиссером Александринского театра (ныне – академический театр им. А.С.Пушкина в Петербурге).

Рекомендуемая литература

Жеребцов И.Л., Несанелис Д.А., Жеребцова Л.С., Несанелене В.А. Занимательно об истории и культуре Республики Коми. – М., 1998.

Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми. Научно-популярные очерки. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996.

Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край. Очерки о десяти веках истории. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Рогачев М.Б., Колегов Б.Р. Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002.

История Республики Коми с древнейших времен до конца XX в. / Под ред. А.Ф.Сметанина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. – Т. 1, 2.

История Сыктывкара. – Сыктывкар, 1980.

Иванова В. А.О.Ишимова и ее книга // Ишимова А.О. История России в рассказах для детей. – СПб., 1992. – Т. 2.

Политов В.В. Яренск. – Л., 1978.

Республика Коми. Энциклопедия. – Сыктывкар, 1997, 1999, 2000. – Т. 1–3.
Тираспольский Г.И. Ссылные поляки в усть-Сысольске 1860-х годов // Родники пармы. – Сыктывкар, 2000.
Тираспольский Г.И. Письмо преступного содержания // Родники пармы–90. – Сыктывкар, 1990.
Связь времен / Науч. ред. И.Л.Жеребцов. – Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2000.

Очерк 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА В КОМИ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Коми край в начале XX в. оставался регионом с низкой плотностью населения, абсолютное большинство которого проживало в сельской местности и принадлежало к народности коми. Несмотря на довольно развитую сеть школ, где преподавание велось на русском языке, большинство коми населения плохо или совсем не понимали русский язык, что признавали многие партийные функционеры в период агитационно-пропагандистских кампаний, а судебные дела с участием коми крестьян вплоть до середины 1920-х гг. велись через переводчиков. Все это делало Коми край весьма подходящим регионом для высылки политических противников самодержавия.

А таких противников появлялось все больше. Реформы II половины XIX в. хотя и перевели страну в качественно новое состояние, однако сохранили сословное деление, национальное и конфессиональное неравенство и абсолютно не затронули государственное устройство России. К началу XX в. даже привилегированные слои общества начали сознавать, что дальнейшая консервация режима невозможна, а высказывание Николая II о бессмысленности конституционных мечтаний отдельных земских деятелей положило начало формированию негативного образа российского самодержавия в общественном сознании, что, в свою очередь, лишь ускорило становление либеральной и радикальной оппозиций.

Наращение противостояния «власти» и «общества» (под обществом здесь прежде всего понимаются просвещенные круги, т.е. интеллигенция) к началу XX в. было неизбежно. Смена века и царствования, ускоренная социально-экономическая модернизация страны – все это вызывало дискуссии в обществе о путях развития России в новом столетии. Недостаточность проводившихся реформ, их непоследовательность, предпочтение репрессивным мероприятиям – это, по мнению представителей либеральной оппозиции, провоцировало рост революционного движения и порождало сочувствие ему в стране; в итоге, власть была виновна в разжигании революционных процессов. В радикальных кругах преобладало убеждение в том, что причина противостояния «власти» и «общества» – в безразличии самодержавия к нуждам народа, в усилении репрессивных методов во внутренней политике правительства. Единственным ответом на насилие со стороны власти революционеры выбирали насилие. Возможность компромисса с правительством, необходимость эволюционных преобразований и сохранения преемственности в развитии государства они полностью отрицали.

Свидетельством социально-политического кризиса в стране в начале XX в. стало партийное движение либеральной и демократической интеллигенции, требующей политических свобод. Интеллигенция стала той социальной базой, на основе которой сформировались практически все политические партии России, в том числе самые массовые: социал-демократов, социалистов-революционеров, конституционных демократов и др. Всего в стране в короткий срок были созданы несколько десятков крупных русских и национальных политических партий самого разного направления, история которых достаточно подробно изучена в советской и современной российской историографии.

Во внутренней политике страны в условиях нарастания социальной напряженности перед правительством встала задача – или сохранение существующего строя репрессивными методами, или его модернизация. Вся внутренняя политика правительства Николая II состояла в том, чтобы не поступиться основными самодержавными принципами и в то же время снять социальную напряженность в стране. Однако со своими задачами правительство не справилось, ни одна социальная группа в стране не была удовлетворена деятельностью правительства. Назревала революция, задачами которой были свержение самодержавия и установление в России демократической республики; ликвидация сословного неравенства; введение свободы слова, собраний, партий и политических объединений; уничтожение помещичьего землевладения и наделение крестьян землей; сокращение продолжительности рабочего дня до 8 часов, создание профессиональных союзов; установление равенства народов. В разрешении этих задач были заинтересованы широкие слои населения: большая часть средней и мелкой буржуазии, интеллигенция, рабочие, крестьяне, солдаты, матросы, служащие. Революция была общенародной, по целям и составу участников имела буржуазно-демократический характер, продолжалась с 9 января 1905 г. по 3 июня 1907 г.

Одним из главных политических итогов революции стала партийная деятельность – самое действенное орудие политической борьбы в России. Нереализованные задачи революции 1905–1907 гг. перешли в революцию 1917 г.

После поражения первой российской революции Коми край стал местом содержания большого контингента административно-высланных политических деятелей со всех губерний европейской части Российской империи. Основными причинами их высылки на Европейский Северо-Восток были: «за принадлежность к преступной организации и разбрасывание прокламаций», «за противоправительственную агитацию», «по изобличению в принадлежности к группе экспроприаторов-грабителей», «в принадлежности к партии анархистов и вымогательстве

с угрозами денег», «за принадлежность к революционной организации», «за противоправительственную агитацию среди крестьян и за подстрекательство последних к неплатежу повинностей и к аграрным беспорядкам», «за порочное поведение и принадлежность к революционным организациям», «по изобличению в сношениях с революционерами, в укрывательстве дезертиров и в снабжении их подложными паспортами», «по изобличении в революционной деятельности и принадлежности к шайке грабителей», «за принадлежность к преступным организациям и участие в нелегальном собрании», «за революционную пропаганду и подстрекательство рабочих к забастовкам» и т.д.

По данным журнала «Вестник Европы», на 1 января 1907 г. по России насчитывалось 9000 чел. административно-высланных по политическим мотивам. Отсталый в социально-экономическом плане Коми край являлся идеальным местом политической ссылки на европейском Севере России. По мере усиления репрессий правительства в отношении революционного движения количество политссыльных в Коми крае возрастало. Если в 1905 г. в Коми крае насчитывалось 51 административно-высланных, то к 1908 г. эта цифра увеличилась в 24 раза и составила 1224 чел.

В политическом отношении административно-высланные представляли в основном левый блок крупных российских партий – Партию социалистов-революционеров (ПСР); Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП); Польскую социалистическую партию (ППС); Союз социалистов-революционеров-максималистов; Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд); группы анархистов-коммунистов; Социал-Демократическую партию Польши и Литвы. Имелись также представители таких политических партий и организаций, как «Бакинская красная сотня», «Уральский боевой союз», еврейская социал-демократическая партия «Паолей Цион», «Крестьянское братство Киевской губернии», «Всероссийский железнодорожный союз» и др.

В коми ссылке к активным работникам ПСР относили себя, например, следующие политссыльные: Б.А.Володко (уроженец Ковенской губернии, совершил побег из яренской ссылки 4 ноября 1907 г.), К.Л.Богуславский (член областного партийного комитета), М.М.Гаргер (Смоленский комитет), П.П.Андрушис (Псковская террористическая группа ПСР), Н.Ф.Ковальков (из г.Ковно), И.М.Зеликман (Новомосковская организация ПСР), П.С.Федоров (Санкт-петербургская боевая организация), С.З.Гарфункель (он же «Михаил Ильин») и др. Активными работниками РСДРП в ссылке в Коми крае были: З.М.Беленский (из Витебской губернии, за активную деятельность в ссылке переведен

в 1907 г. из Яренска в с.Усть-Кулом Усть-Сысольского уезда), И.Н.Стуков, Ш.З.Рабинович (он же Пейсар Мойзлер, из Волынской губернии, попытался бежать из Яренска в сентябре 1907 г., переведен в Усть-Сысольск), В.Н.Подбельский (Саратовский комитет РСДРП, после революции 1917 г. – советский нарком почт и телеграфов), С.М.Семков (совершил побег из Яренска в 1910 г.), М.М.Лашевич и др. Активными работниками Бунда в коми ссылке были: А.-Л.Ш.Гуревич (еврейская самооборона Ковенской губернии), А.Г.Каган, Ш.М.Кашуко (Волынская губерния), Э.Ш.Столяр (Киевская губерния, за активность в яренской ссылке переведен в Усть-Сысольск в 1909 г.) и др. Активными анархистами-коммунистами в Коми крае считались ссыльные: П.-Х.И. Бродский (Киевская боевая организация), М.С.Богин (скрылся из Яренска в 1910 г.), В.Т.Зельманов (из Волынской губернии, в 1910 г. переведен в Усть-Сысольск), Ш.Г. Кожевник (скрылся из Яренска 10 августа 1909 г.), И.-Г.Л.Абель (Киевская летучая группа) и др. Активными работниками ППС в коми ссылке были: Ф.В.Гржегорчик (уроженец г.Ежов, боевая организация ППС), А.М.-Л.Дуо (скрылся из Яренска в декабре 1907 г.), Б.А.Ильинский (боевая организация ППС, скрылся из Яренска в декабре 1907 г.), А.В.Ягелло и др. О наиболее известных политссыльных царского времени в Коми крае приведены биографические справки в приложении.

В 1908 г. по данным яренского уездного исправника в Яренском уезде насчитывалось 527 ссыльных, «из них социал-демократов (без подразделения на большевиков и меньшевиков) – 40 человек, эсеров – 31, остальные 458 человек падают на другие политические партии (кадеты, анархисты, бундовцы, ППС)». Безусловно, столь большое количество политссыльных, высланных в Яренский уезд за активную антигосударственную деятельность, не могло не оказать влияния на коренное население Яренского уезда. В Усть-Сысольском уезде насчитывалось в это же время «ссыльных – 504 человека, из них социал-демократов – 33 человека, эсеров – 43. Остальные 428 ссыльных – на все другие партии...».

Надо заметить, что массовый приход ссыльных в Коми край в начале XX в. встретил откровенно враждебное отношение к ним со стороны местных крестьянских общин. Так, в июне 1906 г. усть-сысольский уездный исправник В.Булатов направил в Вологду в губернское жандармское управление рапорт, где писал: «Отношение мещан г.Усть-Сысольска к поднадзорным обостренное и враждебное настолько, что 12 июня в полицейском управлении усть-сысольский мещанский староста Кудинов заявил мне, что политические поднадзорные часто посещают с песнями прилегающие к городу слободки Изкар,

Тентюково и Нижний Конец и нарушают этим тишину и спокойствие, заходят на мещанские вечеринки и наносят парням побои, чем возбуждают молодежь против себя. Бывали также случаи, что пьяные поднадзорные учиняли разные бесчинства, а некоторые из них даже подозреваются в кражах, почему по наблюдению мещанского старосты мещане на поднадзорных смотрят очень недружелюбно и если отношения первых к последним обострятся, то по мнению его возможны расправа и избиение поднадзорных мещанами этих слободок. Враждебность к поднадзорным чувствуется и в среде городских жителей и мещан, так как поднадзорные ведут себя крайне буйно и вызывающе».

Пытаясь выяснить причину неприязненного отношения к ссыльным со стороны местного населения усть-сысольский исправник в марте 1909 г. писал в ВГЖУ: «Экономический быт ссыльных, не получающих от казны пособие (ссылный получал на содержание от государства от 8 руб. 30 коп. до 11 руб. в месяц, кроме того обеспечивался одеждой и обувью – *Авт.*) и из-за отсутствия в уезде заработков весьма плохое, и многие из таковых ссыльных занимаются кражами и нищенством, к местному населению большинство ссыльных относится недружелюбно, а равно и население уезда, за весьма небольшим исключением, имеет к большинству ссыльных враждебное отношение». В полицейских донесениях становых приставов можно встретить множество рапортов о массовых стычках (нередко с применением холодного оружия) между ссыльными и коми крестьянами. Подобная ситуация складывалась и в Яренском уезде.

Попытки малочисленной коми интеллигенции и политссыльных активизировать общественно-политическую жизнь в крае привели к кратковременному функционированию здесь политических объединений кружкового типа, из которых к наиболее многочисленным относились партийные организации ПСР, РСДРП, Конституционно-демократической партии (кадетов), ППС. Представители других партий, если и занимались политической деятельностью в ссылке, то без оформления партийных организаций. Касаясь деятельности ПСР в Коми крае до 1917 г., советские историки признавали: «Значительно было тлетворное влияние эсеров».

Известны четыре организации ПСР в Коми крае до 1917 г. Это «Усть-Сысольская окружная организация социалистов-революционеров», возникшая в 1905 г. и существовавшая до 1914 г.; Нювчимская организация, возникшая в 1905 г. (по другим данным, в 1907 г.) и распавшаяся в 1908 г. (по другой версии – в 1909 г.); Яренская организация, существовавшая в 1907–1909 гг.; Усть-Цилемская организация, существовавшая в 1908–1910 гг. Все организации ПСР в Коми крае были

созданы благодаря инициативе ссыльных эсеров. В состав организаций, помимо политссыльных, входили коми крестьяне, рабочие, служащие, представители церковного причта. В общей сложности в организациях ПСР в Коми крае насчитывалось не менее 100-150 чел.

Главными направлениями работы эсеров в Коми крае стали агитационно-пропагандистская и организационная деятельность. Эсеровская печатная продукция получила большое распространение в крае. Советский историк В.Н.Давыдов в статье «Классовая борьба в Коми крае в годы первой русской буржуазно-демократической революции» вынужден был признать, что «... больше всего сведений имеется об обнаруженных листовках и брошюрах эсеровского содержания». За распространение подобной продукции полиция задерживала как политссыльных, так и уроженцев Коми края.

Наиболее организованной и дееспособной из организаций ПСР в Коми крае являлась «Усть-Сысольская окружная организация социалистов-революционеров». Впервые о ее существовании полиция узнала 14 июля 1905 г., когда по Усть-Сысольску было распространено 36 привозных прокламаций под названием «Товарищи!» (с девизом «В борьбе обрешь ты право свое!») и «К запасным солдатам!» Первая прокламация была эсеровская, вторая – социал-демократическая. За устную агитацию и распространение прокламаций полиция задержала четырех человек, в том числе усть-сысольского мещанина С.О.Латкина, заявившего о своем членстве в ПСР.

В усть-сысольскую организацию ПСР входили главным образом ссыльные, поэтому состав постоянно менялся по мере отъезда и прибытия административно-высланных. По некоторым данным, лидером организации являлся Н.В.Лодыгин, осевший в Усть-Сысольске. Активную роль в организации в разное время играли К.И.Бучинский, Ш.Г.Золенштейн, Г.П.Крошка, Н.М.Владимиров и др. Из местных членов организации выделялись С.О.Латкин и М.В.Латкин. Кроме распространения прокламаций ПСР, С.О.Латкин в 1907 г. сделал попытку заняться журналистикой и написал ряд статей на крестьянские темы под псевдонимом «Дядя». М.В.Латкин появился в Усть-Сысольске в конце 1900-х гг. уже как опытный партийный деятель, член Петербургского Боевого комитета ПСР, отсидевший некоторый срок в петербургской тюрьме «Кресты» за политическую деятельность. Имя М.В.Латкина было хорошо известно в усть-сысольском обществе, поскольку в 1906 г. усть-сысольская группа кадетов собирала пожертвования политзаключенным Санкт-Петербурга, в первую очередь для М.В.Латкина.

Наибольшую активность усть-сысольская организация ПСР проявила в 1907 и 1909 гг. Тщательно подготовленная ссыльными первомайская акция 1907 г. стала известна полиции. В результате жандармской облавы в ночь на 1 мая 1907 г. на конспиративной квартире было задержано свыше 70 политссыльных Усть-Сысольска. Жандармы конфисковали красные флаги, 185 экз. эсеровских прокламаций и 2 экз. прокламаций РСДРП. Провал акции все же не остановил распространение первомайских прокламаций усть-сысольской организации ПСР как в самом Усть-Сысольске, так и сысольских волостях. Агитационно-пропагандистская деятельность преобладала в работе усть-сысольской организации ПСР, хотя эсеры в истории революционного движения России получили известность прежде всего как партия террора. Тем не менее, и в Коми крае эсерами были предприняты попытки организации терактов. В частности, в 1907 г. полиция арестовала в Усть-Сысольске эсера А.Д.Добромильского за изготовление ручных бомб. Возможно, А.Д.Добромильский был связан с Ньючимской ячейкой ПСР, готовившей террористические выступления.

Активизация деятельности усть-сысольских эсеров в 1909 г. была вызвана резким увеличением контингента политссыльных в Коми крае в этот период, среди которых было немало эсеров. Новые люди энергично принялись за партийные дела в Усть-Сысольске. 5 июня 1909 г. местная администрация информировала ВГЖУ: «... в Усть-Сысольске существует среди ссыльных (преимущественно интеллигентов) группа партии социалистов-революционеров, которая имеет свою печать «Усть-Сысольской организации партии социалистов-революционеров». Устраивают собрания для обсуждения вопросов по делам партии, на которых составляются протоколы и выносятся резолюции. Такие собрания были 28 февраля – 16 человек, 2 марта (4 часа) – 17-18 человек, 5 марта – 18 человек (6 часов). Группа ведет конспиративную заграничную переписку. Адрес: Германия, Мюнхен, м-ль К.Филипповой».

По сведениям агентов полиции, между 20 и 28 июля 1909 г. в Усть-Сысольск с целью установления более прочных контактов ЦК с колониями политссыльных на Севере приезжал «будто бы» В.М.Чернов, один из лидеров и видный теоретик ПСР. В.М.Чернов читал на партийных собраниях реферат о новых задачах партии. На чтениях присутствовало 15-20 чел. После отъезда В.М.Чернова 4-5 августа 1909 г. в окрестностях Усть-Сысольска были организованы маевки политссыльных, где в общей сложности участвовало до 40 чел. Обе маевки были разогнаны полицией.

Стремясь вовлечь в партийную работу как можно больше представителей Коми края, усть-сысольская организация ПСР образовала в

1909 г. два политических кружка, где изучалась партийная и революционная литература. Кружки посещали в основном учителя и старшие гимназисты: М.А.Молодцова, М.А.Надеева, Т.Забоева, Е.Ф.Вежева, А.Е.Заболоцкая, Т.М.Маегова, А.Я.Шешукова, Х.Н.Забоева, Кузнецов и др. Кружки были обнаружены полицией и запрещены. Однако спустя два года подобный кружок почти с тем же составом вновь появился в городе. 21 августа 1911 г. члены кружка были арестованы. За участие в эсеровском кружке М.А.Надеева была уволена с работы, отсидела в усть-сысольской тюрьме три месяца и один год сидела в крепости по приговору суда. Незадолго до Первой мировой войны она эмигрировала в Швейцарию. Е.Ф.Вежева за участие в эсеровском кружке также была уволена с работы и отсидела в тюрьме два месяца (неделю в одиночной камере). Т.М.Маегова, М.А.Молодцова, Х.Н.Забоева, по представлению полиции, были также уволены с работы и в течение длительного периода являлись безработными по политическим мотивам.

В связи с резким сокращением политической ссылки незадолго до I Мировой войны партийная деятельность эсеров в Усть-Сысольске прекратилась.

Наряду с усть-сысольской организацией ПСР не менее активной была деятельность нювчимской ячейки ПСР. По одним данным, ячейка ПСР на Нювчимском чугунолитейном заводе наследников Д.Е.Бенардаки возникла весной-летом 1905 г., по другим – в феврале 1907 г. Значительную роль в становлении ячейки ПСР на заводе сыграли усть-сысольские политссыльные эсеры Н.В.Лодыгин, К.И.Бучинский, Н.М.Владимиров (или А.А.Владимиров). Кроме эсеров, революционную агитацию в 1905 г. вели на заводе и ссыльные социал-демократы. С приездом в Нювчим диакона Н.В.Кашина, эсера по убеждениям, ячейка ПСР на заводе организационно оформилась. Н.В.Кашин взял на себя роль «идейного руководителя всех работ», а председателями ячейки в разное время были рабочие Н.В.Соколов, Д.Н.Улитин, М.Я.Распутин и П.Ф.Анисимов.

Деятельность ячейки в 1905–1907 гг. развернулась в нескольких направлениях: пропаганда революционных идей, организация экономической борьбы на заводе и подготовка террактов.

Во всех исследованиях по истории революционного движения в Коми крае роль Н.В.Кашина однозначно оценивается как «провокационная». Однако нет никаких архивных документов, которые бы подтвердили факт сотрудничества Н.В.Кашина с полицией. В работах историков прежних лет доказательств связи Кашина с охранкой нет. Рабочие о нем отзывались с неизменным уважением.

Помимо агитационно-пропагандистской деятельности и организации экономической борьбы на заводе нювчимская ячейка ПСР совместно с группой усть-сысольских ссыльных анархистов взялась за подготовку и осуществление терактов. Впервые о попытке взрыва квартиры усть-сысольского исправника Баженова нювчимскими рабочими написала в 1973 г. Л.И.Сурина. Нювчимские эсеры активно готовились к терактам: было изготовлено до 200 разрывных бомб, в тайниках складировано огнестрельное оружие – винтовки и револьверы. Созданный при ячейке Боевой комитет поджигал казенные леса вокруг завода, разрушал заводские строения. Все эти действия чрезвычайно раздражали местные охранные отделения. Неоднократно Нювчим подвергался полицейским облавам и обыскам. В 1908 г. в связи со спадом рабочего движения, а также отъездом Н.В.Кашина из Нювчима, деятельность ячейки фактически прекратилась.

О деятельности Яренской и Усть-Цилемской организаций ПСР известно очень мало. 14 ноября 1907 г. яренское охранные отделение информировало ВГЖУ, что, согласно агентурным данным, «проживающие в Яренске политссыльные образовали особую общину социалистов-революционеров. Каждый вечер устраиваются рефераты, на которые приглашаются, как оппоненты, местные ссыльные социал-демократы. Ведется успешная пропаганда среди местных крестьян. Устраиваются митинги и выпускаются листовки». В декабре 1909 г. ВГЖУ вновь получило донесение, в котором, в частности, отмечалось, что «в Яренске будто бы... имеется организация Социалистов-Революционеров, находящаяся в связи с Усть-Сысольском. Активными революционными деятелями в Яренске являются три сестры – первая – начальница женской прогимназии, вторая – врач (невеста ссыльного студента Мартюшина) и третья – провизор местной земской больницы» (речь в документе идет о сестрах Н.К., В.К. и С.К.Писаревых – *Авт.*). 3 марта 1910 г. яренский уездный исправник докладывал начальству, что в Яренске, «по сведениям моего секретного сотрудника «Петра», ... после... ареста главных деятелей из ссыльных среди политических никаких партийных групп не существует», сестры Писаревы «не замечены в политической неблагонадежности».

Эсеры оказали заметное влияние на формирование революционного мировоззрения у определенной части яренцев. К примеру, Ф.С.Кокочкин (яренский уездвоенком в 1918–1921 гг.) писал в «Автобиографии» в 1921 г.: «... Должен сказать, что я считал себя сочувствующим партии эсеров уже давно, примерно с 1907–1909 гг. (период, когда у нас были политические ссыльные)». Имеются сведения и о других яренцах,

политические взгляды которых сформировались под влиянием пропаганды эсеров.

В Печорском уезде эсеровские листовки и другая печатная продукция стали распространяться начиная с 1907 г. 31 января 1907 г. печорский уездный исправник получил рапорт, что в Красноборе обнаружены воззвания «Крестьянам от группы народных учителей – социалистов-революционеров». О существовании Усть-Цилемской группы ПСР можно утверждать с 1908 г. Численность, лидеры и состав группы неизвестны. В письме политссыльного И.Г.Гилева от 31 января 1909 г. сообщается, что в Усть-Цильме «большинство ссыльных рабочие и крестьяне. Среди первых преобладает анархический элемент, а вторые – аграрники. Эсдеков всего 25, за эсеров больше. Против социал-демократов составил блок анархистов и эсеров... С Нового года началась эра рефератов». В 1910 г. тайный агент охраны Северяковский сообщал, что в Усть-Цильме существуют «партийные кружки социал-революционеров и социал-демократов...». В архивах сохранились сведения о фактах распространения эсеровских листовок на лесозаводе «Стелла Поларе», участии эсеров в первомайских акциях в Усть-Цильме.

Деятельность ПСР в Коми крае оказала существенное влияние на местное крестьянское и профессиональное движение. В программах организаторов печорского отделения Всероссийского крестьянского союза А.И.Терентьева и движения визингских крестьян А.И.Митюшева в 1906 г. получила отражение эсеровская идеология. Тяготели к программе ПСР и отделения Всероссийского учительского союза в Усть-Сысольском и Печорском уездах в 1908 г.

Близко к ПСР стояли в России Союз эсеров-максималистов, отделившийся от ПСР в октябре 1906 г., и отдельные группы движения анархистов. В политической ссылке в Коми крае существовали небольшие группы эсеров-максималистов и анархистов-коммунистов. Например, усть-сысольская группа анархистов-коммунистов во главе с А.С.Бучинской по прозвищу «Гуния» участвовала в подготовке терактов нювчимской ячейкой ПСР в 1906–1907 гг. В декабре 1909 г. ВГЖУ получило сведения, что в Усть-Сысольске «имеются небольшие группы максималистов и анархистов». Губернский резонанс получила террористическая акция ссыльных эсеров-максималистов в Печорском уезде в августе 1907 г. – вооруженное столкновение с командой парохода «Доброжелатель», в результате которой один человек был убит, а двое – ранены. Узнав о событиях на борту парохода, колония политссыльных в Усть-Цильме организовала ряд митингов и нелегальных собраний. Для подавления волнений из Архангельска на Печору были вынуждены выслать роту солдат.

Деятельность социал-демократической части коми ссылки известна в литературе. Существовали три организации РСДРП (Усть-Сысольская, Яренская и Усть-Цилемская), состоящие в основном из политссылных с минимальным привлечением представителей местного населения. Наибольшую известность ссылки социал-демократы добились в Яренске, где им удалось наладить издание нелегального журнала «Яренская колония политических ссылных». Всего вышло два номера журнала, растиражированного на гектографе (№ 1 – 1 октября 1909 г., № 2 – 18 ноября 1909 г.). По мнению Т.П.Раевской, именно яренская социал-демократическая группа организовала выпуск подобного издания. Яренская группа РСДРП существовала в 1909-1910 гг., в ее состав входили Ф.А.Андреев, Г.И.Кашевский, А.Л.Голдина, В.Н.Толмачев, Я.Д.Зевин, И.Т.Фиолетов, А.А.Ланина, А.В.Харитонов и др. Лидерами группы и организаторами журнала «Яренская колония политических ссылных» являлись В.Н.Подбельский и П.Л.Ровнер. Тезис советских историков (*«В связи с преобладанием в местах ссылок крестьянского населения, слабо владеющего русским языком, большевики старались установить контакт прежде всего с более передовой частью коренных жителей: учителями земских школ, учащейся молодежью, служащими, крестьянами, связанными с отхожими промыслами. Благодаря этому создавалась возможность расширения революционной агитации среди местного населения»*) в полной мере относится и к деятельности других партийных групп яренских политссылных.

В истории деятельности небольшевистских партийных организаций в Коми крае имеются сведения и о группе Польской социалистической партии в Усть-Сысольске. Группа была организована в 1907 г. среди политссылных поляков членом Варшавской организации ППС ссылным А.М.Жито. Группа располагала собственной библиотечкой, в ее составе были в основном польские рабочие и крестьяне, высланные в Усть-Сысольск за аграрные беспорядки 1906 г.

Помимо партийных организаций, представлявших революционно-демократический лагерь политических партий России, в Коми крае в 1905–1908 гг. имелись и небольшие кадетские группы, относящиеся к либеральному крылу партийного движения России и возникшие, несомненно, под влиянием политической ссылки и ее деятельности в крае. Согласно рапорта ротмистра Плотто, в Яренске в 1907–1908 гг. существовал конституционно-демократический кружок.

Усть-Сысольская группа кадетов была образована в конце 1905 г. по инициативе учителя Визингской начальной школы А.Н.Вешнякова и фактически полностью состояла из представителей коми интеллигенции (учителей, земских служащих).

В состав Усть-Сысольской кадетской группы входили М.Макарьина, гимназисты братья Н.А. и И.А.Кузьбожевы, С.П.Ольшук и др. Тесно сотрудничали с кадетами В.Ф.Попов, увлекавшийся в 1905–1906 гг. социал-демократическими идеями, и А.М.Мартюшев (полиция была уверена, что они входили в состав кадетской группы). Группа имела контакты с политссыльными Бердником, Ткаченко, Фокиным. Первой политической акцией усть-сысольских кадетов стал сбор пожертвований в фонд помощи политзаключенным Санкт-Петербурга. Всего было собрано по подписному листу 150 рублей.

Наибольшую активность группа проявила летом 1906 г., предприняв распространение по Усть-Сысольску и Усть-Сысольскому уезду широкоизвестного «Выборгского воззвания». Этот документ появился в июле 1906 г. по инициативе лидеров кадетской партии Ф.Ф.Кокошкина и П.Н.Милюкова в связи с роспуском I Государственной Думы. «Выборгское воззвание» призывало население России к пассивному сопротивлению властям – отказе от уплаты налогов и рекрутской повинности. В конце июля – начале августа 1906 г. Усть-Сысольская группа кадетов растиражировала «Выборгское воззвание» на гектографе в имении Кузьбожевых в Пезмоге, там же находился склад готовой продукции. Воззвание переводилось на коми язык – это был первый политический документ в истории Коми края на коми языке. 8 и 9 августа 1906 г. члены группы расклеили и разбросали по Усть-Сысольску несколько десятков экземпляров воззвания, что вызвало ответную реакцию властей.

11 августа полиция устроила облаву в Пезмоге. 14 августа 1906 г. усть-сысольский исправник докладывал в ВГЖУ, что «вследствие подозрений на учеников Устюгской гимназии Николая и Ивана Анфаловых Кузьбожевых и их сестры (жены учителя) Марью Макарьину о распространении ими Выборгских воззваний «Народу от народных представителей» 11 августа в доме Кузьбожевых произвел обыск». Полиция конфисковала в Пезмоге гектограф, готовый тираж воззвания, флакон гектографических чернил, письмо Гапона и массу других противоправительственных прокламаций и брошюр. Одновременно волна обысков прокатилась на квартирах подозреваемых в связях с кадетами С.П.Ольшукова, Н.М.Суворова, Н.А.Цивилева, Н.Багина, Захаренкова, Поляченкова, Скоробогачева, священника Турбева (Турьева?) и др. В ходе обысков удалось обнаружить еще какое-то количество «Выборгского воззвания» и прочую революционную литературу. Полиция вскрыла частную почтовую переписку А.Н.Вешнякова и обнаружила в пакетах, отправленных им в Лойму и Занулье, «Выборгское воззвание». Вешняков как организатор кадетской группы был арестован.

Несмотря на это распространение «Выборгского воззвания» имело еще место в октябре 1906 г.

Последней акцией членов кадетской группы стала организация протеста-обращения к гласным Усть-Сысольской Земской управы в связи с увеличением количества конных и пеших стражников и урядников в городе. Протест был написан В.Ф.Поповым и растиражирован, но не получил распространения. 15 октября 1906 г. полиция произвела обыск на квартире В.Ф.Попова и конфисковала весь тираж.

После ареста руководителей кадетская группа в Усть-Сысольске прекратила существование. А.Н.Вешняков по приговору Московской судебной палаты от 2 мая 1908 г. был осужден за антиправительственную деятельность на 6-месячное заключение в крепость. В.Ф.Попов лишился места земского статистика. По постановлению вологодского губернатора А.М.Мартюшев отсидел 3 месяца в усть-сысольской тюрьме за причастность к кадетской группе. В дальнейшем наблюдение за активистами кадетской группы велось постоянно. 17 ноября 1914 г. унтер-офицер Ильчуков составил рапорт «О лицах, принадлежащих в 1905–1906 гг. к конституционно-демократической партии», где приводились агентурные данные на А.Н.Вешнякова, В.Ф.Попова и А.М.Мартюшева.

К началу I Мировой войны все партийные группы в Коми крае прекратили свое существование, за исключением так называемой «артели оселочников» – социал-демократического объединения в Печорском уезде Архангельской губернии, распавшемся весной 1917 г. Прекращение функционирования политических объединений в крае было связано прежде всего с сокращением контингента политссыльных – главных инициаторов антиправительственных беспорядков и волнений в крае. В 1911 г. в Усть-Сысольском уезде, например, насчитывалось 123, в Яренском уезде – 72, в Печорском уезде – 112 политссыльных. К концу 1914 г. в Усть-Сысольском уезде проживало всего семь политссыльных (четверо в Усть-Сысольске и трое в Усть-Куломе). В связи с резким сокращением ссылки какие-либо партийные противоречия между ссыльными полностью сошли на нет. 21 августа 1912 г. в Усть-Сысольске состоялось собрание всех политссыльных, на котором было принято решение «об объединении всех левых организаций при Российском восстании (с-р, с-д, анархистов и других)».

Всего в различных партийных объединениях до 1917 г. прошли общественно-политическую школу несколько сотен жителей Коми края, в дальнейшем именно они возглавили как революционный процесс, так и большевистско-советское строительство в коми регионе.

«Политическая тишина», воцарившаяся в Коми крае после ликвидации политической ссылки, иллюстрируется рапортами яренского уездного исправника, например, за 1916 г.: «... настроение населения вверенного мне уезда... было спокойное и никаких проявлений враждебного характера по отношению к царствующему дому, правительству, государственному и общественному строю не было. Массовых беспорядков и выступлений со стороны крестьян, равно как и волновавших крестьянские массы ложных и неосновательных слухов, выдающихся случаев забастовочного движения, преступной пропаганды или агитации в среде и со стороны интеллигентских слоев общества, прессы, лиц свободной профессии и учащейся молодежи не замечалось. Случаев проявления недовольства действиями властей... не было. Среди интеллигентного общества нет никаких проявлений левого направления. Самовольные лесные порубки крестьян не выходят из разряда обыкновенных и при этом никаких насилий со стороны крестьян произведено не было».

Рекомендуемая литература

Жеребцов И.Л. «Остался навсегда беспартийным» (автобиография Алексея Мартюшева) // Родники пармы–93. – Сыктывкар, 1993.

Жеребцов И.Л. Человек Февраля // Они любили край родной. – Сыктывкар, 1993. – С. 183–204.

Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми. Научно-популярные очерки. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996.

Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край. Очерки о десяти веках истории. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Рогачев М.Б., Колегов Б.Р. Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002.

Зыкин В.Г. Из истории революционного движения в Коми крае (1905–1917 гг.) // Ученые записки Коми пединститута. – Сыктывкар, 1963.

История Республики Коми с древнейших времен до конца XX в. / Под ред. А.Ф.Сметанина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. – Т. 1, 2.

Раевская Т.П. Под гласным надзором полиции. – Сыктывкар, 1974.

Республика Коми. Энциклопедия. – Сыктывкар, 1997, 1999, 2000. – Т. 1–3. Связь времен / Науч. ред. И.Л.Жеребцов. – Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2000.

Таскаев М.В. Партии и партийность населения в Коми крае в 1917 г. // Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. – Сыктывкар, 1991. – Вып. 1. – С. 5–16.

Таскаев М.В. «В борьбе обрешь ты право свое!» (Эсеры в Коми крае) // Родники пармы–93. – Сыктывкар, 1993. – С. 132–138.

Таскаев М.В. Деятельность партии эсеров в Коми крае в 1917–1918 гг. (по материалам периодической печати Архангельской и Вологодской губерний) // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX веках: проблемы изучения. – Сыктывкар, 1993. – С. 63–70.

Таскаев М.В. Национальный аспект в деятельности непролетарских партий и политических обществ в Коми крае (1905–1920 гг.) // Из истории государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. – Сыктывкар, 1993.

Таскаев М.В. Степан Латкин // Белая Армия. Белое дело. – Екатеринбург, 1997. – № 3. – С. 50–77.

Чупров В.И. Коми край в трех русских революциях. – Сыктывкар, 1985.

Чупров В.И., Сметанин А.Ф., Попов А.А. Усть-Цильма – край печорский. – Сыктывкар, 1991.

Очерк 4. **ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: КРАСНЫЙ И БЕЛЫЙ ТЕРРОР**

Октябрьский переворот 1917 г. и захват власти большевиками вызвали настороженность во всех союзных России государствах. Стремление большевиков к заключению сепаратного мира с Германией подтолкнуло союзников к поиску антибольшевистских сил в России, могущих, в первую очередь, продолжать политику войны. Союзники поддерживали любые местнические и сепаратистские настроения антибольшевистской ориентации, надеясь на отторжение от большевистской России отдельных территорий, где они смогли бы использовать русские ресурсы в своих целях. Постепенно союзники втягивались в гражданскую войну на Севере на стороне антибольшевистских сил. Северный фронт растянулся на всем пространстве европейского Севера России – от Урала и Печоры до Финляндии.

Боевые действия в Коми крае играли второстепенную роль как для белых, так и красных. Но война вызвала в обществе раскол, обострила до предела существовавшие конфликты. Хотя в основной своей массе гражданское население оставалось нейтральным, оно все же было вынуждено поддерживать те вооруженные силы, которые в данный момент находились на его территории. На основной территории Коми края (включая Печорский уезд, верхнюю Печору, Удору) в 1918–1920 гг. базировалась Белая армия, упразднившая советскую власть и восстановившая земства. Жители этих территорий поддерживали белых. О настроениях коми крестьян на Удоре в годы войны писал яренский военный комиссар И.В.Епов: «Местное население почти целиком настроено против нас. У многих в рядах белых то сын, то отец, то какой-либо родственник. Население было явно на стороне белых». В то же время население Усть-Сысольска, Яренска, сысольских и вычегодских волостей в большинстве поддерживали красных.

Красный террор

Считается, что политика «красного террора» началась с постановления Совнаркома РСФСР от 5 сентября 1918 г., в котором указывалось, что необходимо «обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам». В «Обращении ВЧК и представителей районных ЧК к трудящимся республики ответить на ранение В.И.Ленина усилением борьбы с контрреволюционерами» от 3 сентября 1918 г. объявлялись «врагами рабочего класса... всякий арестованный с оружием в

руках, без соответствующих разрешений и удостоверений личности... всякий, кто осмелится агитировать против Советской власти». По призыву ВЧК все «лица, замешанные в контрреволюционных замыслах» должны были быть «уничтожены и раздавлены тяжелым молотом революционного пролетариата». Но на самом деле «красный террор» осуществлялся задолго до постановления от 5 сентября 1918 г.

Сама ВЧК была создана постановлением СНК от 7 декабря 1917 г. «для беспощадной борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией» (из постановления СНК 3 января 1918 г.). Декрет СНК «Социалистическое отечество в опасности» от 21 февраля 1918 г. предоставил ВЧК право непосредственной расправы с активными врагами советской власти. 22 февраля 1918 г. ВЧК публикует объявление о расстреле на месте преступления врагов советской власти, в котором, в частности, сообщалось, что «Всероссийская Чрезвычайная Комиссия, основываясь на постановлении Совета Народных Комиссаров, не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме беспощадного уничтожения на месте преступления». 22 марта 1918 г. было принято постановление ВЧК о создании местных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Такое же постановление приняла 1-я Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий 11-14 июня 1918 г.

26 июня 1918 г. В.И. Ленин в письме Г.Е. Зиновьеву так обосновывал политику массового террора против врагов революции: «Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали). Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную... Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрить энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает». В сентябре 1918 г. Г.Е. Зиновьев решительно заявил: «Мы должны увлечь за собою 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить – их надо уничтожить».

1 ноября 1918 г. член Коллегии ВЧК и председатель ЧК на Восточном фронте М.Я. Лацис заметил: «Мы не ведем войны против отдельных лиц, мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательства того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советской власти. Первый вопрос, который мы

должны ему предложить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора».

Отсутствие кодекса советских законов в годы гражданской войны, создание органов защиты советской власти по классовому принципу привели к тому, что последние должны были прежде всего руководствоваться классовыми принципами, а также некими «нормами революционной законности» в борьбе с врагами революции. Л.Д.Троцкий по этому поводу заявил 24 апреля 1919 г.: «Революционное правосудие не рядится в маску равной для всех справедливости (которой в классовом обществе нет и не может быть), – революционное правосудие открыто провозглашает себя боевым органом рабочего класса в его борьбе с буржуазными врагами, с одной стороны, и с врагами солидарности в среде самого рабочего класса, с другой стороны, и в принципе отличается от лицемерной старой юстиции».

Советская Конституция 1918 г. предоставила права только представителям пролетариата, остальные слои российского общества были подвергнуты различным правовым дискриминациям.

Декретом Совнаркома коммун Северной области от 19 августа 1918 г. Чрезвычайным комиссиям предоставлялось право «немедленного расстрела» за «контрреволюционную агитацию, за призыв красноармейцев не подчиняться распоряжениям Советской власти, за тайную или явную поддержку того или иного иностранного правительства, за вербовку сил для чехословацких или англо-французских банд, за шпионство, за взяточничество, за спекуляцию, за грабеж и налеты, за погромы и саботаж и тому подобные преступления».

Первый орган защиты советской власти в Коми крае – Усть-Сысольский Народно-революционный трибунал – был образован в феврале 1918 г. К июлю 1918 г. трибунал рассмотрел 24 дела (из них три – о контрреволюции, три – о спекуляции и 18 – общеуголовных). К контрреволюционным делам относятся дела С.О.Латкина и А.В.Старцева, оба арестованные за непризнание советской власти и посаженные в тюрьму, причем Латкин арестовывался два раза. Следственная комиссия при уездном комиссариате юстиции (иначе при судебном отделе уездисполкома) была создана 16/29 марта 1918 г. Председатель – уездный нарком юстиции Н.В.Лодыгин (бывший уездный лидер эсеров), члены – Н.Н.Лихачев и П.Ф.Надеев. Судебные следователи старой власти Г.А.Харьюзов и А.Веллинг были отстранены от дел. «Начальник тюрьмы П.В.Колотов подчинился советской власти и потому оставлен в этой должности». 22 июля 1918 г. трибунал рассмотрел дело о событиях

в селе Корткерос (игнорирование распоряжений советской власти, оскорбления членов волоисполкома и волмилиции). Инициаторы событий (5 чел.) арестованы, посажены в тюрьму. По всей видимости, это последнее дело уездного Народно-революционного трибунала. Далее дела стала рассматривать ЧК.

Усть-сысольская ЧК была образована согласно постановлению уездисполкома «Об образовании временной Чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией» от 23 июля 1918 г. В состав ЧК вошли член исполкома В.П.Чуистов, начальник уездной милиции И.П.Андреанов, член Следственной комиссии при комиссариате юстиции В.М.Панюков и от РКП(б) Д.И.Розанов. В число первых дел уездной ЧК вошли: 1. Дело о служащем товарищества «Зырянский пароход» В.И.Сидорове (арестован «как открыто агитирующий против Советской власти» 22 июля); 2. Дело о «човских событиях» в июне 1918 г. (материалы и арестованный Горовой переданы в распоряжение ЧК 24 июля); 3. Отстранение от занимаемых должностей за агитацию против советской власти и саботаж членов правления Союза кооперативов А.В.Старцева, Л.А.Ленина и Г.А.Харьюзова; 4. Рассмотрение деятельности местного отделения Всероссийского Союза духовенства и мирян, обвиняемого в организации «травли» Д.Я.Попова (последний являлся организатором отделения Союза в 1917 г., но в 1918 г. отрекся от него как «контрреволюционной организации»). ЧК приняла также активное участие в разоружении боевой дружины левых эсеров, реорганизации уездисполкома, арестах левых эсеров и кадетов в июле 1918 г. Группа кадетов (в том числе председатель усть-сысольской организации кадетов И.П.Петроканский) и прочие враги советской власти были этапированы чекистами в Котлас.

В рукописи «История возникновения партии РКП(б) в г.Усть-Сысольске и бывшем его уезде», хранящейся в фондах ГУП НАРК (архивохранилище № 2), обстоятельства ареста и этапирования в Котлас врагов советской власти из Усть-Сысольска описаны следующим образом: «Когда уездисполкому и недавно организовавшейся к этому времени ЧК стало известно, что в Усть-Сысольске существует монархическая организация (имеется в виду кадетская – *Авт.*), ЧК было дано распоряжение произвести обыски у тех лиц, на которых по некоторым сведениям падало подозрение. Были произведены обыски и найдена масса материалов, компрометирующих их и дающих действительный признак, что организация существовала. Материалы были рассмотрены уездисполкомом. Постановили дело передать военному трибуналу при штабе Геккера. Отправку этих лиц в Котлас поручили В.П.Чуистову». 23 сентября 1918 г. Котласский полевой ревтрибунал при штабе

командующего Котласским укрепрайоном А.И.Геккера приговорил группу бывших усть-сысольских общественно-политических деятелей к расстрелу «за организацию восстания против Советской власти и агитацию за Временное правительство». 24 сентября в Котласе были расстреляны усть-сысольцы Н.И.Митюшев, И.П.Петроканский, А.Веллинг, Л.А.Ленин, С.С.Клочков, А.Г.Харьюзов, В.Городецкий, В.И.Сидоров.

Впервые расстрел противников советской власти непосредственно в Коми крае был осуществлен в Савиноборе чердынским отрядом красноармейцев и чекистов в июне 1918 г. 2 июня 1918 г. в верхнепечорские волости выехал Пермский экспедиционный отряд губчека под уководством некоего Семенова. Отряд имел четкие цели: «Организация местных чрезвычайкомов, перевыборы кулацких Советов, разоружение отрядов белой армии, конфискация звонкой монеты, товаров и припасов у кулаков». Газета «Известия Пермского губернского исполкома Рабочих, Крестьянских и Армейских депутатов» от 1 сентября 1918 г. так писала о действиях Семенова на верхней Печоре: «Экспедиция навела свои порядки, поарестовала некоторых кулаков из наиболее сознательно-контрреволюционных; собирали сходы, на которых в популярной форме излагалась сущность советской власти. Говорить приходилось с переводчиком, так как громадный процент населения даже не понимает русского языка... Пермская экспедиция работала вместе с Екатеринбургской, посланной для перевыборов Советов и национализации пароходства на Печоре. В результате 20-дневной работы было найдено: 25 винтовок, около 50 револьверов, около трех пудов золота, серебра около пуда и восемь пудов медной монеты». Газета информировала, что в сентябре отряд Семенова снова выехал на Печору.

Имеются свидетельства очевидцев о развязанном пермскими чекистами «красном терроре» на верхней Печоре. В Савиноборе, например, отряд Семенова расстрелял В.К.Мезенцева и А.Е.Попова, трупы их были сброшены в Печору. Председатель Савиноборского волисполкома А.П.Мезенцев, наверное, обвиненный в принадлежности к кулачеству, был арестован и увезен в неизвестном направлении. (По другой информации, эти же действия в июне 1918 г. совершил в Савиноборе отряд под командованием Э.Ф.Аппоги). Почти одновременно с Семеновым на нижней Печоре находился архангельский экспедиционный отряд С.Н.Ларионова. Ларионов собрал в Мохче крестьянский сход и потребовал выдать ему убийц известного советского деятеля Н.И.Зыкова. Сход отказался это сделать. Тогда Ларионов арестовал двух самых богатых граждан волости Хозяинова и Терентьева и рас-

стрелял их. В ответ на робкую просьбу мохченского общества заменить расстрел денежной контрибуцией один из красноармейцев ларионовского отряда заметил: «Мы приехали не продавать своих товарищей за деньги, а устанавливать революционную законность».

20 августа 1918 г. был арестован и увезен в Усть-Сысольск священник из Мордино В.Н.Юшков. В течение года жена Юшкова пыталась добиться от властей сведений о муже, но только через год, 30 сентября 1919 г. ей сообщили, что В.Н.Юшков расстрелян 5 сентября 1918 г. «за агитацию против советской власти». Приговор был вынесен архангельским губЧК.

19 сентября 1918 г. председатель усть-сысольской ЧК М.М.Ляпунов (бывший анархист Уральской федерации анархистов) разослал по всем волостным совдепам уведомление: «Усть-Сысольским ЧК разыскиваются скрывшиеся Кононов В.Н., Попов В.Ф., Латкин С.О., Фролов А.С. Гражданам, знающим их местожительство, предписывается немедленно довести до сведения ближайших Советов, которые должны их немедленно арестовать и под строгим конвоем представить в распоряжение Чрезвычайной Комиссии». Кононов разыскивался за инициативу перевыборов Гарьинского волостного Совдепа 9 сентября 1918 г. (без согласия уездисполкома). Постановлением усть-сысольской ЧК от 9 октября 1918 г. инициаторы перевыборов А.В.Чудов, Е.Г.Чудов и В.Н.Кононов были приговорены к расстрелу как «враги трудового народа и опасные белогвардейцы». Приговор в отношении Чудовых был приведен в исполнение, Кононов был пойман в лесах под Усть-Сысольском 17 декабря 1918 г. По решению ЧК Котласского военного района от 4 февраля 1918 г. приговор в отношении Коконова о расстреле был заменен заключением в концлагерь до конца гражданской войны.

9 сентября 1918 г. в Керчомье был убит известный советский деятель А.П.Гичев – дело об убийстве вели М.Мандельбаум и волостная ЧК под председательством Д.М.Ваддорова. Между 2 и 4 ноября 1918 г. обвиняемые в убийстве Гичева и волостного дружинника В.А.Жикина С.В.Самарин и В.С.Самарин были расстреляны без суда (при этом оставшийся в живых В.С.Самарин был добит ударами прикладов) в местечке Джежим Парма в лесах под Керчомьей, в качестве доказательства исполнения казни у В.С.Самарина была отрезана кисть руки. В поисках Самариных волостная ЧК задействовала до 600 чел.

В Керчомье «отдельные дружинники и красногвардейцы стали допускать пьянство, применять приклады и нагайки, реквизиции производить в пользу себя, даже стали задевать бедноту, не только середняков. В число дружинников попали несколько человек с уголовным прошлым. Ваддоров узурпировал власть и партию, пользуясь военной силой».

После убийства Гичева дружина красногвардейцев в Керчомье подчиняется волостной ЧК и непосредственно Ваддорову. За злоупотребления дружина была распущена 5 ноября 1918 г., керчомская организация РКП(б) распущена в январе 1919 г.

Красный террор в Коми крае связан прежде всего с именем советского командующего Печорским краем М.Мандельбаума.

Пожалуй, трудно найти в истории Коми края человека, сыгравшего в ней более нарицательную роль, чем Мориц Мандельбаум. Историк Н.И.Ульянов, издавший в 1932 г. книгу «Очерки истории народа коми (зырян)», так писал об этом человеке: «Ему приписывается и нечистоплотность в денежных делах, и склока с начальниками других красных отрядов, действовавших на Печоре, и наконец крутое обращение с населением Печоры... По словам «наркома по ревизии» М.С.Кедрова, «этот Мандельбаум своими жестокими и преступными действиями восстановил против советской власти печорское население, которое даже в 1923 г., в бытность мою на Печоре, с ужасом и ненавистью вспоминало о нем». Штаб VI Красной Армии в 1919 г. считал, что Мандельбаум «или фанатик или же беспощадный, бессердечный мясник». Комиссар М.Т.Трубачев, арестовавший Мандельбаума в мае 1919 г. в Усть-Сысольске, пишет, что последний «военным не бывал и не имел никакого правильного понятия о военных действиях. Имея при себе молодую и красивую жену, кое-что открыто приобретал для нее, пользуясь своим служебным положением». А.Г.Колпаков, назначенный по личному указанию Ф.Э.Дзержинского в Печорскую Чрезвычайную Комиссию по инспекции Ижмо-Печорских отрядов Мандельбаума в январе 1919 г., считал, что фамилия Мандельбаум – псевдоним, настоящего имени этого человека никто не знал. В 1959 г. Колпаков переписывался с коми историком П.Г.Дорониным и писал ему, что Мандельбаум был лично знаком с Л.Д.Троцким, который и помог скрыться впоследствии ему из Советской России. По сведениям Колпакова, Мандельбаум в 1959 г. был жив-здоров и даже переписывался из-за границы с кем-то из Коми АССР. Колпаков собирал материалы на него, намереваясь начать широкомасштабный судебный процесс. В одном из писем Доронину Колпаков так писал про действия Мандельбаума на Печоре: «О себе говорил: мы, западноевропейцы. Этот «западноевропейец», подплывая на своем пароходе с баржей к селу на Печоре (когда ехал по ней в первый раз), сперва обстреливал из пушки село, а потом уже высаживался на берег. Будучи профаном в военных делах, он не догадывался сперва отправлять разведку, а для страха просто стрелял по селу, рассуждая, что снаряд сам должен найти кулаков

и отличить их от бедняков, а ему – Мандельбауму до этого дела нет, так как все «русские – свиньи»...».

В «Архиве русской революции» сохранилось свидетельство о преступном разбое Мандельбаума: «Отряд Мандельбаума навел ужас на всю Печору. Окружив какое-нибудь белое селение, он сгонял всех жителей его на сход и объявлял, что мужчин он оставляет только до окончания полевых работ, после чего они вместе с детьми будут истреблены, а жены их будут оставлены в живых, так как еще «пригодятся» для красных. Можно себе представить, какой характер после этого принимала взаимная борьба, принимая во внимание невысокий культурный уровень населения, большую часть которого составляли полудикие зыряне». У автора этого свидетельства все близкие были убиты красными, а его самого пытали – «грудь его была в язвах, так как его выдержали под открытым краном кипящего самовара, пока оттуда не вытекла вся вода».

Мнения о Мандельбауме среди рядовых красноармейцев, воевавших вместе с ним, расходятся. За плохое знание русского языка красноармейцы прозвали Мандельбаума «Немцем». Т.Е.Игнатов из Помоздино вспоминал: «На мой взгляд, взгляд рядового солдата, Мандельбаум был бездарным человеком и большим трусом. Личный состав его очень не уважал, не говоря уже о местных ижемцах. Метод разговора – плетъ и угроза расстрелом. Из трусости носил с собой два нагана, три бомбы. Из-за своей грубости он даже своих бойцов боялся». А вот красноармеец К.А.Хозяинов, наоборот, высоко ставил своего командира: «Мандельбаум в наших глазах был таким же авторитетом, как Чапаев перед своими бойцами».

Мориц Мандельбаум родился в 1890 г. в Австрии. С 16 лет участвовал в рабочем движении, зарабатывал на жизнь будучи актером. В 1914 г. Мандельбаума мобилизовали на фронт в чине феедриха (прапорщика). Через два года попал в русский плен. После Октябрьского переворота 1917 г. записался в Немецкую секцию РКП(б). В марте 1918 г. участвовал в работе Всероссийского съезда военнопленных-интернационалистов. Летом 1918 г. Мандельбаум командовал интернациональной ротой под Сызранью и Самарой, где участвовал в боях с белочехами и Народной Армией Комуча. Затем был направлен в Архангельск, где командовал ротой губчека. В августе 1918 г. командующий войсками Котласского района Северо-Восточного участка отрядов завесы красных А.И.Геккер получил письмо большевика Д.И.Розанова из Усть-Сысольска, в котором сообщались сведения о ляпинских хлебных запасах и активности белых в печорском бассейне. Красные решили разведать возможность транспортировки ляпинского хлеба для своих

нужд. С этой целью, а также для борьбы с белыми на Печоре Геккер отправил в конце августа 1918 г. летучий отряд прифронтовой Чрезвычайной комиссии в составе 12 чел. под командованием Морица Мандельбаума в Усть-Сысольск, где отряд значительно вырос за счет добровольцев и мобилизации.

В сентябре 1918 г. экспедиционный отряд Мандельбаума на своем пути по Вычегде и Печоре осуществил казнь около 20 противников советской власти, в том числе женщин – Н.П.Кузьбожевой, Н.А.Кузьбожевой, И.И.Макарьиной, расстрелянных 9 сентября 1918 г. у местечка Озел (по другой версии, у Небдино). Поводом для расстрела послужил отказ Кузьбожевых – владельцев имения «Човью» – выдать лошадей для экспедиции. Участник событий тех лет Потапов так рассказывал об обстоятельствах расстрела Кузьбожевых: «Во время отправки Мандельбаума на Печору обратились за лошадьми к Кузьбожевым, но они отнеслись к этому, как грабительству и ответили, что не дадут ничего. Некогда было разговаривать, схватили их, продержали один день в помещении горкома партии, как арестованных, несколько раз мы их спрашивали, отказываются ли они от этого или нет, но они продолжали настаивать на своем, что мы – грабители, банда и т.д. После этого решили, что с ними нянчиться нечего и поручили штабу корпуса Советской охраны (имеется в виду отряд Мандельбаума – *Авт.*) привести в исполнение решение об расстреле. Отряд выехал из Усть-Сысольска вечером на пароходе вверх по течению Вычегды ... до Озел... Завтра ранним утром они были расстреляны и зарыты недалеко от берега Вычегды. Это было первое проявление красного террора в ответ на белый – убийство Володарского, покушение на Ленина и др.» Д.И.Розанов в своих воспоминаниях писал, что женщины умоляли оставить их в живых и «за великое счастье считали бы рыть окопы для красноармейцев». Но Мандельбаум был неумолим. В своем донесении в Котлас он отметил, что женщины расстреляны «за оскорбление Российской Коммунистической партии». Спустя десятилетия И.П.Андрианов в одном из своих писем-воспоминаний в адрес Коми Обкома КПСС хвастался, что «... сама вдова Кузьбожева, ее дочь и внучка – все трое лично мной расстреляны...» Приговор в отношении Кузьбожевых вынесла ЧК экспедиции Мандельбаума в составе Мандельбаума, Андрианова и Д.И.Розанова. Газета «Зырянская жизнь» опубликовала информацию о расстреле Кузьбожевых 19 сентября 1918 г.

На всем пути следования вверх по Вычегде отряд Мандельбаума занимался реквизициями, конфискациями и наложением денежных контрибуций на зажиточные слои населения. В Корткеросе контрибуцией в сумме свыше 15 тыс. руб. была обложена семья Казаковых, в

Небдино красные наложили контрибуцию и конфисковали мануфактуру и другие товары у торговцев. В Деревянске Мандельбаум арестовал служащего Усть-Сысольского уездного продотдела Алексея Лыткина, обвиненного в контрреволюции, конфисковав предварительно у него 17 кусков мануфактуры, 5 фунтов чаю и 13 с половиной дюжин ниток. В Кужбе контрибуция в размере 1500 руб. была наложена на торговца Кузнецова, «ввиду найденных у него портретов бывшей царской семьи, вывешенных на видном месте, и серебряных монет». С целью пополнения продовольствия и денежных средств отряд сделал остановку в Троице-Стефановском Ульяновском монастыре. У монахов конфисковали свыше 40 тыс. руб., двух коров, трех лошадей, 10 пар обуви, пуд масла, хлеб, церковное вино, перины, подушки.

11 сентября экспедиция Мандельбаума прибыла в Керчомью, где незадолго до этого был убит председатель Керчомского Совдепа А.П.Гичев. Мандельбаум приказал оцепить все село и арестовал 30 человек. Арестованные были избиты, троих (А.С.Жикина, А.В.Самарина, М.С.Тарабукина) расстреляли (к убийству Гичева эти трое не имели никакого отношения). На Керчомью была наложена контрибуция в размере 30 тыс. руб., и жителей предупредили, что в случае «повторения убийства кого-либо из товарищей-коммунистов» будет объявлен «широкий красный террор».

15 сентября 1918 г. Мандельбаум арестовал в с.Усть-Немь по просьбе «местных бедняков» священника Д.Спасского. В своем донесении в Котлас от 5 октября 1918 г. Мандельбаум отмечал, что «священник Спасский произносит проповеди против Советской власти, называя ее властью грабительской. Арестовав священника Спасского, я с отрядом отправился далее. В пути был произведен допрос священнику Спасскому, который подтвердил свое выступление в церкви, но уклонился и сказал, что это было только сказано по отношению местного Усть-Немского волостного Совета. Заседание совместно с членами Усть-Сысольской Чрезвычайной комиссии решило: приговорить священника Спасского к расстрелу, каковое постановление и было немедленно приведено в исполнение».

В Троицко-Печорске Мандельбаум погрузил свой отряд (численно он сильно увеличился, поскольку как на Вычегде, так и в Троицко-Печорске шла запись добровольцев и проводилась мобилизация) на пароходы «Александр» и «Аксель» и отправился вниз по Печоре. В Савиноборе Мандельбаум встретился с отрядом Э.Ф.Аппоги (сам Мандельбаум писал, что встреча с самим Аппогой произошла еще в Троицко-Печорске). Между красными командирами сразу начались разногласия по вопросу о старшинстве в Печорском крае. Дело осложнилось

невыполнением приказов Мандельбаума о расстреле пленного поручика Пономарева и председателя Савиноборского Совдепа, обвиненного в измене советской власти. Поручик был допрошен, избит и приговорен к расстрелу, но красноармейцы отказались почему-то выполнить приказ. Тогда Пономарева отослали в Троицко-Печорск, откуда его отправили в Вятку, где по слухам поручик записался в Красную Армию. Председателя Савиноборского Совдепа спас от расстрела Аппога (председатель был арестован за якобы белый флаг, водруженный на крыше волисполкома). Мандельбаум вызвал Э.Ф.Аппогу на свой пароход на переговоры, где приказал разоружить чердынца и выбросить его за борт. Новому приказу Мандельбаума помешал гудок парохода «Михаил», приближавшегося к Савинобору. На борту «Михаила» размещался новый чердынский отряд в 60 штыков под командованием чердынского военрука Фрица Фрицевича Аппоги (все находящиеся под его началом красноармейцы были «голые и босые», как пишет Д.И.Розанов). Мандельбаум принес извинения Э.Ф.Аппоге и вернул оружие (По сведениям Е.Г.Королевой и А.А.Попова, встреча Морица Мандельбаума с отрядом Ф.Ф.Аппоги произошла не в Савиноборе, а в Усть-Усе).

21 сентября 1918 г. Мандельбаум и братья Аппоги, каждый самостоятельно, выслали в сторону Усть-Щугора разведгруппы по берегу. По возвращении разведгруппы столкнулись в лесу и не разобравшись вступили в перестрелку. Мандельбаум приказал открыть оружейный огонь по лесу, где слышалась стрельба. После этого инцидента совместные действия красных стали в принципе невозможными. Тем не менее, 22 сентября Мандельбаум и Аппоги двинулись в Усть-Щугор, а оттуда в Усть-Цильму. По дороге красные занимались открытым грабежом печорских селений, особенно в этом усердствовали чердынцы. В Усть-Усе был захвачен пустой пароход «Алексей» и расстреляны два белогвардейца из отряда прапорщика Е.А.Попова. Мандельбаум отправил через тайгу отряд М.И.Демина в Краснобор захватить телеграф и перерезать связь Усть-Цильмы с Ижмой.

27 сентября 1918 г. экспедиция красных подошла к уездному центру Печорского уезда. Братья Аппоги высадили десант в 80 штыков, конную разведку и атаковали Усть-Цильму по суше. В верхней части села, где размещался штаб дружины самообороны, вспыхнул короткий бой. Красноармейцы закидали штаб ручными гранатами. Шесть белых дружинников было убито. Одновременно Мандельбаум высадил свои отряды и приказал открыть по селу артиллерийский огонь, намереваясь «стереть его с лица земли», как написано в донесении агента белых в Архангельск, но в последний момент огонь не был открыт. В селе

начались аресты, расстрелы, конфискации. На месте расстреляли хозяина дома, где размещался штаб белой дружины самообороны. Народный судья Г. Филиппов по приказу братьев Аппоги был пропущен «сквозь строй» – на протяжении 250 сажень судью провели между двумя шеренгами красноармейцев с нагайками в руках. Под конец пути избиваемый Филиппов свалился. Аппоги хотели растоптать его лошадьми, но животные не пошли на человека. Тогда судью добились выстрелами из револьверов. В числе арестованных оказались правительственный комиссар уезда Г. Козлов, председатель продовольственного комитета В. М. Воробьев, священник Ифаил (Анфаил) Суровцев, инспектор народных училищ Долинов, казначей Семиряков, подпрапорщик Красиков и несколько крестьян. Козлов был расстрелян в Усть-Цильме, остальных казнили позже (часть – в Усть-Щугоре, часть – в Покче, причем Красикова расстреливали дважды).

О смерти священника Суровцева писала газета «Северное утро» от 23(10) февраля 1919 г.: «Настоятель Усть-Цилемского собора о. Анфал Суровцев претерпел от большевиков мученическую смерть: захваченному в конце сентября о. Анфалу Суровцеву сначала причинили невыразимые страдания, так как целых 10 дней его били нещадно плетью, потосм постепенно отрезали нос, уши, вырвали язык, застрелили на борту парохода и сбросили в реку».

При дележе захваченных в Усть-Цильме трофеев Мандельбаум заявил, что действия чердынских отрядов вне пределов Чердынского уезда неправомерны, следовательно, братья Аппоги не получат ничего. Чердынцы отплыли в Усть-Щугор, по дороге обстреляв отряд М. И. Демина у Краснобора. Вслед за ними покинул Усть-Цильму и Мандельбаум, даже не позаботившись о восстановлении советской власти. (Вообще отношения Мандельбаума с советской администрацией за все время пребывания его в Коми крае были сложными. По всей видимости, этот человек не считался ни с какой властью, кроме собственной. Так, в Кужбе Мандельбаум мобилизовал председателя местного Совдепа в свой отряд в качестве конюха. В январе 1919 г. Мандельбаум чуть не взорвал усть-куломский волисполком, обвинив его в саботаже (задерживалась подача подвод для его отряда). Ничем не отличались от своего командира и его помощники. Например, в начале октября 1918 г. посланный Мандельбаумом в Савинобор В. Е. Исаков разбирал там жалобы крестьян на действия комбеда. Активный член комбеда Алексей (фамилия не сохранилась), бывший политссыльный, пытаясь что-то сказать в свое оправдание, был убит. В Троицко-Печорске зажиточная часть населения, обиженная советской властью, обратилась к Мандельбауму с просьбой разобраться с незаконными, по их мнению, действиями

местного Совдепа. Мандельбаум отправил в Троицко-Печорск В.Е.Исакова. Последний созвал крестьянский сход, на глазах которого избил плеткой председателя Совета Г.Е.Бажукова и его помощника А.П.Пыстина. Бажуков и Пыстин пожаловались в Усть-Сысольск на непонятные действия Исакова и Мандельбаума, но их письмо было перехвачено и доставлено Мандельбауму в Усть-Щугор. В.Е.Исаков вновь побывал в Троицко-Печорске, снова собрал сход и предложил расстрелять Пыстина, как автора «клеветы» на т. Мандельбаума. В последний момент за Пыстина вступился краском А.М.Черемных. Тогда Исаков распустил именем Мандельбаума Троицко-Печорский Совдеп, арестовал Бажукова и Пыстина и увез их с собой в Усть-Щугор, где размещалась тюрьма красных (в ней в конце 1918 – начале 1919 гг. находилось 36 арестантов).

Выехав из Усть-Цильмы, Мандельбаум захватил на реке Ижме пароход «Межень», после чего направился в Усть-Щугор, намереваясь разобраться с братьями Аппога. В Котлас было отправлено донесение, что «чердынский отряд... оставил у населения впечатление, как будто красноармейцы только и умеют делать, что забирают все, что ни попало». Затем Мандельбаум высадился в Усть-Щугоре, где под угрозой применения артиллерии заставил чердынский отряд разоружиться. Из штаба А.И.Геккера подоспела депеша с требованием доставить в Котлас Э.Ф.Аппогу. Безоружные чердынские красноармейцы под началом Ф.Ф.Аппоги были посажены на пароход и отправлены домой. Мандельбаум вместе с арестованными Э.Ф.Аппогой и Дубровским (Эйхвальдом), помощником Аппоги, выехал в Котлас. Командиром печорского экспедиционного отряда был оставлен Н.Н.Суворов.

В Троицко-Печорске Мандельбаум разоружил еще один небольшой чердынский отряд под командованием председателя Чердынского уездного Совдепа М.М.Барабанова. Мандельбаум захватил у чердынцев много награбленного у печорских крестьян имущества, в том числе золото и серебро. Часть вещей чердынцы утопили в реке, не желая, чтобы оно досталось команде Мандельбаума. В Троицко-Печорске Мандельбаум оставил Дубровского, а сам двинулся далее в Котлас. За время его отсутствия чердынцы привезли на Печору артиллерию, а Дубровский написал в Вологду, где размещался штаб VI Красной Армии, гневное письмо: «Дальнейшие действия с Мандельбаумом невозможны, как с человеком, у которого не все дома». Дубровский сообщал о незаконных арестах, произведенных Мандельбаумом, об изъятии последним продовольственных грузов экспедиции «Урал-снабжение» и добавлял, что «... необходимо принять срочные меры об освобождении из-под ареста Аппоги II (Э.Ф.Аппоги – *Авт.*), которому вполне грозит опасность жизни... необходимо срочно

командировать на Печору командующего для уложения конфликта, ибо чердынский отряд, оставшись без ответственного руководителя, имея на руках артиллерию... может при приближении мандельбаумовского отряда к Троицко-Печорскому... произвести обстрел, погубив пароходы».

В Котласе Мандельбаума и Э.Ф.Аппогу отправили в Вологду, где после долгих разбирательств Аппога был освобожден. Где он воевал потом, неизвестно. (В начале 1930-х гг. Э.Ф.Аппога входил в состав Реввоенсовета СССР. Его брат Ф.Ф.Аппога погиб во время антибольшевистского мятежа в коми-пермяцком селе Юрла в январе 1919 г.). Мориц Мандельбаум, кроме Вологды, побывал также в Ярославле и Москве с докладом о результатах печорской экспедиции. Командование красных подтвердило полномочия Мандельбаума как командующего Ижмо-Печорским краем. В декабре 1918 г. Мандельбаум вернулся в Коми край.

В течение декабря 1918 – марта 1919 г. по приказу М.Мандельбаума проводился массовый красный террор на Печоре и в Зауралье, приведший к трагической смерти около 200 чел. 14 декабря 1918 г. в д. Саранпауль (Ляпино) по приказу Мандельбаума были расстреляны 14 пленных белогвардейцев. 30 декабря 1918 г. в Ижме были расстреляны все захваченные в плен белогвардейцы (точное число не установлено). Как утверждал красный партизан В.Е.Юдин, «в плен, конечно, мы не брали», пленных расстреливали. По свидетельству красного командира К.И.Попова, массовые казни противников советской власти совершались в Брыкаланске (так, здесь была расстреляна семья Ф.Л.Кожевина, муж А.В.Торопиной, сын И.К.Сметанина). В Кипиево красные расстреляли двух сыновей Ф.Е.Ануфриева. В Ижме накануне отступления Ижмо-Печорского советского полка на Вычегду в конце марта 1919 г. была произведена массовая казнь свыше 50 чел., в том числе женщин и детей.

Население Ижемского района выполняло ряд военных повинностей для красных, в том числе участвовало в фортификационных и саперных работах. Сохранились документы Мохченского волисполкома, из которых следует, что почти ежедневно в течение зимы в Ижму уходило в распоряжение саперной команды красных по 63-65 чел. Принимали участие в подневольной работе на красных и арестанты ижемской тюрьмы. По свидетельству А.А.Терентьевой, «пищу [арестантам] выдавали весьма скудную... были изнурены». Впоследствии двое заключенных (белогвардеец А.П.Терентьев и лесничий Никонов умерли от истощения). Во время эвакуации Ижмо-Печорского полка на Вычегду были вывезены заложники, насильно уведены из родных мест все медицинские работники.

Красноармейские части, находящиеся на Печоре с сентября 1918 г. по март 1919 г., беспощадно конфисковывали все, что представляло ценность, начиная от ложек, вилок, часов, зеркал, медных чайников и кончая лошадьми и коровами. Для военных нужд красные реквизируют у населения до 3 тыс. лошадей с подводами. Печорская уездная Земская управа образовала особую комиссию по выплате пособия во главе с Г.Г.Недашковским, которая в течение нескольких месяцев собирала заявления по волостям от пострадавших. Так, например, жительница с.Усть-Уса А.И.Фирсова писала в управу, что в сентябре 1918 г. красные забрали у нее малицу, шелковый сарафан, катушку ниток и пять ложек. У Ф.И.Филипповой из того же села в декабре 1918 г. красноармейцы унесли валенки, ножницы, 100 руб. денег, два пуда рыбы и увели лошадь. Г.Я.Канева писала, что у нее изъяли пару лыж, ножницы, катушку ниток и полфунта чая. У Д.А.Дьячковой увели со двора корову, забрали три пары пим, валенки, две сатиновые женские рубахи, шесть пар нижнего белья, золотое кольцо, три шелковых платка, два ремня и т.д. У крестьянина Г.И.Канева из Кипиево в декабре 1918 г. увели со двора лошадь, увезли 40 возов сена, а также настенные часы, две пары брюк и 25 пар рябчиков. У жителя того же села И.М.Канева забрали детские сапоги. У Ф.Е.Ануфриева красные расстреляли двух сыновей и ограбили все имущество, увозя с собой двух коров, лошадь, 40 возов сена, двое саней, три одеяла, три подушки, серебрянные часы, зеркало, гармошку, полотенце, рукавицы, фартуки, суконный пиджак и т.д. В доме И.В.Вокуева из д.Захарвань 10 декабря 1918 г. красноармейцы перебили все окна, убили на мясо корову. У жителя д.Мутный Материк Е.М.Семяшкина сожгли дом. Крестьянин с.Брыкаланск Ф.Л.Кожевин писал в уездную управу, что три месяца штаб красных на средней Печоре находился в его доме, а сам он служил в белогвардейской заставе в Няшабоже. В отместку красные расстреляли в Брыкаланске всю его семью: родителей и старшего брата, увели со двора двух коров, забрали швейную машинку, три малицы, три пары пим, зеркало, медный таз, два меховых одеяла и другое имущество. Инвалид Н.К.Артеев из того же Брыкаланска сообщал, что красные забрали у него пять возов сена. У Р.С.Рочева в марте 1919 г. изъяли хомут, вожжи и три мотка веревки. У А.В.Торопиной из Брыкаланска красные расстреляли мужа и забрали малицу, суконное пальто, сапоги, карманные часы, две пары перчаток и т.д. У жителя с. Мохча П.К.Попова красноармейцы конфисковали 24 малицы, шесть пуховых перин, восемь пуховых подушек, плюшевый ковер, пять оконных занавесок, две дюжины вилок, швейную машинку, три медных чайника, круглое зеркало и т.д.

Отступление красных на Вычегду проходило в чрезвычайно трудных условиях весенней распутицы. Люди голодали. Красный партизан А.П.Филиппов вспоминал, что «при отступлении с Ижмы Рочев Е.В., увидев Мандельбаума, говорит: Ты что же, еврейская морда, людям хлеба не даешь? Мандельбаум его арестовал, но потом освободил». Сам Е.В.Рочев, бывший председатель Брыкаланского Совдепа, так рассказывал об этом эпизоде: «Мандельбаум в ответ: Откуда я его возьму? и за наган. Думал, будет бить (говорили, что бьет красноармейцев-партизан), хотел дать сдачи. Очень сильно ругал». В селе Кедва три красных партизана готовили убийство Мандельбаума, но были арестованы. В Усть-Ухте группа красноармейцев самовольно расстреляла своего товарища за пособничество белым. За самосуд Мандельбаум арестовал семерых и отправил в Усть-Сысольск.

Штаб Пинего-Печорского края прекрасно знал о творимых Имжо-Печорским полком на Печоре беззакониях. Комиссар М.Т.Трубачев в своих воспоминаниях, хранящихся в фондах ГУП НАРК (архивохранилище № 2), писал: «... Штабу... было достоверно известно, что армия Мандельбаума деморализована и вместо сознательной революционной борьбы занимается бесчинствами, доходящими до открытого грабежа мирного населения, даже не относящихся к классу эксплуататоров, что настоятельно требуется удаление с поста командующего... 20 марта я выехал из Усть-Сысольска в Ижму с пакетом – сдать Мандельбауму командование своим полком Комиссарову, а самому следовать в Усть-Сысольск. 27 марта в д. Лачевской (верховья реки Ижмы) встречаю санитарный отряд Розанова Д.И., от которого узнаю, что вся армия отступает... Комиссаров, ввиду сильно обострившихся отношений с Мандельбаумом, вынужден был просто бежать и выехал в штаб края. Мандельбаум был недоволен своим смещением, (говорил, что) все это сделал Комиссаров путем ложных доносов и вымышленных провокационных сообщений, желая его выжить и занять его место... Наступила оттепель. Большинство [красноармейцев] были одеты в пимы. Мандельбаум постарался отправить всю кожаную обувь в Усть-Сысольск, а не раздать по рукам... Мандельбаум все валил на Комиссарова». Об обстоятельствах ареста Мандельбаума (М.Мандельбаум был арестован в Усть-Сысольске 1 мая 1919 г. – *Авт.*) Трубачев вспоминал: «По приезде в Усть-Сысольск Мандельбаум был заключен под стражу. Имущество все было описано и опечатано. Обыск и опись производил сотрудник политотдела Чижев и я на квартире по Набережной, в присутствии жены... Найдена масса золота царской чеканки и разных изделий из золота. Кроме того, большое количество шелковых и дорогих мехов и вещей».

Мандельбаум под конвоем был этапирован в Вологду. В ноябре 1919 г. Реввоентрибунал Западного фронта рассматривал его дело и нашел, что виновность Мандельбаума установлена, и приговорил подсудимого к 5 годам тюремного заключения. Проходивший вместе с комполка по этому же делу начальник связи Ижмо-Печорского полка И.Ф.Кулак был приговорен к тюремному заключению на восемь месяцев. По ходатайству ЦК Немецкой группы РКП(б) Мандельбаум был выдан на поруки и воевал потом на Южном фронте, брал Перекоп. После окончания гражданской войны Мандельбаум был командирован в распоряжение Коминтерна.

О расстрелах в Усть-Сысольском уезде в 1919 г. сообщал штаб советских войск Пинево-Печорского края. Газета «Зырянская жизнь» от 15 марта 1919 г. опубликовала приказ № 2 командующего войсками Пинево-Печорского края Н.В.Лисовского от 8 марта 1919 г.: «До моего сведения дошло, что командиры частей и отдельные лица служащие в Красной Армии, производят насилие над местным населением, выразившееся в ряде самочинных расстрелов, в неоднократных побоях крестьян, работающих при перевозке частей и военных грузов». (Кого и где расстреливали и избивали – не указано). Осуществлялись расстрелы пленных белогвардейцев. Так, в феврале 1919 г. после боя в районе д.Мыс красноармейцы Кай-Чердынского полка расстреляли пленных, на что комполка В.П.Юркин получил замечание из штаба армии: «Пленных должны доставлять в штаб, а не расстреливать».

Летом 1919 г. на территории Извайской волости была расстреляна красными группа лиц, симпатизирующих белым, среди них нефтепромышленник А.Головин.

Во время наступления белых осенью 1919 г. красные забрали заложниками в Усть-Сысольске 19 человек, среди которых были священник В.Катаев, бывший судебный пристав С.Клочков, землемер Лимин, торговцы Камбалов и Есев, земский чиновник Г.Бетехтин и др. В заложники были взяты отец С.О.Латкина, мать А.О.Прокушева. В Визинге был отдан приказ комиссара И.П.Чукичева расстрелять всех заложников, но конвой отказался это сделать и отпустил их на все четыре стороны.

19 ноября 1919 г. Усть-Сысольский ревком выпустил жесткий «Приказ о задержке и наказании провокаторов и предателей, сеющих панику», где, в частности, отмечалось: «Многие трусливые презренные людишки, не отдавая отчета в своих действиях, всем жалким существом своим, безумным бегством помогают белогвардейской сволочи в деле предательства рабочих и крестьян в руки палачей народа. Революционный комитет призывает граждан к спокойствию и приказывает всем ответственным работникам задерживать провокаторов, шептунов и

предателей-агентов пьяной белогвардейщины, сеющих панику, арестовывать и направлять в Ревком для предания суду трибунала. Сопrotивляющихся же расстреливать на месте... За оставление своего поста в тяжелую минуту, за малейшее проявление малодушия, попустительство и бездействие каждый ответственный работник будет караться по законам осадного положения вплоть до расстрела».

Проводился красный террор и в Яренском уезде. Впервые расстрел врагов советской власти был произведен здесь в октябре 1918 г. в Яренске, когда по приговору местной ЧК были казнены член Яренской Земской управы Ф.И.Мартюшев и торговец А.Е.Вурдов.

24 сентября 1918 г. яренский уездисполком принял решение отправить на Удору продармейский отряд Н.И.Ворсина в составе 22 чел. В мандате Ворсина было сказано, что он действует с «правом производства обысков, арестов, реквизиций, конфискации имущества, наложения контрибуций, смещения должностных лиц и предания их суду, с правом вербовать и принимать на месте в продоотряд и Красную Армию». Уездисполком предоставил также Ворсину право «в случае сопротивления принимать крутые меры вплоть до расстрела». В ответ на действия продотрядовцев на Удоре вспыхнуло крестьянское восстание, подавленное красными карательными отрядами с необычайной жестокостью.

В декабре 1918 г. были осуществлены казни участников восстания. 6 декабря 1918 г. в д. Разгорт, по словам К.И.Попова, было убито 17 чел. Немного позднее в Кослане расстреляли еще четырех участников восстания. После занятия Удоры советскими войсками была развернута практика физического наказания населения, симпатизировавшего белым. Житель Важгорта А.Е.Зотиков, выступая 23 февраля 1919 г. на рабочем митинге в Соломбале (г.Архангельск), рассказывал, что «большевики зачастую перед расстрелом намеченных жертв еще порют..., не считаясь ни с возрастом, ни с положением... Порют не только мужское население, но и женщин. Порют так, что, как только появятся раны, посыпают их солью и снова стегают плетью». Яренский отряд ВЧК А.Хупонена-Мурзина брал в удорских деревнях заложников (так, была вывезена в Яренск семья священника Важгортской церкви Ф.Клепикова), проводил конфискации и реквизиции. Краеведы установили фамилии еще четырех человек, казненных красными на Удоре – В.А.Митин, Р.А.Попов, А.А.Козлов и В.М.Ширяев.

Активный участник антибольшевистского движения на Севере П.А.Сорокин, содержащийся в велико-устюжской тюрьме, позднее так писал о восстании на Удоре: «Только что привели шестьдесят семь новых заключенных, среди них пять женщин и четверо детей. Это крестьяне,

которые осмелились сопротивляться, когда коммунисты явились «национализировать» все их зерно, скот и другое имущество. На подавление бунта в селах были посланы пушки и пулеметы. Три населенных пункта разрушены до основания и сожжены, много крестьян убито, сотня арестованных. Те шестьдесят семь человек в ужасном состоянии – руки переломаны, на теле рваные раны и кровоподтеки... Сегодня нас стало меньше. Большинство крестьян казнены».

В ночь на 16 января 1919 г. в Коквицах были расстреляны как враги советской власти крестьяне И.Е.Першуков, П.Полугрудов, С.Полугрудов, Г.Ганов и В.Порсьюров, причем за семь дней до расстрела И.Е.Першуков только успел возвратиться в родное село из немецкого плена. При расстреле беспартийные красноармейцы пытались игнорировать приказ и стреляли в воздух, поэтому приговор выполняли коммунисты.

Осенью 1919 г. красный террор был развернут на всей территории Яренского уезда, попадавшей под белых. Только в Яренске ЧК арестовала 35 человек, из них часть была расстреляна в Лене и Слободчиково (в том числе председатель яренской Земской управы при белых Н.В.Изюмов, агент охраны В.А.Булатов, В.П.Берников и др.). 21 ноября представитель губчека Делягин доносил в Великий Устюг о «работе» в Яренске: «Арестовано мною 35 человек... На вопрос, как встретило население (красных – *Авт.*), ничего не скажу, потому что все залезли в избы».

Для содержания массы арестованных противников советской власти повсеместно по стране в годы гражданской войны учреждались концентрационные лагеря. Приспособление красными монастырей под концлагеря подметили белые. Так, в белогвардейском воззвании «К населению Вычегодского края» в ноябре 1919 г. отмечается: «... Вот уже больше двух лет, как царствуют в России большевики. Они обещали дать всему народу хлеб, мир и спокойствие. Они обещали дать народу полную волю. И что же есть в действительности? Хлеба нет и подвоза его ждать нечего... Кровь льется рекой за благополучие немецких агентов – Лениных, Бронштейнов, Мандельбаумов и прочих правителей русского народа... Большевики надругались над самым дорогим, над самым святым народа. Они надругались над православной религией. Монастыри обращены в тюрьмы, очень многие церкви в казармы, священные сосуды служат большевикам для питья водки. Большевики дошли даже до того, что не постеснялись кощунственно надругаться над святыми мощами Сергия Радонежского...».

Осенью 1919 г. (по другим источникам, в декабре 1919 г.) был открыт велико-устюжский концлагерь (в советских документах называемый «реформаториумом»). Из уроженцев Коми края в стенах велико-устюжского «реформаториума» содержались десятки заключенных –

бывшие коми белогвардейцы или члены их семейств, члены неболшевистских партий (бывший социал-демократ (интернационалист) из Усть-Сысольска Е.Е.Горовой и бывший народный социалист из Яренска С.Я.Лапин), множество священников и монахов: Е.Вишерский и К.Тюрнин (арестованные 10 октября 1919 г.), Г.А.Спасский (арестован 16 октября 1919 г.), А.Н.Углицкий, Н.А.Уфтыгский, И.К.Авениров, монахи Троице-Стефановского Уляновского монастыря Амвросий, Мелетий, Тихон, Никодим, Вениамин, Африкан. Священник А.Д.Попов из Читаево был осужден 11 июня 1919 г. на восемь месяцев «реформаториума» и штрафу в 2000 руб. «за то, что не выдал метрических книг» волисполкому, не подчиняясь Декрету ВЦИК об отделении церкви от государства.

Белый террор

Карательные функции белых на Севере выполняли чрезвычайные следственные комиссии (созданы постановлением Верховного управления Северной области 3 августа 1918 г.). Комиссии были наделены чрезвычайными правами арестов и производством обысков. В августе 1918 – феврале 1919 г. комиссии привлекли к ответственности 481 чел. (они получали тюремный срок). Расстрельные приговоры выносились редко даже в отношении арестованных деятелей большевистского подполья (они получали 10- или 15-летние сроки каторги). Для содержания каторжан и заключенных существовали тюрьмы, известность получили тюрьма на острове Мудьюг («Остров смерти») и тюрьма на полуострове Иоканьга. В Иоканье за все время ее существования находилось 1200 чел., из них 23 были расстреляны, 310 чел. умерли от тифа и цинги. Академик И.И.Минц писал, что «Мудьюг и Иоканьга означали медленное, мучительное умирание». Существовал и концлагерь – Мурманский (летом 1919 г. там содержалось 170 чел.).

Помимо чрезвычайных следственных комиссий репрессии осуществляли военно-полевые суды и органы контрразведки (в дальнейшем именно они стали основными органами репрессий). Имелась также система обычных судебных органов, руководствовавшихся дореволюционным законодательством, но они играли второстепенную роль. В сборнике «Сквозь бури гражданской войны» (Архангельск, 1990) верно подмечено: «Белые конечно не ставили и не могли ставить своей задачей подавление или уничтожение какого-то класса, рабочие и крестьяне не зачислялись априорно в «сомнительные элементы» с лишением каких-либо прав и преимуществ. Принадлежность к большевистской партии, участие в Советских органах, сотрудничество с ними или даже сочувствие им, служба в Красной Армии на командных или политических

должностях – вот далеко не полный перечень оснований для привлечения к судебной ответственности по законам военного времени».

9 апреля 1919 г. командующий войсками Северной области генерал-майор В.В.Марушевский издал приказ № 126, в котором предоставлялась возможность всем сторонникам большевизма и советской власти покинуть пределы Северной области и перейти за линию фронта, к красным. О выезде из Мурманского края заявили 8500 чел., в Архангельске записались в списки выезжающих 7 тыс. чел. Советская историография признавала факт высылки за линию фронта нескольких тысяч человек-сторонников Советской власти. В Коми крае в январе 1919 г. из Печорского уезда за линию фронта была выслана группа бывших политссыльных-борцов с царским режимом (Гоголев, Капустин и братья Кадушкины).

Считается, что начало белого террора на Севере – расстрел командира печорского экспедиционного отряда С.Н.Ларионова, комиссара В.Шарыгина, красноармейцев из ларионовского отряда М.Георгиевского, И.Комарова, Я.Якубчика и И.Дьячкова. Приговор об их расстреле был вынесен в Архангельске Особым военным судом (Ларионов как бывший офицер, а его люди – как бывшие солдаты судились военным судом), а 2 ноября 1918 г. командующий союзными войсками Антанты бригадный генерал Э.Айронсайд утвердил приговор. Обвинение Ларионова и других – «виновны в умышленном убийстве жителей с.Мохча Хозяинова и Терентьева и в грабеже». Н.Пластинин, очевидец казни Ларионова, впоследствии рассказывал, что «... расстрел был устроен... в 3 часа дня на дворе тюрьмы... Кровопийцы хотели завязать глаза нашим. Ларионов, куривший папиросу и с величайшим презрением смотревший на белую рвань, крикнул: «Себе глаза завяжите, а не нам! Нам не требуется!» Потом вынул из кармана красный платок и воскликнул: «Да здравствует революция!» Пал с товарищами, сраженный пулями. Тела их валялись до утра».

Общественность Северной области не была удовлетворена существовавшей при белых системе суда. В августе 1919 г. архангельский Совет профсоюзов обратился в Земско-Городское совещание Северной области с протестом, в частности, отмечалось: «Нормального правосудия, которому можно было бы доверить судьбу, с надеждой, что не будет расправы, в области не существует. Выборность судей отменена... Внесудебные аресты имеют грандиозные размеры. Арестовываются крестьяне, рабочие и просто обыватели по поводу и без повода. Люди в большинстве случаев страдают безвинно... Военные суды по своему составу не внушают доверия и выносят кучами смертные приговоры... Попираются права личности гражданина». Обращает на

себя внимание не изложение ужасов репрессий в Северной области, а сам факт подачи свободного протеста (открытого) представительному органу власти.

В Коми крае функции органов контрразведки в белогвардейских частях выполняли специальные команды карателей (например, комендантский взвод в Айкино С.Матвеева, рота поручика И.Вяткина в Помоздино). Кроме того, штабы Печорского и Пинежного-Мезенского районов Северного фронта рассматривали дела арестованных. Этим же занималась гражданская администрация в лице уполномоченного Северного правительства с правами начальника Вологодской губернии С.О.Латкина и административных судей (судья Мезенского уезда Лазаревич был уполномочен разрешать дела и на территории Яренского и Усть-Сысольского уездов). Латкин в своих действиях (а также в действиях карателей) руководствовался (хотя бы для вида) приговорами местных крестьянских сходок в отношении коммунистов.

Штабы белых в Коми крае крайне жестко подходили к рассмотрению дел о заговорах в своих частях. В марте 1919 г., например, генерал-майор Д.Д.Шапошников докладывал в Архангельск: «В отряде на Вашке среди призванных по последней мобилизации, преимущественно из партии, присланной из Мезени, открыт заговор, документами подтвердившийся. Двое расстреляны немедленно, остальные в числе около 40 обезоружены, отправлены в Лешуконское. Цель заговора – арестовать всех офицеров и надежных солдат и открыть фронт. Внешние причины – отсутствие обмундирования и неуплата жалованья. Теперь все спокойно. Прошу разрешения о назначении в Лешуконском особого суда». В октябре 1919 г. большая партия солдат 10-го Северного Печорского полка, отправленная из Усть-Цильмы в Архангельск, отказалась покидать пределы Печорского уезда и захватив пароход, сделала попытку рассредоточиться по волостям. Командование Печорского района пресекло солдатский бунт, 11 чел. были расстреляны. Позднее казненным был поставлен памятник, как борцам за советскую власть.

Арестованных коммунистов ожидали отправка в местные тюрьмы, отправка в Архангельск или Мудьюг, побои, расстрел. Кроме того, нередко коммунистов мобилизовывали для службы в армии белых. Рассматривая белый террор, надо учитывать практику проведения самосуда местных жителей, которые нередко выносили куда более жестокие приговоры в отношении коммунистов, чем военно-полевые суды белых.

Например, при ликвидации красногвардейского отряда П.Ф.Артеева в низовьях Печоры в конце 1918 г. белая дружина самообороны, набранная в основном из местных пустоозерских кулаков под командо-

ванием унтер-офицера В.К.Михеева, расстреливала попавших в плен красногвардейцев без всякого суда. Считалось, что и сам краском Артеев был расстрелян дружинниками. Есть другая версия гибели П.Ф.Артеева (Артеев был бывший балтийский матрос). Она была опубликована в газете «Красный Балтийский флот» от 17 февраля 1920 г.: «Ровно год, как не стало товарища Артеева, этого стойкого бойца за идеалы коммунизма... После занятия Архангельска англичанами местная белая свора подняла голову и стала искать случая пожрать неустанных бойцов-коммунистов. Однажды, когда тов. Артеев с 20 вооруженными коммунистами задумал захватить три ящика винтовок у белых, товарищи были окружены превосходящими их во много раз силами – двумястами богатых оленеводов. Товарищи не трусили и приняли бой. Они отстреливались до последнего заряда, а затем вступили в рукопашную. Герои-коммунисты погибли все, как один. Товарищ Артеев остался жив, но, не желая попасть в плен, застрелился».

На Удоре восставшие крестьяне под началом Л.П.Маркова в ноябре 1918 г. расстреливали без суда красноармейцев, сажали в тюрьмы советских работников.

Поводом к крестьянскому восстанию в удорских волостях Мезени послужил арест группы зажиточных и влиятельных кулаков из Чернутьево, в том числе отца Л.П.Маркова. Арестованных увезли в Кослан, откуда планировалось доставить их в распоряжение яренской ЧК. Во время ареста чернутьевцев Л.П.Марков участвовал в работе V съезда Советов Яренского уезда. Вернувшись домой и узнав об аресте отца и земляков, Марков, бывший подпрапорщик царской армии, организует отряд в 70 всадников с целью нападения на Кослан и освобождения арестованных. 25 ноября «марковцы» захватили в Мучкоме заставу из двух красноармейцев, поставленных туда Н.И.Ворсиным в октябре 1918 г. Оба красноармейца были расстреляны. Затем 26 и 27 ноября отряд Маркова разогнал Чернутьевский и Селибский Совдепы, а в ночь на 28 ноября напал на Кослан. Арестованные кулаки были освобождены, а их места в камерах заняли члены косланского волисполкома (причем, никто из арестантов в дальнейшем не был расстрелян «марковцами»).

Наиболее яркий случай самосуда местных жителей над коммунистами и активистами советской власти – восстание в Троицко-Печорске 4 февраля 1919 г. Повстанцы организовали собственную Судебную коллегия из 12 человек под председательством П.А.Юдина, которая казнила 96 человек.

В январе 1919 г. в Троицко-Печорске скопились значительные ценности: у пристани зимовал печорский речной флот (восемь паро-

ходов, паровые катера, баржи, буксиры), торговые склады и амбары были заполнены ляпинским хлебом, здесь же находились эвакуированное чердынское уездное казначейство и грузы Пушно-эксплуатационной экспедиции Уральской области. Под угрозой колчаковского вторжения красные решили эвакуировать часть ценностей на Вычегду, в том числе весь хлеб и демонтированные части двигателей паровозов. Для эвакуации в Троицко-Печорск был направлен усть-сысольский уездный комиссар М.М.Фролов. В конце января 1919 г. в Троицко-Печорск прибыли, по разным данным, от 500 до 800 подвод с Вычегды, на которых начался вывоз хлеба. По словам ямщика А.М.Тарабукина, местные жители всячески препятствовали вывозке хлеба, нередко нагружая сани всяким хламом (самому Тарабукину, например, вместо хлеба погрузили гири).

Начальником советского гарнизона в селе был Н.Н.Суворов. В его подчинении находились рота красноармейцев под командованием Миняева из 246 чел., судоохрана, караульная команда чердынского казначейства под началом Федосеева, охрана Пушно-эксплуатационной экспедиции. Кроме того, в селе находилось свыше 100 чел. из печорского судосоюза, могущих при желании встать под ружье. Троицко-печорские большевики организовали в селе ревком для координации действий по созданию линии обороны на верхней Печоре, но 28 января 1919 г. Мандельбаум распустил его. Вся власть сосредоточилась в руках военных. Комендантом села являлся председатель троицко-печорской ячейки РКП(б) И.Ф.Мельников. Именно он и стал инициатором заговора с целью свержения большевистской власти в селе.

По сведениям А.Г.Колпакова, верхнепечорские коммунисты дважды писали Мандельбауму, что Мельников – личность подозрительная и готовит восстание. И оба раза Мандельбаум пересылал письма для разбирательства самому Мельникову (!). Мельников же докладывал, что письма ложные и клеветнические. Заговорщиков было около 20 человек, среди них, как уже отмечалось, Мельников; бывший студент юрфака Петербургского университета, работавший в Троицко-Печорске лесничим Н.С.Скороходов; зам. председателя волисполкома М.П.Пыстин, служащие печорского пароходства П.А.Юдин и А.Тылебцов, красноармейцы И.Ф.Пыстин и В.В.Пыстин, священник В.Попов, крестьяне М.К.Попов, Е.А.Попов, И.Т.Бажуков, А.С.Пыстин и др. Бывшие пароходовладельцы Оскар Ульсон, Порфирьев, Иван Мезенцев, Смольников, А.Могильников, А.Головин тоже знали о заговоре и поддерживали его, хотя и не принимали в нем участия. Первоначально восстание планировалось на 25 января 1919 г., когда в селе должен был состояться митинг протеста по поводу вывоза хлеба на Вычегду под

лозунгом «Ни одного пуда хлеба вычегодским комиссарам!» Но на митинге было чересчур много женщин и детей, и восстание перенесли.

31 января 1919 г. белые заняли Якшу. Посланный вверх по Печоре красноармейский разведотряд в 15 чел. (по другим данным, 30 чел.) под командованием комроты Миняева под Порогами был окружен, и, потеряв в перестрелке одного убитым, сдался в плен. Миняев и несколько красноармейцев были расстреляны в деревне Мамыль. Из Троицко-Печорска в Якшу заговорщиками был отправлен гонец с пакетом, что в селе вот-вот начнется восстание. 3 февраля в Троицко-Печорск прибыли красные командиры Г.Комиссаров и А.Г.Колпаков. Они получили информацию о готовящемся восстании. Комиссаров сделал попытку связаться с Усть-Щугором, где размещалась печорская база красных, по телефону, но Мандельбаум к телефону не подошел. Ночевали Комиссаров и Колпаков в доме И.Ф.Мельникова и даже мылись в его бане (как пишет А.Г.Колпаков, «с револьверами рядом с мылом»). Уезжая на следующий день, Комиссаров информировал И.Ф.Мельникова, что штаб командующего Печорским краем вновь будет переведен в Троицко-Печорск, и скоро сюда придут крупные отряды для контрнаступления на колчаковцев.

Днем 4 февраля в Троицко-Печорске состоялся митинг протеста по случаю убийства в Германии Карла Либкнехта и Розы Люксембург, а вечером вспыхнуло восстание. В казармах красноармейцы убили своего командира Н.Н.Суворова. Непосредственным поводом этому послужил факт изъятия Суворовым валенок у красноармейца А.С.Растворова для прибывшего с верховьев Печоры солдата, совершенно босого. Растворов, а также В.Н.Мезенцев (большевик, зав. агитационным отделом троицко-печорского Совдепа) и еще несколько человек набросились на Суворова, избили его и подняли на штыки. Затем восстание стихийно распространилось по всему селу. Большая часть гарнизона примкнула к восставшим. Комиссар М.М.Фролов застрелился, находившийся в лазарете красный командир А.М.Черемных был убит.

Повстанцы без потерь овладели всем селом. Только на пристани завязался бой с судоохраной. Несмотря на пулеметный обстрел, судоохрана (Лео, Арефьев, Пыстин, Лезин и др.) отказалась сдаться и в течение суток (по другой версии, трех дней) выдерживала в одном из домов на пристани осаду мятежников. В ночь на 6 февраля оставшиеся в живых (Арефьев был ранен и решил сдаться, но при выходе из дома был убит), обмотавшись простынями, сумели пробраться мимо постов повстанцев и бежать из села. Помог им при этом и сам бежал вместе с ними местный житель матрос А.П.Попов, член РСДРП и РКП(б) с

1913 г. Однако организованная погоня настигла беглецов в 15 верстах от Троицко-Печорска и перебила всех.

Чтобы воспрепятствовать внезапному удару красных со стороны Вычегды, большой отряд мятежников отправился разобрать мост через реку Сойву. У Сойвы мятежники захватили в плен Чрезвычайную Печорскую комиссию П.П.Олунина и задержали большой обоз с боеприпасами, посланный для отрядов М.Мандельбаума по личному указанию И.В.Сталина. В.И.Прошев писал про мятеж в Троицко-Печорске: «За одну ночь мятежники арестовали около 150-200 человек. Большинство из них были помещены в неотапливаемые помещения, холодные амбары при 35-40-градусном морозе, а затем после истязаний расстреляны. В числе погибших от рук мятежников десятки беженцев из Чердыни... начальник Уральской продовольственной экспедиции Морозов и другие... Около 600 возчиков с подводами, следовавшие из вычегодских и сысольских волостей ... за ляпинским хлебом..., оказались в белогвардейском плену».

В Троицко-Печорске была организована Судебная коллегия для суда над арестованными коммунистами и активистами советской власти. В коллегии вошли 12 человек под председательством П.А.Юдина (последний потом утверждал, что «Как скажет народ, так он и судил»). Коллегия вела дела просто: всех арестованных выводили на сход населения, крестьяне кричали «да» (что означало расстрел) или «нет». Расстреливали на льду Печоры. По некоторым данным, до прихода белых были казнены 96 человек, в том числе бывший политссыльный Яков Розе, большевики Е.С.Тарабукин, И.К.Тарабукин, А.П.Тарабукин, И.В.Тарабукин, Морозов, Кукарцев, Федосеев, врач Циммерман и др. После вступления колчаковских частей в село прапорщик Т.Пашковский велел расстрелять всю комиссию П.П.Олунина вместе с охраной. В.И.Прошев писал: «После коротких допросов, но долгих и жестоких истязаний всех членов комиссии, раздетых до нижнего белья, босых и связанных попарно, вывели на покрытую льдом Печору и расстреляли». На свободу были отпущены только 12 солдат-участников I Мировой войны, возвращавшихся из австро-немецкого плена на родину и случайно оказавшиеся в обозе Олунина (по версии В.И.Прошева, были расстреляны и они). Всего в Троицко-Печорске было расстреляно около 130-150 человек, причем, по словам М.Н.Попова, непосредственно местных троцко-печорских граждан среди казненных было только двое – большевики Арсений Попов, помогавший бежать красной судоохране, и Василий Юдин.

П.З. Терентьев, один из 12 военнопленных, вступивший по дороге домой в Красную Армию и оправданный Судебной коллегией мятеж-

ников (всего, по некоторым данным, было оправдано, т.е. не казнено всего три человека из массы арестованных), впоследствии вспоминал: «Возвращался из австрийского плена вместе с отрядом Чрезвычайкома во главе с Олуниным, 5 февраля 1919 г. в Сойве всех арестовали и привезли в Троицко-Печорск. Здесь действовала коллегия во главе со Скороходовым, Мельниковым, Пыстиным. По приговорам этой коллегии было расстреляно около 200 человек, в числе их и вся чрезвычайкомиссия и красноармейцы-добровольцы. Когда из Покчи прибыл белогвардейский отряд во главе с прапорщиком Жалковским, подпоручиком Поповым и комендантом Пашковским, через неделю были освобождены все 12 военнопленных под надзор. Пашковский по своей личной инициативе расстрелял массу народу – даже 10 человек ямщиков, везших нас, были расстреляны лишь только за то, что их товарищи, помещавшиеся вместе, 5 человек перебежало через фронт в Советскую Россию. После приезда Пашковского даже расстреливали без всякого формального допроса». Терентьев замечал, что «местное население сочувствовало белой своре, во время одной пустяшной тревоги вооружились и женщины, и мужчины – кто топорами, кто вилами, косами и т.д.».

В Покче по примеру Троицко-Печорска организовали Судебную коллегия, куда вошли наиболее пострадавшие от советских конфискации крестьяне А.П.Остяков, Н.П.Остяков, П.И.Логинов, Н.Н.Нестеров, А.Т.Растворов, А.С.Пыстин. Коллегия приговорила к казни председателя и членов покчинского волисполкома И.П.Остякова, В.Л.Жижева, Ф.М.Ефремова и др., обвиненных в грабежах крестьянского имущества.

Вскоре в Покчу прибыли делегации из Савинобора и Подчерья с просьбой помочь свергнуть советскую власть ниже по течению Печоры. Был сформирован повстанческий отряд под руководством старообрядческого псаломщика Н.А.Шахтарова, уроженца д.Митрофановская. В ночь на 14 февраля отряд Шахтарова проник в Савинобор, где размещалась застава красноармейцев из пяти человек во главе с А.Бажуковым (по другим данным, застава насчитывала 27 чел.). Накануне в село прибыли командир формирующейся в Подчерье роты красноармейцев Тетерин с 15-летним разведчиком Васей Шахтаровым, пытавшиеся выяснить обстановку в верховьях Печоры. Отряд Н.А.Шахтарова ворвался в караульное помещение, где спали красноармейцы. Сразу трое из спавших были убиты, остальные схвачены. Каким-то образом Вася Шахтаров сумел вырваться и засел на колокольне, откуда отстреливался в течение последующего дня. Только после расхода боезапаса 15-летний боец был схвачен и позднее расстрелян.

Были расстреляны также Тетерин, А.Бажуков и еще трое красноармейцев.

В Подчерье находились 17 красноармейцев под командованием А.П.Осипова. Только четверо из них имели винтовки. Подчерские крестьяне сами решили справиться с красными. Инициаторами выступления стали В.Г.Мартюшев («Синтõм Васька»), А.В.Мезенцев, Н.С.Денисов, А.О.Мартюшев и Евдокия Мезенцева. Они пригласили А.П.Осипова якобы на собрание в дом В.Г.Мартюшева, где перерезали ему горло (особенно отличилась в этом Евдокия Мезенцева, севшая на ноги поваленного Осипова и державшая его при этом за руку). Все 17 красноармейцев были убиты. Сразу после уничтожения красных в селе организовали наблюдение за дорогой на Усть-Щугор. Между избушкой на окраине села, где разместились застава мятежников, и местной колокольней протянули веревку. При появлении советских отрядов колокол давал сигнал к бою.

3 марта отряд Н.А.Шахтарова вступил в Усть-Щугор, где была устроена казнь почему-то не эвакуировавшихся с отрядами красных усть-щугорских соработников, в том числе расстреляли председателя волисполкома И.М.Канева, председателя комбеда М.Никифорова, учителя А.М.Мартюшева, волостного волвоенрука А.А.Мартюшева и др.

Все расстрелы на верхней Печоре – самосуд повстанцев. Исключение составляет приговор колчаковского прапорщика Пашковского в отношении Чрезвычайной комиссии П.П.Олунина.

О массовых расстрелах на Печоре командующий Северным фронтом белых генерал-майор В.В.Марушевский писал позднее в своих мемуарах: «В этих глухих местах между Усть-Цильмой и, примерно, Чердынью – революция потеряла уже давно свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведению счетов между отдельными деревнями и поселками. На почве одичалости и грубых нравов местного населения борьба эта сопровождалась приемами доисторической эпохи. Одна часть населения зверски истребляла другую. Участники экспедиции (имеется в виду посланный из Архангельска в Омск экспедиционный отряд есаула Мензелинцев – *Авт.*) видели проруби на глубокой Печоре, заваленные трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды... Разобрать на месте, кто из воюющих был красный или белый – было почти невозможно. Отравленные ядом безначалия, группы этих людей дрались каждая против каждой, являя картины полной анархии в богатом и спокойном когда-то крае».

Самосуд творили и печорские «охотники за черепами», ставившие силки на красных и стрелявшие из засады. Один такой охотник якобы истребил 60 красных (что сомнительно).

Белые не поощряли самосуд местных жителей. Полковник П.Ф.Ес-тифеев еще в сентябре 1918 г. сообщал с Печоры в Архангельск, что арестовал ряд активистов советской власти: «...Что с ними делать? Пока я их в усть-цилемскую тюрьму. Есть такие, что толпа просит дать их для самосуда – я, конечно, не даю, но расстрел одного-двух успокоил бы толпу и поднял бы нас в их глазах. Телеграфируйте».

Много арестантов были вывезены белыми в Архангельск. Вначале не расстреливали на месте, т.е. на Печоре (наверное, из-за отсутствия судебных органов). В сентябре 1918 г. в Архангельск вывезли 23 арестованных, в декабре 1918 г. из Ижемской тюрьмы были отправлены в Архангельск 16 чел. (15 из них попали в Мудьюгский концлагерь). Всего в 1918 г. в Печорском уезде было убито в боях и расстреляно (а также утоплено в проруби) 47 большевиков и активистов советской власти. Газета «Красная Печора» от 7 ноября 1921 г. опубликовала список жертв белого террора на Печоре, но в него не попали и товарищи, которые погибли в бою, а не были расстреляны (например, В.Ф.Батманов), в список также привычно включают лиц, которые погибли от самосуда местных жителей, не имеющих отношения к суду белых (как, например, Н.И.Зыков).

В 1919 г., по данным редакции «Красной Печоры», специально занимавшейся этим вопросом, в Печорском уезде от белого террора погибло 58 чел., но кто из них пал жертвой самосуда, а кто был казнен по приговорам судебных органов белых – сказать невозможно. В отношении лиц, служивших на советской службе и оставшихся на Печоре после эвакуации красных, местное население устраивало самосуды, производило опись имущества для конфискации. Предупреждения властей не останавливали самосуды, которые приняли такой размах, что 8 июня 1919 г. начальник Печорского уезда Г.П.Алашев издал приказ о немедленном прекращении «безобразного произвола» – самочинных обысков и расстрелов. В приказе отмечалось, что «...непрерывные жалобы и донесения пострадавших и обиженных указывают, что самочинные обыски и даже расстрелы не прекращаются. Подобный произвол создает в умах впечатление о новой власти не как о носительнице здоровых начал законности и правопорядка, а как о власти, чуждой этим началам...» Известны отдельные факты вмешательства властей в устраиваемые самосуды населения. Так, в Красноборе в марте 1919 г. волостная управа организовала обыск у учителя В.В.Ильина, акушерки Е.И.Березиной и фельдшера И.И.Чопа. Обыск был произведен на том основании, что у вышеупомянутой тройцы «красные ничего не взяли». Во время обыска обнаружили запасы муки. 29 марта 1919 г. уездный правительственный комиссар Н.П.Ушаков в специаль-

ном письме в Красноборскую управу заметил, что «произведенный Вами обыск считаю незаконным... Повторение подобного превышения власти повлечет за собой самые серьезные неприятные для Вас последствия». Начальником Печорского уезда Г.П.Алашевым в декабре 1919 г. была составлена для начальника уездной милиции специальная «Инструкция», в которой Алашев писал: «...чины вверенной Вам милиции совершенно не понимают возложенных на них служебных обязанностей и не соблюдают порядка и законности при исполнении служебных обязанностей, вызывая тем самым по отношению к себе заслуженное неуважение и нарекания со стороны граждан». Алашев указывал милиционерам: «1. Быть вежливыми, почтительными и предупредительными в отношении со всеми гражданами, независимо от их званий, чина и общественного положения. 2. Уважать неприкосновенность личности, жилища и имущества каждого гражданина. 3. Никто из чинов милиции не имеет права производить самостоятельных обысков, арестов или дознаний без приказа начальника милиции или иных высших должностных лиц. 4. При производстве арестов или обысков или дознаний милиционер, коему поручено производить оных обязан предъявить постановление об аресте тому лицу, арест или обыск которого производится». Однако все постановления и мероприятия властей оставались по существу на бумаге.

До сих пор неизвестна судьба печорских советских беженцев в количестве около 600 чел., бежавших с Печоры весной 1919 г. и осенью 1919 г. попавшие в плен белым на Вычегде. 10 января 1920 г. начальник разведки Печорского р-на подпоручик Сергачев запрашивал Архангельск: «Как поступить с захваченными беженцами, которых местные общества обратно не принимают, как вредный элемент?». Судьба печорских беженцев до сих пор до конца неясна. Газета «Зырянская жизнь» от 13 декабря 1919 г. писала, что «...по дороге Визябож–Додзь–Корткерос в лесу валяется десяток трупов, раздетых догола, расстрелянных печорских беженцев». На заседании Печорского укома РКП(б) 9 марта 1920 г. в Усть-Сысольске прозвучала информация, что «захваченных печорских беженцев белые отправили через Корткерос под предлогом на родину, а в настоящее время, как выясняется, эти беженцы в числе 225 чел. расстреляны». По данным Е.Г.Королевой и А.А.Попова, печорских беженцев белые «... отправили на Ижму и там большинство из них расстреляли».

П.Г.Доронин в книге «Извайльские партизаны» упоминает о многочисленных казнях среди печорских беженцев в окрестностях Извайльской волости. По приказу белогвардейского коменданта Извайля А.Истомина было казнено здесь 46 беженцев; для них были вырыты две

общие могилы, в одной из которых похоронено 40 чел., а во второй – мать с дочерью (Варвара Ануфриева и ее дочь Матрена из с. Мохча, повешенные в д.Одосдин: «Бандиты мать повесили за шею, а дочь повесили вниз головой к двум пригнутым березам»). Некоторых беженцев утопили в проруби. В то же время газета «Красная Печора» от 7 ноября 1921 г. вообще не упоминает о жертвах среди печорских беженцев.

В населенных пунктах на Вычегде белый террор проводился поразному. Продвижение белых по верхневыхегодским волостям во время осеннего наступления 1919 г. было беспрепятственным. Кое-где население задерживало и передавало им арестованных красноармейцев и коммунистов. В Деревянске, например, местный житель А.М.Латкин задержал каким-то образом семь красноармейцев и передал их отряду подпоручика А.Г.Иванова. Подпоручик угощал пленных красноармейцев сигарами, агитировал переходить в его отряд. После ухода белых из села бывший председатель Деревянского волисполкома Чувьуров арестовал и отправил вдогонку белым четверых большевиков, но в Усть-Куломе подпоручик А.Г.Иванов освободил троих «по желанию местных жителей».

В 1925 г. коммунист П.Н.Игнатов так писал о пребывании белых в Усть-Неме и, в частности, о действиях начальника усть-немского гарнизона подпоручика В.П.Щекина: «Никаких репрессивных мер к коммунистам или сочувствующим советской власти и вообще к населению не применялось... При Щекине мы, коммунисты, чувствовали себя хорошо и ходили спокойно и свободно». Из массы усть-куломских коммунистов были расстреляны три человека, в том числе советский судья С.П.Кочанов. Большая часть усть-куломских большевиков добровольно перешла на службу к белым, среди них служащие местного почтово-телеграфного отделения вместе со своим начальником большевиком В.Н.Бобровым. Телеграфисты-коммунисты помогли белым восстановить телефонно-телеграфную связь по всей верхней Вычегде, и Бобров за усердие был представлен к Георгиевской медали 4 ст.

Массовые репрессии в отношении коммунистов и активистов советской власти развернулись в Керчомье. 18 ноября состоялось общее собрание граждан Керчомьи (из 613 домохозяев присутствовало 512, в том числе переодетый в женское платье известный керчомский большевик, местный чекист Д.М.Ваддоров). Собрание под председательством И.В.Самарина постановило: «Мы, крестьяне села Керчомского, единогласно протягиваем руки защитникам трудового крестьянства Белогвардейцам, единогласно призываем к себе на защиту нашего села, в чем входим мы в согласие без всякого сопротивления с нашей стороны

и вполне надеемся, что белогвардейцы возьмут нас под свою защиту от вторичного вторжения красных». На кладбище из могилы был выкопан гроб А.П.Гичева, и его останки выброшены в канаву. Керчомцы арестовали 32 коммуниста и активиста советской власти (по другим сведениям – около 50), 14 арестованных впоследствии были освобождены, остальные же подверглись расстрелам, унижениям и истязаниям. По данным С.В.Вайровской, было арестовано 39 коммунистов, из них 16 чел. расстреляли. Согласно сведениям краеведа А.А.Цембера, было расстреляно девять человек. Е.Г.Королева и А.А.Попов писали: «В Керчомье кулаки поймали 17 партийных и советских работников, до потери сознания бичевали нагайками, обливали холодной водой при 25-градусном морозе, истерзанных до полусмерти заставляли плясать под гармошку на глазах жен и детей истязаемых». Часть керчомских коммунистов и активистов советской власти перешла на службу к белым, среди них Д.А.Тимушев, в 1960-х гг. – ученый секретарь Ученого совета Коми филиала АН СССР по общественным (гуманитарным) наукам.

Массовые репрессии в конце ноября 1919 г. белые провели также в Извайльской волости, где были казнены 12 красных партизан. Некоторые из них подверглись страшным пыткам и истязаниям. П.Г.Доронин писал, например, что партизан П.Д.Уляшев получил восемь штыковых ударов в грудь и был утоплен в проруби. У коммуниста А.П.Шомысова перед казнью «выкололи глаза, переломали руки и ноги, вырезали уши. Женщины-ямщики, будучи невольными свидетелями этого страшного зрелища, навзрыд плакали. Коммунист-партизан Афанасий Шомысов сказал им: «Не плачьте, родные мои, скоро придет время, когда будут плакать жены и дети этих палачей». На двенадцатом километре от Извайля Афанасия Шомысова белобандиты стащили с саней, прикладами размозжили голову и убитого бросили в ручей»). 19 чел. из Извайля были отправлены по этапу в г.Пинегу.

По данным В.И.Прошева, из верхневыхегодских волостей во время белой власти на суд в Архангельск были отправлены по этапу из Деревянска – 15, Усть-Кулома – 40, Керчомьи – 60 и Усть-Нема – 6 чел. Часть из них дошла до Архангельска, часть осела в троицко-печорской и ижемской тюрьмах. Почти все они вернулись домой после победы красных. Под Аныбом в декабре 1919 г. попала в плен и была расстреляна красная разведчица Д.Ф.Каликова. На верхней Вычегде была расстреляна белыми коммунистка Д.М.Кочанова.

В Усть-Сысольске содержалось за время белой власти от 50 до 100 арестантов. Никто из них не был действительным коммунистом, в число арестованных попали бывшие большевики, исключенные из партии

или вышедшие из нее по собственному желанию, как например, А.С.Сорвачев, подавший заявление об исключении его из РКП(б) «из-за трудности посещения собраний». Бывших коммунистов называли председатели городских десят (особенно отличились в этом председатели 6, 7 и 8-й десят В.Старцев, К.И.Цивилев и Н.Фролов; в 5-й десяте милиционерам Кудинова всемерно помогал единственный оставшийся в Усть-Сысольске действительный член РКП(б) С.А.Надеев. Помимо бывших большевиков, в число арестованных попали отдельные комбедовцы (А.Н.Лысов), активисты советской власти (беженец из-под Риги Р.В.Ленерт – «за то, что ходил с красным флагом») и личные враги белых (помощник С.О.Латкина Ф.Ф.Кудинов распорядился, например, арестовать Е.С.Фролову-Шешукову, свидетельствовавшую против него на гражданском судебном процессе в 1918 г.).

В камерах сидело и восемь женщин, в том числе была арестована мать В.П.Юркина в качестве заложника. Пять человек, среди которых был известный уездный советский деятель И.С.Юрьев, были отправлены под конвоем в Архангельск. После взятия столицы Северной области Красной Армией все они благополучно вернулись домой. В отличие от Яренска, где белые расстреляли 12 чел., в Усть-Сысольске С.О.Латкин дал торжественное заявление «обойтись без крови» в родном городе. Священник Б.А.Едский специально ходил на прием к губернатору с целью хлопотать за арестованных, но получил ответ, что «беспокоиться не нужно, все будут освобождены». Ни один человек не был расстрелян белыми в Усть-Сысольске и на Сыsole, хотя публикации прежних лет утверждают, что белые расстреливали на Сыsole. Не было также самосудов местных, за исключением арестов и отправки в усть-сысольскую тюрьму. Так, в Ыбе было арестовано и отправлено в Усть-Сысольск четыре коммуниста, в Пажге – десять.

Красноармейская газета «Наша война» 28 июня 1919 г. опубликовала материал о зверствах белых на Удоре: «Прибывшие с Удоры в Яренск сообщают о тех зверствах, какие белогвардейцы чинили над бедным и средним крестьянином Удоры... Все семьи советских работников... ограблены... В дер.Селиб публично высекли розгами крестьянина, его жену и их двенадцатилетнюю дочь... В дер. Разгорт выпороли розгами и также публично крестьянина и его жену... В с.Готово выпороли розгами публично жену советского работника за то только, что муж ее состоит на советской службе... По словам прибывших с Удоры, порка розгой и битье нагайкой белогвардейцами являются обычным средством «внушения» за малейшее сочувствие Советской власти». Факты расстрела белыми на Удоре в 1919 г. неизвестны.

Во время действий Н.П.Орлова в Яренском уезде было казнено, по разным данным, от 58 до 84 чел. (абсолютное большинство – самосуд местных кулаков, по приказу военных расстреляли немного, в Яренске – 12 чел.). В число жертв белого террора, как правило, относят нередко и погибших в боях и даже покончивших жизнь самоубийством, как С.И.Покровский.

Местное население выносило приговоры об отношении к коммунистам. В отличие от Айкино, в Шежаме общее собрание граждан не разрешило арестовать и расстрелять ни одного коммуниста. Вообще, несмотря на торжественную встречу белых войск колокольным звоном и шаньгами, отношение большинства вычегодских крестьян к белым было настороженным. Неизвестно было, что принесет новая власть, кроме репрессий к большевикам. Как выразился впоследствии на допросе в ЧК крестьянин с.Коквицы И.И.Коннин, «настроение населения было одинаково как к белым, так и красным». Кое-где репрессии белой власти в отношении коммунистов не были поддержаны населением, в ряде мест – наоборот. На сходе в Керосе, например, крестьяне сказали унтер-офицеру Ф.С.Полугурову, чтобы он отвел коммунистов «куда угодно», они не против (надо заметить, что отец Полугурова был расстрелян красными в Коквицах в январе 1919 г. и сын, понятное дело, мстил за него). В Гаме мужики встретили Латкина со словами благодарности, что он спас их волость от красных. На сходе в Гаме местный учитель, бывший эсер С.А.Марков записал под диктовку односельчан фамилии гамских большевиков и передал список карателям. В Жешарте сход постановил изгнать из волости учительницу Климушеву за то, что она «детей заражает коммунизмом». Латкин допрашивает Климушеву, потом отпускает на все четыре стороны (впоследствии, жешартская учительница вновь была арестована и препровождена в Айкино, где и сидела до эвакуации белых).

При яренском земстве была создана Следственная комиссия под пред. А.П.Губенского. Она собиралась два раза, в обоих случаях, оправдав обвиненных в распространении идей большевизма лиц (в первый раз был оправдан учитель Павлов, во второй – группа крестьян). Из массы яренских коммунистов каратели расстреляли пять человек. По данным А.В.Попова, автора рукописной работы по истории усть-вымской уездной парторганизации РКП(б), написанной в 1935 г. и ныне хранящейся в фондах КРГАОПДФ, большое содействие белым в расстреле пяти коммунистов оказали другие коммунисты, в частности, некто Павликов. Были расстреляны также семь красноармейцев, изъявившие желание стать белогвардейцами, а потом снова попытавшиеся перебежать на советскую сторону. Эти семеро были расстреляны

для острастки всего орловского отряда, почти полностью состоящего из бывших красноармейцев. Часть большевиков, в основном руководящего звена, перешла на службу к белым (в том числе член яренского ревкома И.Д.Проскуряков, зав.канцелярией военкомата В.К.Тырин, зав. транспортным отделом уездисполкома А.Д.Ершов, зав.техническим отделом уездисполкома П.П.Кобычев, начальник советской милиции 2-го района Яренского уезда С.Калинин, председатель Коквицкого Совдепа Седрысев, районный техник К.В.Осколков и др.). О фактах перехода яренских коммунистов на службу белым (причем, на руководящие должности) констатировала газета «Югд туй» в 1925 г.: «В руки Орлову попали тт.Симаков, Габов, А.К.Туркин, С.П.Вурдов. Первые двое расстреляны, а последние каким-то образом устроились в штабе Орлова и спасли свои жизни». По Яренскому уезду местное население устраивало самосуды над коммунистами. Так, по данным Е.Г.Королевой и А.А.Попова, «... кулаки села Оквад близ Усть-Выми при нашествии банды Орлова убили 20 советских людей, в том числе 65-летнего старика Туркина В.И., 14-летнего мальчика Тимофеева и инвалида империалистической войны Омринова».

Позднее, в 1926. г., на процессе С.О.Латкина, свидетели утверждали, что «относительно расстрелов и грабежей Латкин строго преследовал по отношению этого». Тем не менее, именно Латкину было предъявлено обвинение в развязывании террора в Коми крае и казни 113 коммунистов и активистов советской власти на Вычегде. В 1926 г. Латкин также сделал заявление, что по его приказу коммунисты и советские деятели не расстреливались – этим занимались военные каратели (а также самосуды местных жителей). В Усть-Сысольске, например, не был расстрелян ни один коммунист или советский активист, наоборот, как здесь, так и в других местах он, Латкин, брал к себе на службу раскаявшихся большевиков. Приговоры о расстрелах или арестах коммунистов выносили местные крестьянские общества, которыми, собственно, и руководствовались карательные органы белых.

Гражданская война – война между гражданами одной страны – худшая из всех войн... Начинаясь, как правило, за идеалы, она быстро превращается в обыкновенное сведение счетов. Коми самобытный писатель из крестьян В.П.Кунгин ярко описал в одном из своих автобиографических рассказов «идеологию» красного или белого террора: «В 1919 году гражданская война разгоралась. Население было терроризовано, не знало, к которому лагерю пристать. В том и другом лагере управляли изменники революции, друг друга душили и убивали, не разбирались в людях. Примерно: белые убивали людей, одетых в красную рубашку! Всё красное приходилось уничтожать. Если власть

переходила к красным, они действовали так же: нельзя было одеваться в хорошее новое платье. Если идет по улице более прилично одетый человек, называли его «буржуем», снимали с него одежду и убивали. Даже обстановка в доме не должна носить ни малейшего подозрения. Модные шторы-занавески, повешанные в окнах, делали хозяина дома буржуем! Не говоря уже о самом доме: если он новый, имеющий хорошую обстановку, то уж хозяин его, безусловно, называется буржуем, и его начинают зорить...».

Рекомендуемая литература

- Аксютя И.В., Максимова Л.А. Установление советской власти в селе Усть-Ухта // Вестник культуры Коми ССР. – 1991. – № 4. – С. 45–46.
- Вайровская С.В. Мориц Мандельбаум в оценке историков и современников // Вестник культуры Коми АССР. – 1990. – № 1.
- Жеребцов И.Л. Отношение населения Коми края к власти в 1918 – начале 1920-х годов // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 65–73.
- Жеребцов И.Л. Человек Февраля // Они любили край родной. – Сыктывкар, 1993. – С. 183–204.
- Жеребцов И.Л. Борьба большевиков за власть в Усть-Сысольске и Яренске в 1918 году // Ориентир. – 1994. – № 1–2.
- Жеребцов И.Л. Народ и власть (Коми край в период революции и гражданской войны) // Родники пармы. – Сыктывкар, 1996. – Вып. IV. – С. 91–12.
- Жеребцов И.Л. Стоявшие у истоков (коми политические и культурные деятели первых послереволюционных лет) // Жизнь национальностей. – 1996. – № 4. – С. 31–33.
- Жеребцов И.Л. Чёрные годы // Памятники отечества. – 1996. – С. 176–182.
- Жеребцов И.Л. Время безумцев // Коми – край далекий и близкий. – Сыктывкар, 2001. – С. 182–201.
- Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми. Научно-популярные очерки. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996.
- Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край. Очерки о десяти веках истории. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003.
- Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Коми край в годы гражданской войны: население и власть. – Сыктывкар, 1994. – 26 с.
- Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Черные годы. (Революция и гражданская война в Коми крае. 1917–1921). – Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001.
- Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Крашенные. Страницы истории гражданской войны в Коми крае. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2000. – 136 с.
- Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Февральская революция и смена власти в Коми крае // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. – Сыктывкар, 1996. – С. 33–41.
- Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Революция и гражданская война в Коми крае (итоги и задачи изучения) // Историография Коми. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1999. – С. 48–57.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Основные этапы борьбы за власть в Коми крае в 1917–1921 гг. // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ижевск: Удмуртский ун-т, 2001. – С. 229–237.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Красный террор в Печорском уезде (1918 – 1919 гг.) // Политические репрессии в России. XX век. Материалы региональной научной конференции (Сыктывкар, 7–8 декабря 2000 г.). – Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001. – С. 17–23.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Рогачев М.Б., Колегов Б.Р. Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002.

История Республики Коми с древнейших времен до конца XX в. / Под ред. А.Ф.Сметанина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. – Т. 1, 2.

Республика Коми. Энциклопедия. – Сыктывкар, 1997, 1999, 2000. – Т. 1–3. Родники пармы–93. – Сыктывкар, 1993.

Родники пармы. – Сыктывкар, 1996. – Вып. 4.

Родники пармы. – Сыктывкар, 2000. – Вып. 5.

Родники пармы. – Сыктывкар, 2001. – Вып. 6.

Связь времен / Науч. ред. И.Л.Жеребцов. – Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2000.

Таскаев М.В. Небольшевистские партии и Белая армия в Коми крае (1917–1920 гг.). – Сыктывкар, 2000. – 116 с.

Таскаев М.В. Партии и партийность населения в Коми крае в 1917 г. // Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. – Сыктывкар, 1991. – Вып. 1. – С. 5–16.

Таскаев М.В. Деятельность партии эсеров в Коми крае в 1917–1918 гг. (по материалам периодической печати Архангельской и Вологодской губерний) // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX веках: проблемы изучения. – Сыктывкар, 1993. – С. 63–70.

Таскаев М.В. Национальный аспект в деятельности непролетарских партий и политических обществ в Коми крае (1905–1920 гг.) // Из истории государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. – Сыктывкар, 1993.

Таскаев М.В. Белая Армия в Коми крае (численность, дислокация, кадровый состав) // Материалы XII Коми республиканской молодежной научной конференции. – Сыктывкар, 1994. – С. 83–91.

Таскаев М.В. Социально-экономическая деятельность белогвардейцев и земства в Печорском уезде (1918–1920 гг.) // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. – Сыктывкар, 1996. – С. 42–50.

Таскаев М.В. Печорское земство (1917–1920 гг.) // Общее дело. – Сыктывкар, 1996. – № 1. – С. 55–60.

Таскаев М.В. Степан Латкин // Белая Армия. Белое дело. – Екатеринбург, 1997. – № 3. – С. 50–77.

Таскаев М.В. Печорский фронт в 1919 году // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 1997. – № 4. – С. 74–96.

Очерк 5. **АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА
В КОМИ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1920-е ГОДЫ**

Хозяйственная разруха, трудности со снабжением, жесткая репрессивная и продовольственная политика вели к массовому недовольству населения большевистской властью уже после окончания гражданской войны. Так, например, в Печорском уезде в 1920 г. нормы продразверстки (пуд масла с каждой коровы и одна корова на мясо в случае наличия нескольких хозяйств на нижней Печоре; три фунта масла с коровы и пуд мяса с хозяйства на средней Печоре и Ижме) оказались настолько высоки, что достаточно было любого повода для начала массового антибольшевистского восстания. Численность отрядов бывших белогвардейцев, скрывавшихся в тундре, резко увеличилась благодаря притоку недовольных продразверсткой крестьян и составляла к началу 1921 г. несколько сотен человек.

В январе 1921 г. I Всезырянский съезд коммунистов констатировал, что «часть населения Сысольского района к советской власти относится отрицательно». Что касается отношения крестьян к самим коммунистам, то I Усть-Сысольское уездное совещание работников деревни в мае 1920 г. сделало вывод, что «наше крестьянство еще далеко от стремления к организационному строительству, оно до сих пор по своей малосознательности относится к организации РКП безразлично. Это подтверждается и тем, что стремление вступать в партию совсем не наблюдается, за исключением очень незначительного сознательного элемента». Примерно такое же отношение к РКП(б) после окончания гражданской войны было и у рабочих; в апреле 1920 г. развалилась единственная пролетарская организация РКП(б) в Коми крае на Ньючимском чугунолитейном заводе, 85% ее состава подали заявление о выходе из партии.

Ситуация не изменилась и после замены продразверстки продналогом. Президиум Коми обкома РКП(б) в июле 1921 г. отмечал, что «замечается на местах, в частности в Сторожевском районе Усть-Сысольского уезда, население отказывается от уплаты продналога. Такое настроение перебрасывается в Усть-Куломский район». На заседании расширенного пленума Коми Обкома РКП(б) с участием председателей районных ревкомов и секретарей райкомов РКП(б) в ноябре 1921 г. прозвучало, что «отношение к партии недоверчивое... не сочувственное, население говорит, что коммунисты все съели». Председатель усть-куломского ревкома Г.А.Напалков на этом заседании выступил с сообщением о бунте недовольных высоким продналогом крестьян в Усть-Куломе: «Отношение населения было отрица-

тельное, в особенности после занятия поповского дома под ревком. Во время отсутствия членов ревкома в названном доме был произведен разгром: разбили зеркала, лампы, захвачена часть документов... в центре района Усть-Куломе продналог поступает плохо. Пришлось принять репрессивные меры: было арестовано до 100 членов, из них трое переданы в ревтрибунал».

В конце 1920–1921 гг. по стране наблюдались массовые выступления крестьян, недовольных советской продовольственной политикой. Восстания вспыхнули в Тамбовской губернии, Западной Сибири. В марте 1921 г. произошел Кронштадтский мятеж. Организаторами этих выступлений являлись в основном эсеры (в августе 1921 г. Совет ПСР постановил, что «вопрос о революционном низвержении диктатуры Коммунистической партии со всей силой железной необходимости становится в порядок дня, становится вопросом всего существования российской трудовой демократии»), движущей силой – зажиточное и среднее крестьянство. В советской историографии восстания традиционно трактовались как кулацкий бандитизм (уже в годы гражданской войны сам термин «кулак» приобрел более политическое значение, чем экономическое и стал означать врага советской власти).

Западносибирское восстание началось в конце января 1921 г. и охватило большую территорию приуральских губерний (Тюменской, Омской, Челябинской и Екатеринбургской). Организатором восстания выступил проэсеровский Всесибирский крестьянский союз, образованный в мае 1920 г. в Омске. Повстанцы выдвинули ряд политических требований, в частности, созыв Учредительного собрания Сибири, «Советы без коммунистов» и т.д. Повстанческие дивизии общей численностью до ста тысяч человек под командованием бывшего колчаковского поручика В.А.Родина в считанные дни стали контролировать огромную территорию, перерезали все железные дороги, связывающие Западную Сибирь с Москвой.

Восстание распространялось на север и запад, в Коми край. В середине февраля 1921 г. отряд зауральских повстанцев прорвался по Ляпинскому тракту на среднюю Печору и захватил Усть-Щугор. Повстанцы намеревались идти на Чердынь, поднимая по дороге окрестное население, но сумели захватить в свои руки помимо Усть-Щугора только Савинобор. В Троицко-Печорске в это время находился красноармейский гарнизон численностью в 863 штыка.

Часть гарнизона, по донесениям комиссаров, была ненадежна и могла присоединиться к мятежникам. Из Чердыни были затребованы дополнительные контингенты красноармейцев. Под Савинобором разведгруппа красных попала в засаду и была частью перебита мятежни-

ками, однако дальнейшие военные действия показали явное превосходство красных в численности и вооружении. После упорного боя под Усть-Щугором (во время которого все село несколько часов обстреливалось со всех сторон из пулеметов) часть уцелевших зауральских повстанцев покинула пределы Печорского уезда, уйдя обратно за Урал.

17 марта 1921 г. под руководством эсеров вспыхнул мятеж в Обдорске (Салехарде). Красноармейский гарнизон и советские беженцы оставили город и, перевалив Урал, разместились на реке Усе на территории Печорского уезда в селениях Петрунь, Абезь, Фион, Ошвор, Роговая. Штаб салехардской группировки разместился в Петруни, там же стоял наиболее крупный отряд красных под командованием М.В.Харакорина. 14 апреля 1921 г. отряд салехардских мятежников под началом Фурлет Вая и Сергеева, идущий по следу беженцев, напал на заставу в Ошворе, где размещалась полурота красноармейцев в 60 штыков под командованием Сергиенко. В бою застава была уничтожена, уцелели только три красноармейца И.И.Мунаров, Войцеховский и Витязев, которые добрались до Петруни.

Ошворские события всколыхнули весь Печорский уезд. В Усть-Цильме возник штаб подготовки антибольшевистского восстания на Печоре, возглавляемый Г.Г.Недашковским. В штаб входили ответственные советские работники уездисполкома, уездвоенкомата и других органов. А.А.Потапова пишет в своих воспоминаниях, что советские руководители накануне Усинского волнения (получившего впоследствии известность как «рочевщина») все выехали – кто в Архангельск, кто в Усть-Сысольск, так что одно время вся власть в красной Усть-Цильме принадлежала двум женщинам: А.А.Потаповой и О.Д.Родевой, членам печорского укома РКП(б). По некоторым данным, антибольшевистский штаб возник и в Троицко-Печорске, где распространялись эсеровские листовки. 30 апреля банда Исаака Меркуша неожиданно напала на продотряд В.И.Виноградова в деревне Ниедзьель на реке Усе и перебила его. Виноградов погиб. Тогда же был убит советский связной Туркель, посланный из Петруни в Усть-Цильму.

3 мая в Ниедзьель подошел отряд поручика Алексея Рочева, возглавившего повстанческое движение. Имущество экспедиции В.И.Виноградова и ценности, которые вез Туркель, были разграблены. По словам одного из мятежников, Ивана Гичева, в руки белобандитов попали бочки с золотом, серебром, ткани, шелка и другой всевозможный товар. В середине мая 1921 г. Рочев занял Колву, где в его отряд вступили десятки местных крестьян, в том числе секретарь колвинского волисполкома В.С.Филиппов, назначенный командиром взвода повстанцев. Точная численность отряда Рочева неизвестна, но составляла не менее

200 чел. В мае 1921 г. печорские повстанцы контролировали часть Усинского района от Ниедзеля до Колвы, имея связь с Ляпино и Салехардом. Среди населения получили распространение листовки «Да здравствует Советская власть без Коммунистов!» издания Главного Штаба Народной Армии в Тобольске. Многих большевиков в Усинском районе зверски казнили.

В Печорском уезде было объявлено осадное положение. 29 мая 1921 г. газета «Красная Печора» открыто признала, что на территории уезда идут бои и что «в нескольких селениях по реке Усе бандитами разграблены местные кооперативы и склады, расхищена часть мяса, предназначенного для распределения населению, бессмысленно испорчена часть постелей, приготовленных к переделке на замшу... затрудняется наш план весенней доставки части Ляпинского и Обдорского хлеба через Урал».

Для подавления повстанческого выступления срочно были направлены красноармейские отряды и части ЧОН из Архангельска и Чердыни. Штабы повстанцев в Усть-Цильме и Троицко-Печорске были раскрыты и арестованы. 6 июня 1921 г. красные в Зауралье овладели Ляпино, где им сдались около 200 повстанцев при одном офицере. К концу июня Западносибирское восстание было окончательно ликвидировано регулярными частями Красной Армии. 29 июня 1921 г. отряд поручика Рочева, преследуемый со всех сторон архангельскими, чердынскими и салехардскими частями красных, был окружен у д. Калякурья на Усе (интересно, что проводники красных постоянно пытались увести советские отряды в сторону от повстанцев, путали следы и в конце концов вывели прямо на заставу мятежников, дав возможность последним предупредить своих о появлении противника). Участник событий тех лет на Усе Н.А.Терентьев писал в своих воспоминаниях, что во время преследования отряда Рочева «нужна была осторожность, ибо население могло обмануть». По словам Терентьева, во время подавления Усинского волнения части красных, запутанные сложной обстановкой, однажды вступили в перестрелку друг с другом в районе Усть-Усы. Отряд милиции под начальством Шубина два часа вел бой с применением пулеметов с пароходом красноармейцев «Межень», приняв его за пароход белобандитов.

Окруженных в Калякурье мятежников несколько часов обстреливали из пулеметов, потом красноармейцы атаковали деревню с криками «ура». Потери повстанцев под Калякурьей оцениваются по-разному. Н.А.Терентьев пишет, что белобандиты потеряли 16 человек убитыми, Т.Губерман утверждает, что повстанцы только убитыми потеряли 80 человек и 20 человек были ранены. После этого боя Усинское

волнение на территории Печорского уезда считалось подавленным, хотя отдельные группы недовольных советской властью (например, банды Кондакова, Дурасова, Петра Рочева, Нерьяки-Мишки и др.) скрывались в тундре и на реке Воркуте до конца 1922 г. и, по мнению современников, «каждый оленевод для них был приютом и долго еще пришлось их искать». Сам А.А.Рочев был выдан собственными друзьями в сентябре 1921 г. и без суда расстрелян в Усть-Усе (заодно расстреляли и дружок). Одновременно с ликвидацией отряда Рочева прошла операция по обезоруживанию повстанческого отряда Е.Кириллова, попытавшегося закрепиться на Пижме.

Пойманные печорские белобандиты получили разные приговоры о наказании. Так, например, М.Е.Канев, застреливший В.И.Виноградова, был приговорен сначала к высшей мере, но по случаю пятой годовщины Октября отделался пятью годами заключения. Меркурий Рочев (он был пойман после боя в Калякурье, но по дороге сбежал, убив конвоира Смирнова, и сдался властям только в конце 1922 г.), один из активных помощников А.А.Рочева, вначале тоже был приговорен к расстрелу, но по случаю амнистии получил 10 лет заключения. В.С.Филиппов был осужден на пять лет заключения. Участвовавшие в расстреле бывшего председателя Колвинского Совдепа Протасия Юсева (кстати, беспартийного; мятежники были настолько уверены, что он коммунист и скрывает это, что не верили никаким словам о беспартийности Юсева) и колвинского милиционера Григория Рочева И.И.Беляев, Ф.И.Кожевин и С.Н.Хатанзейский получили от пяти до десяти лет заключения. Большинство мятежников «отделались» пятью годами сроков наказания.

Таким образом, весной и летом 1921 г. в Коми крае произошли открытые вооруженные выступления части населения против большевистской власти, подавленные регулярными частями Красной Армии. Однако недовольство крестьян советской политикой в отношении деревни продолжалось (хотя и не выливаясь более в открытые восстания). В январе – марте 1922 г. в ежемесячных сводках волисполкомов на Вычегде и Сысоле отмечается рост недовольства крестьян («тревожно на почве продовольствия», «спокойно с небольшим ропотом» – сообщали в Усть-Сысольск волисполкомы Вильгортской, Ручевской, Вочевской, Пожегской, Межадорской, Кажимской, Чернышской, Объячевской, Сереговской, Жешартской и Ыбской волостей). Летом 1922 г. наблюдалось «повышенное настроение крестьян на почве всевозможных слухов о налогах и голоде», – сообщали волисполкомы Гамской, Чернышской, Прокопьевской волостей. Ежемесячная сводка усть-куломского волисполкома за июль 1922 г. содержит информацию,

что «настроение крестьян подавленное» и что «к коммунистам относятся с недоверием».

Подобная ситуация наблюдалась и в последующие годы. Начальник областной милиции В.П.Осипов написал целый доклад руководству: «Проезжая по Вычегодскому краю для ревизии Усть-Куломской милиции, приходится констатировать факты: члены РКП(б), находящиеся в волостях, никакого влияния на крестьянскую массу не имеют и не могут иметь. Волячейки РКП(б) мизерны, от 2 до 5 членов, собрания волячеек почти не бывает, коммунисты в волостях не осведомлены партиработой ни уезда, ни области, не говоря уже в республиканском масштабе, газеты никакие не получают, если и получают, то с опозданием на три или четыре месяца, связи волостей с деревнями никакой нет».

Смерть Ленина коми крестьяне восприняли по-своему. Сводка ОГПУ № 6 за 1924 г. содержит сведения, что в Чухломе по такому случаю местный крестьянский сход постановил распустить волисполком и восстановить старое волостное земское правление. Зам. начальника коми отдела ОГПУ Баррикадов в феврале 1924 г. писал: «В смерти т. Ленина крестьянство видит распад Рабоче-Крестьянской власти, говоря, что Ленин умер, кто же теперь будет защищать крестьянство, будут ведь душить налогами и их некому защитить».

В I половине 1920-х гг. в Советской России продолжали свою деятельность десятки некоммунистических политических объединений, часть из них действовала легально, часть – под видом беспартийных. 5 октября 1921 г. ЦК РКП(б) в обзоре политического положения по губерниям констатировал, что эсеры и меньшевики «... работают под видом беспартийных как в городах, так и деревнях Юга, Украины, Сибири. Первые – преимущественно в деревенской кооперации, вторые – в городе, в кооперациях и отчасти профсоюзах». Основной целью деятельности некоммунистических партий стала реализация в условиях диктатуры пролетариата (а на деле диктатуры РКП(б)) лозунга «Власть Советам, а не партиям!». Но малочисленность партийных организаций, а также продолжающийся отток партийных кадров в ряды РКП(б) сводили на нет любые формы деятельности некоммунистических организаций. Ряд партий предприняли шаги к сближению и объединению, как это произошло, например, с ПЛСР и Союзом эсеров-максималистов, объединившихся в 1922 г., но и союзы не спасали от быстрого уменьшения их численности. В августе 1923 г. Центральное бюро левых эсеров и эсеров-максималистов в письме с характерным названием «К психологии переходящих» констатировало полный развал эсеровских организаций и других некоммунистических партий. В письме также отмечалось, что «вопрос о продолжающемся переходе членов разных

партий в РКП(б) так и остается вопросом нерешенным, неясным, необъяснимым... Слишком сложны мотивы, побуждающие человека отказаться от того, во что верил полтора – два десятка лет».

Решением адмкомиссии НКВД в 1923 г. Коми область была определена как регион для проживания административно-высланных. После Московского судебного процесса над ПСР в 1922 г. (на котором во враждебных действиях против советской власти обвинялись 34 человека, из них 11 членов ЦК ПСР и три члена Московского бюро ЦК ПСР), в Коми область прибыла первая партия административно-высланных эсеров из центральных районов России. ОГПУ разместило ссыльных в уездных центрах Усть-Выми и Усть-Сысольске, не решаясь отправлять их в сельские районы. Согласно докладу начальника коми отдела ОГПУ Л.Ф.Липовского на заседании бюро Коми Обкома РКП(б) 9 июля 1923 г. «к данному времени имеется около 50 человек ссыльных... Относительно использования политических ссыльных имеется такое указание: использовать их как возможно, но не давать им ответственных работ. Большинство политссыльных принадлежат к сильным активистам своих партий. ГПУ боится того, что эта публика вновь что-либо учинит и придется снова поднимать дела о них. До сего времени активной работы за политическими ссыльными не обнаружено... Эсеров мы отправлять в уезды воздерживаемся», опасаясь их влияния на крестьянство. Помимо эсеров вскоре стали прибывать ссыльные анархисты, кадеты и другие представители некоммунистической оппозиции в Советской России. В апреле 1925 г. в Коми области насчитывалось 117 политссыльных, из них 43 эсера, 17 анархистов, один кадет, шесть бывших белогвардейских офицеров и т.д. Часть политссыльных использовалась на различных должностях в хозорганах; часть имела возможность работать учителями, аптекарями, особенно в Ижмо-Печорском уезде, где ощущалась острая нехватка кадров. Так, например, в 1924 г. административно-высланные в Ижмо-Печорском уезде работали в управлении печорского пароходства, уездном земельном управлении, уездном финотделе и даже непосредственно в общем отделе уездисполкома.

Политическая деятельность административно-высланных ограничивалась антибольшевистской агитацией. Особенно активно занимались ею ссыльные анархисты. В местах высылки они агитировали коми крестьян отказаться от выплаты сельскохозяйственного налога в госфонд, отказаться от службы в рядах Красной Армии. 2 июля 1925 г. ссыльные анархисты провели партийное собрание в Усть-Выми, на котором потребовали от администрации «высылки в одну волость, дабы могли там вести свою работу». Партийные собрания проводили

и ссыльные эсеры, известно их собрание 19 декабря 1923 г. в Усть-Сысольске на квартире Л.Г.Кляшевич, на котором присутствовали эсеры Л.В.Ерухимович, О.Г.Покровская, А.А.Виноградов, А.П.Мельников и др. — всего 13 человек.

15 января 1924 г. политссыльные Усть-Сысольска устроили манифестацию по улицам города, воспользовавшись похоронами своего товарища. На кладбище был организован митинг, на котором политссылный эсер Лозов произнес речь о продолжении борьбы с большевизмом и что «начатое ими дело доведут до конца», невзирая на потери. В 1924 г. политссыльные эсеры установили контакт с местными коми отделениями ПСР, но каких-либо фактов их совместной деятельности не обнаружено, тем более, что ПСР с 1923 г. официально объявила о своем роспуске. Тем не менее, на проводимых политссылными собраниях иногда участвовали и местные граждане, а несколько усть-сысольских студентов выполняли роль «центральной почты» ссылки, являясь связными между ссыльными и «большим миром» (4 сентября 1924 г. на квартире слушателя педтехникума А.Я.Горбуновой чекисты изъяли переписку политссылных из Усть-Выми и Усть-Кулома, контрреволюционные книги и какой-то альбом под названием «В память ссыльных». Как оказалось, именно Горбунова являлась «центральной почтой» политссылки в Коми крае).

Под влиянием ссыльных анархистов в Усть-Сысольске в 1925 г. возник анархистский молодежный кружок, куда в том числе вошли несколько комсомольцев. Кружок планировал выпускать машинописный журнал, но его деятельность была пресечена ОГПУ. В преддверии ужесточения режима ссылки ряд административно-высланных организовали побег, в том числе член ЦК ПЛСР Рудаков-Порох, отбывавший срок в усть-сысольской тюрьме, эсеры Семятицкий, Гусев и Гадевский, анархисты Сергеев и Малов, сионист Виленчук и др. По сведениям ОГПУ, ссыльные намеревались наладить производство фальшивых денег для облегчения побегов.

Начавшаяся политическая ссылка во многом способствовала оживлению деятельности некоммунистических партийных организаций в Коми области. В 1922 г. произошла реанимация деятельности эсеровских организаций. Возобновили свою деятельность эсеровские группы в Усть-Сысольске, Усть-Выми, Айкино и некоторых других населенных пунктах. Численность групп неизвестна; из них, по данным ОГПУ, «наиболее серьезной» являлась усть-сысольская группа под руководством Карпова и Чиркасова. В эту группу входил бывший член Коми Обкома РКП(б), председатель областного ревтрибунала С.Ф.Матюшев, исключенный из большевиков за «распространение литературы партии

социалистов-революционеров среди беспартийных лиц». Чекисты были озабочены тем, что эсеры скрываются под видом беспартийных и даже коммунистов (об этом же говорилось в январе 1922 г. на I Все-зырянском съезде коммунистов: «в высших парторганах находятся социал-революционеры, которым не место в них и партия должна быть к ним очень осторожна»), продолжая между тем свою работу. Основными формами деятельности эсеров являлись агитация за перевыборы Советов, ввод в них представителей всех слоев крестьянства и интеллигенции и организационная работа. Планировалось расширить сеть ячеек ПСР в Коми области, в частности, в Койгородке Усть-Сысольского уезда намечалось создание нелегального райкома ПСР.

В ноябре 1922 г. группа эсеров (куда входили бывшие видные члены яренской организации ПСР и ПЛСР В.А.Исаков, Чукичев, Седяков и др.) под видом беспартийных приняла участие в работе XI съезда Советов Усть-Вымского уезда Коми области, попытавшись организовать на съезде фракцию беспартийных. Съезду был предложен ряд резолюций эсеровского содержания, часть которых получила поддержку и со стороны рядовых делегатов-коммунистов, в частности, требования о предоставлении разных льгот крестьянам-единоличникам, о понижении денежных налогов и т.д.

Помимо эсеров, в области начали работу несколько анархистских организаций, по всей видимости, «Всероссийской федерации анархистов-коммунистов». В мае 1922 г. анархистская группа численностью в 20 человек под руководством Калимова существовала в Усть-Выми. В Усть-Сысольске тоже примерно в это время действовала группа анархистов под руководством Юдович, в основном в нее входили студенты. После отъезда руководителя группа распалась. Посетивший Усть-Вымский уезд с инспекционной проверкой председатель Коми ОКК РКП(б) А.И.Бызов в январе 1923 г. с тревогой отмечал, что «положение политическое неважное... Кооперация в руках эсеров... Процветает кулачество, восстанавливается царизм... Уездный аппарат в халатном состоянии... В политическом отношении не ладно. Эсеров до 38 человек. Монархистов до 8 и анархистов до 35 человек. Пока неясно, какое фактическое они имеют влияние, но наши члены подпали под их влияние. Эсеровщина засела и в Педтехникуме и в других важных местах. Есть подозрения, что руководитель анархистов является членом РКП(б), эсеров также член РКП(б) – Калинин и Полещиков...».

По данным волячеек РКП(б) и ОГПУ, в ряде населенных пунктов Коми области в 1923–1925 гг. возникли так называемые «крестьянские партии» и «тайные организации», призванные бороться с большевистским режимом вплоть до подготовки нового вооруженного выступ-

ления. Пока же они ограничивались агитацией и набором в свои ряды недовольных советской властью. Согласно сводке усть-усинской волостной ячейки РКП(б) Ижмо-Печорского уезда за июнь 1923 г. на Усе возникла некая крестьянская «тайная организация к наступлению на коммунистов и может быть в целом на соввласть», руководимая кулаком П.В.Ануфриевым, эсером с партстажем с 1905 г. В «организацию» входили бывший комендант села при белых, начальник почты, лавочник, учитель, кладовщик кооператива и др. Усть-усинские большевики сообщали, что «организация» «будто бы держала связь с другими волостями и такими тоже должно быть элементами». Устойчивая группа недовольных советской властью и способных к созданию «организации» существовала в 1923 г. и в Бакуринской волости Ижмо-Печорского уезда. Согласно сводке бакуринской ячейки РКП(б), в группу входили кулаки, дьякон – все «ярые защитники эсеров».

По данным ОГПУ, в Кодзвильской волости Усть-Сысольского уезда осенью 1924 г. возникла так называемая «крестьянская партия», поводом для создания которой послужило мнение среди крестьян, что «Советская власть защищает только рабочий класс, а крестьян наоборот, всячески притесняет и все это лишь потому, что крестьяне неорганизованны. Нужно организовать крестьянскую партию и этим проявить диктатуру крестьянства». В 1925 г. большую роль в «кодзвильской крестьянской партии» стал играть слушатель усть-сысольского педтехникума П.И.Сорвачев, который, в частности, на общем собрании граждан Кодзвильской волости в ноябре 1925 г. выступил с речью, где подчеркнул, что «соввласть для крестьян ничего не дала. Теперь разрешила продажу вина, только с той целью, что больше затуманить всю массу». Летом 1925 г. «крестьянская организация» возникла и в Корткеросской волости. По данным чекистов, в ее состав входило до десяти человек, руководимых неким Кирушевым. Корткеросская «организация» считала, что «в настоящее время нет свободы для крестьянина и последнего только грабят, необходимо добиться свободы для него, для чего нужно свергнуть существующую власть». Согласно сводке коми отдела ОГПУ № 3 за 1925 г., подобные крестьянские «организации» возникли также в Палевицкой, Айкинской, Селибской (Усть-Вымский уезд) и Ыбской (Усть-Сысольский уезд) волостях Коми области. Повсеместно основным контингентом таких «организаций» являлось кулачество, а главными целями их сплоченных действий чекисты считали «захват низовых административных и хозяйственных учреждений» в свои руки. Видную роль в «организациях» играли бывшие эсеры.

Трудно сказать, существовали на самом деле такие самостоятельные крестьянские организации в Коми области или это гипотезы ОГПУ, но недовольство крестьян советской продовольственной политикой вполне могло принять и такие формы протеста, тем более, что в начале 1920-х гг. активизировались антибольшевистские партийные организации эсеров и анархистов, могущие вовлечь крестьян в процесс создания самостоятельных организаций.

Постановлением бюро Коми обкома РКП(б) секретно-оперативная работа ОГПУ по наблюдению за ссылкой и антибольшевистскими элементами в Коми области была признана «неудовлетворительной», а использование административно-высланных в советских учреждениях и хозорганах признано «ненормальным». Начальник коми отдела ОГПУ Л.Ф.Липовский был снят с работы и переведен в другую губернию. В первой половине 1925 г. ОГПУ ужесточило режим ссылки и приняло меры к ликвидации некоммунистических групп и организаций в Коми области. Только за январь-апрель 1925 г. органы ОГПУ арестовали 31 человек, подозреваемых в антибольшевистской деятельности, произвели 37 обысков, завели 20 следственных дел. К концу 1925 г. усилиями карательных органов деятельность некоммунистических политических объединений в Коми области полностью свелась на нет.

Внимательно следили и за деятельностью представителей местной интеллигенции. На V Коми областной конференции коммунистов в 1924 г. отмечалось, что «большая часть коми интеллигенции... относится к советской власти враждебно». Власти, естественно, старались пресекать «антипартийные вылазки» интеллигентов, но в поле зрения «компетентных органов» попадали те, кто уже находился «на заметке» с 1918–1919 гг. Видный политический деятель прошлых лет В.Ф.Попов, который работал в Усть-Сысольске в уездных и областных органах статистики, в 1923 г. был снова арестован по следующим обвинениям: «покушение на основные политические завоевания пролетарской революции», «противник профсоюзов», «частые отлучки в служебное время», «использование изображений религиозного культа в служебном кабинете». 22 января 1924 г. вынесен приговор о лишении свободы на три года и поражении в правах на пять лет. После шестимесячного тюремного заключения В.Ф.Попов освобожден по состоянию здоровья 9 августа 1924 г. (Скончался он в 1927 г. от туберкулеза легких).

Либеральный публицист И.А.Шергин, публикации которого пользовались большой известностью в предреволюционный период, продолжал писать критические статьи и письма. По словам его родственников, он был на приеме у В.И.Ленина, обращался в ВЦИК, к прокурору республики. По делу Кытловской детской колонии, где в 1923–1924 гг.

сложилось тяжелое положение, И.А.Шергин обращался в Наркомпрос; из Москвы на Вымь приехала специальная комиссия, после чего ситуация в детской колонии изменилась к лучшему. Критические выступления Шергина раздражали власти. Как пишет исследователь В.М.Полещиков, в 1922 г. его арестовали, но освободили из-за недостаточности улик. В 1923 г. едва не был снова арестован. В 1925 г. против «ябедника и клеветника» возбудили дело, Шергин был арестован, но по амнистии дело прекратили в самом начале.

15 марта 1926 г. был арестован С.О.Латкин (после окончания гражданской войны он уехал в эмиграцию, в 1925 г. по разрешению советских властей вернулся в СССР и поселился в Саратове). Его этапировали в Усть-Сысольск, 28 июня предъявили обвинение (вспомнили его давно завершившуюся борьбу с большевиками во время гражданской войны, обвинили и в том, что Латкин якобы приехал в СССР как агент империализма с какими-то враждебными замыслами). Делу Латкина постарались придать широкий резонанс: были организованы многочисленные «письма трудящихся», авторы которых требовали «применить к нему суровую меру наказания через расстрел».

14 августа 1926 г. чекисты перехватили письмо Латкина сестре, в котором содержались такие строки: «Рубинов (уполномоченный ОГПУ – *Авт.*) напирает на то, что я производил массовые аресты... Не верно... Что я допрашивал Домну Каликову. Я ее не видел. Словом – приписывается мне очень много и все на основании свидетельских показаний. Рубинов говорит, что я хвастался на свадьбе у В.П.Комлина, что я приехал в Усть-Сысольск специально, чтобы повесить всех коммунистов, и что это подтверждают участники этого пира. Какая ложь! Как раз наоборот: мой разговор с И.И.Комлиным, где я подчеркиваю, что я никого не буду вешать и убивать и что слухи о моей жестокости – ложны. Словом, свидетельств против меня – очень много. Будут ли за меня – не знаю».

20 декабря 1926 г. Латкина этапировали в Москву. Результат длившегося несколько месяцев следствия и суда был predetermined. «По многочисленным просьбам трудящихся» 18 апреля 1927 г. С.О.Латкина приговорили к расстрелу. Воспользоваться просьбой о помиловании он отказался. В своем предсмертном письме родным Латкин так написал об этом: «Гордость ли это? Может быть, да, а может быть, здесь не гордость, а просто искренний протест, и протест нужный, на мой взгляд». 8 сентября 1927 г. в газете «Югд туй» появилось сообщение об исполнении приговора.

До арестов и расстрелов доходило не всегда – у власти были и иные способы давления (например, своего рода «запреты на профессии»).

Упомянутый уже А.М.Мартюшев в 1922–1923 гг. работал в коллегии адвокатов. Он выступал защитником на процессе об усть-сысольском Стефановском соборе. В 1923 г. собор закрыли. 16 членов церковного совета, выступивших против закрытия храма, оказались под судом. 11 из них были оправданы, пятерых приговорили к различным срокам заключения. Мартюшев опротестовал приговор в Верховном суде РСФСР, и дело вернули на повторное разбирательство. Заключенных выпустили, воспользовавшись амнистией, собор в 1924 г. возвратили верующим. Немалая заслуга в этом принадлежала А.М.Мартюшеву. По его мнению, именно из-за выигрыша им дела о Стефановском соборе Коми облисполком в 1924 г. лишил его права быть адвокатом.

Относительная стабилизация экономики и финансовой системы по мере развития «новой экономической политики» в середине 1920-х годов позволила несколько облегчить положение крестьянства, по сравнению с периодом гражданской войны и начала 1920-х гг., что способствовало ослаблению напряженности в отношениях между советской властью и населением. В итоге, благодаря гибкой экономической политике правящей партии (большевиков) и планомерной деятельности государственных репрессивных органов в середине 1920-х гг. антибольшевистское движение полностью сошло на нет. Некоммунистические политические объединения прекратили свое существование, в стране установилась диктатура РКП(б). Легальная оппозиция к большевизму стала возможной только в рядах самих большевиков.

Ссылные троцкисты в Коми области

Борьба за власть в советском и партийном руководстве в 1920-х гг. прикрывалась теоретическими размышлениями о путях развития советского общества. Идеи международной революции (вспомните хотя бы легендарный советский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»), проповедуемые вождем мирового пролетариата В.И.Лениным, в середине 1920-х гг. полностью исчерпали себя. Социалистическая Россия оказалась в капиталистическом окружении, но рабочие Запада или Востока не спешили делать пролетарские революции, обращаясь за помощью к русским коммунистам. Партия большевиков и ее центральный аппарат во главе с И.В.Сталиным твердо взяли курс на строительство социализма в одной стране, отвергнув прежнюю установку на мировую революцию. Теория перманентной революции (вернее, перманентного террора), предлагаемая Троцким, была отвергнута. Сталинский вариант социализма Л.Д.Троцкий назвал «национал-социализмом».

Впервые троцкисты выступили в открытой оппозиции к сталинскому курсу в 1927 г. Манифестации прошли в ряде крупных советских

городов. В 1928 г. в троцкистской листовке, посвященной 11-й годовщине Октября, писалось: «Мы, большевики-ленинцы (оппозиция), подготовлявшие в подполье диктатуру пролетариата, дравшиеся на баррикадах Октября, защищавшие советскую власть в гражданской войне, строившие рабочее государство, празднуем этот день, как наш праздник. Величайшее значение октябрьской победы трудящихся и угнетенных мы сознаем и чувствуем гораздо глубже, чем большинство нынешней бюрократии, наполовину забывшей о своем революционно-пролетарском происхождении и превращающей октябрьскую годовщину в казенный табельный день. Революционному воспитанию подрастающих поколений чиновничье засилье ставит непреодолимые преграды. В комсомоле еще больше, чем в партии, все решается приказами и шпаргалками. Материальное положение рабочих-подростков ухудшается. Ленинские идеи искажаются и подменяются. Бюрократизм наносит особенно жестокие удары отсталым народностям нашего Союза. На окраинах еще больше, чем в центре, самостоятельность низов заменяется чиновничьей указкой. Произвол бюрократии достигает неслыханных размеров. Открытая после смерти Ленина государственная продажа водки (называемой в народе «рыковкой» – *Авт.*) наносит неисчислимые раны хозяйству и культуре страны. Промышленность, транспорт, торговля, сельское хозяйство теряют от водки в два-три раза больше, чем получает от нее государственный бюджет. А моральному ущербу, наносимому трудящимся, и счета нет. В государственном спаивании народа ярче всего выражается все зло бюрократизма, слепого и высокомерного по отношению к массам».

Троцкистские листовки 1928 г. и их распространение являлись последними массовыми и открытыми выступлениями в стране против курса И.В.Сталина. Уже в 1927 г. началась ссылка троцкистов («сухая гильотина», как ее называли оппозиционеры) в отдаленные уголки СССР. Коми область, Архангельская и Вологодская губернии, Коми-Пермяцкий округ, Сибирь – традиционные места высылки в России. Первоначально планировалось, что Христиан Раковский, ближайший сподвижник Троцкого, будет выслан в Усть-Сысольск, здесь уже готовились его принять, но потом Раковского выслали в Астрахань. В Усть-Вымь был сослан экс-нарком внутренних дел РСФСР А.Г.Белобородов, в годы гражданской войны председатель Уралсовета, принявший решение о расстреле царской семьи. Троцкий называл Белобородова «моим другом». Между прочим, его жена, Ф.В.Белобородова – единственная, кому удалось проводить Троцкого при его высылке из Москвы.

По словам историка Д.А.Волкогонова, Белобородов «получил повестку о высылке в какое-то трудновыговариваемое селение» в Коми

в январе 1928 г. Из Усть-Выми Белобородова перевели в Усть-Кулом, куда также доставили Г.Б.Валентинова, экс-главного редактора советской газеты «Труд». В Усть-Вымь кроме уже упоминавшегося личного секретаря Троцкого Сермукса (этапированного впоследствии в Великий Устюг) доставили также видного троцкиста В.Эльшня. Вскоре в Коми АО образовались маленькие колонии ссыльных троцкистов, где проживали А.М.Калачев, И.М.Еськов, Г.М.Артеменко, Б.И.Сопронов, Н.З.Де-либаш, С.П.Котенко-Слободский и др. В соседние к Коми области районы прибывали тоже видные ссыльные троцкисты: в Чердынь – К.Грюнштейн, Котлас – Познанский (еще один секретарь Троцкого), Великий Устюг – Уфимцев, Вологду – Штыкгольт и т.д.

Ссыльные имели возможность переписываться друг с другом, читать литературу, писать статьи и книги. Троцкий в ссылке, например, работал по заказам Института Маркса и Энгельса при ЦК РКП(б), переводил труды Маркса с немецкого, ходил на охоту. Ссыльные из Коми области переписывались с Троцким. По сообщению историка И.Дойчера, Троцкий, живя в Алма-Ате, систематически переписывался с девятью своими сторонниками, в том числе и Белобородовым, «высланным в Усть-Кулом в Республике Коми». Вот некоторые телеграммы. «Белобородов и Валентинов – Троцкому. 21 февраля. Алма-Ата, Казахстан, Льву Давидовичу Троцкому, из Усть-Кулома. Шлем сердечный привет [из] Усть-Кулома. Белобородов, Валентинов», «Белобородова-Троцкому. Алма-Ата, Троцкому, из Москвы 24 февраля. Привет от Егорыча из Усть-Кулома, целую крепко всех. Франия». «Сермукс – Л. Седову. 2 апреля. Водворен в Усть-Выме у Виктора. Сердечный привет. Сермукс», «Троцкие – Сермуксу. 3 апреля. Очень обрадовались телеграмме. Ждем подробных писем. Горячий привет. Лев, Наталья, Лева». «Белобородов и Валентинов – Троцкому. Алма-Ата, Троцкому, из Усть-Кулома. 30 апреля. Первомайский привет. Белобородов, Валентинов», «Г.Валентинов – Троцкому. Алма-Ата, Льву Давыдовичу Троцкому, из Усть-Кулома. 19 мая. Отправил письма 1-го, 26-го марта, 11-го, 14-го, 19-го апреля. Получили ли? Сердечный привет. Валентинов», «Троцкий – Г.Валентину. [Алма-Ата – Усть-Кулом]. [19 мая]. Получил».

Разногласия между Сталиным и «правыми», поворот Сталина к «левому курсу» вызвали споры среди ссыльных троцкистов. Часть из них стала склоняться к мысли о возможности союза со Сталиным. Преображенский считал, что Сталин фактически проводит в жизнь идеи троцкизма, что троцкисты переоценили крепость союза Сталина с «правыми» и теперь должны пойти на сближение со сторонниками Сталина. Его предложение в мае 1928 г. обсуждалось в колониях ссыльных, большинство высказалось против. По словам историка

И.Дойчера, Троцкий узнал об этих событиях лишь в мае, причем именно Белобородов из Усть-Кулома сообщил ему о спорах в колониях ссыльных. Приведем текст телеграммы. «Белобородов – Троцкому. 21 мая. Алма-Ата, Троцкому, из Усть-Кулома. Отправлено три письма. Предложения Евгения [Преображенского] считаю неправильными. Белобородов».

В письме Преображенскому из Алма-Аты от 24 мая 1928 г. Л.Д.Троцкий упомянул, что 23 мая 1928 г. получил из Усть-Кулома от Белобородова и Валентинова письма и телеграмму следующего содержания: «Предложения Преображенского считаем неправильными. Белобородов, Валентинов». (См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. – М.: Книга, 1990. – Т. 2. – С. 300).

В адресованных Троцкому письмах Белобородова и Валентинова шла речь о письме К.Радека. Троцкий сообщал Преображенскому: «Оба они крайне встревожены каким-то посланием Радека в Москву, проникнутым прокисшими настроениями. Если они верно передают содержание письма Радека, то я с ними солидаризируюсь полностью». По словам И.Дойчера, до конца мая Л.Д.Троцкий направил несколько обращений к своим сторонникам, в которых защищал прошлую деятельность оппозиции и пытался наметить новые перспективы. В числе таких «программных» посланий было и письмо Белобородову в Усть-Кулом от 23 мая 1928 г.

А.Г.Белобородов писал из Усть-Кулома письма, проникнутые троцкистскими идеями и в ЦК РКП(б): «Международное укрепление СССР требует укрепления революционно-пролетарской линии внутри СССР. Нас ослабляют поражения английских рабочих и китайской революции. Нас ослабляет неправильный внутрипартийный режим. Ленин определял советское государство как рабочее в стране с большинством крестьянского населения и с бюрократическим извращением. Это было сказано в начале 1921 года. Ленинское определение сейчас живо более, чем когда-либо. За годы нэпа буржуазия в городе и деревне выросла в серьезную силу. В такой обстановке нанесение удара по оппозиции означает ничто иное, как попытку, под лицемерные крики о защите единства... дискредитировать и разгромить левое пролетарское, ленинское крыло нашей партии».

2 августа 1928 г. Х.Раковский написал большое письмо в Усть-Кулом Валентинову, вызвавшее волнение в колониях троцкистов. В письме шла речь о причинах морального упадка в рядах большевистской партии, торжестве бюрократического аппарата и свертывании внутрипартийной демократии (даже той, которая допускалась среди большевиков). Эти причины Раковский видел не только в бюрократизации

партийного аппарата и интригах правящей партийной верхушки, но и в «апатии масс и безразличии победоносного рабочего класса после революции». Из «Письма к Валентинову» вытекал вывод о том, что в условиях пассивности основной массы народа оппозиция не имела возможности оказывать влияние на развитие советского общества – на это в течение многих последующих лет был способен только сталинский партийный и государственный аппарат. Копии этого письма были широко распространены, и их прочитали тысячи людей.

Из нарушений режима ссылки (либеральной для того времени) троцкисты описывали кудымкарский случай: «...Возмутительна история, разыгравшаяся в селе Кудымкар (Урал). Когда к одному из сосланных туда товарищей приехала жена (член партии), то ей предложили немедленно уехать. Товарищу даже не позволили проводить ее до станции... Когда четверо кудымкарских ссыльных-большевиков (Вязниковцев и др.) пожаловались на неслыханную грубость и незаконные поступки заведующего почтой (матерная ругань, отказ выдать полученные письма и пр.), то вместо того, чтобы одернуть зарвавшегося самодура, жаловавшихся т[оварищей] предали суду и приговорили к году тюремного заключения за оскорбление начальства. Пока этот неслыханный приговор был отменен по приказанию из Москвы, товарищам пришлось проделать несколько сот верст по этапу и отсидеть 2 месяца в тюрьме».

Осенью 1928 г. режим в местах ссылки ужесточился. В это время в СССР в тюрьме и ссылке находилось 6-8 тыс. левых оппозиционеров, на каждого из которых в партии приходилось по одному-два официально «отказавшихся» от своих взглядов, но в глубине души солидарных с сосланными, и столько же «сомневающих», колеблющихся в выборе между Сталиным и оппозицией. Как пишет И.Дойчер, положение Сталина было еще не настолько прочным, чтобы игнорировать это, да еще и возможный союз «правой» и «левой» оппозиции.

В феврале 1929 г. Троцкого выслали из СССР. Споры в колониях троцкистов усилились. Весной оппозиция оказалась расколота. По словам И.Дойчера, ГПУ «прочесало колонии ссыльных», арестовывая самых упорных и щадя склонных к примирению с «левым курсом» Сталина. Видя, что Сталин фактически выполняет идеи левой оппозиции о борьбе с кулаком и деревенским капитализмом, начиная коллективизацию, троцкисты решили попытаться пойти на сближение с правящей верхушкой, дабы по мере сил помочь осуществлять этот «левый курс» и «бороться за революцию» против «угрожавшего» ей «кулака». 13 июля 1929 г. объявили о разрыве с Троцким и поддержке Сталина Радек, Преображенский и еще 400 ссыльных. Белобородов и многие

другие троцкисты под руководством И.Смирнова также обратились с просьбой восстановить их в партии. Переговоры велись с июня до конца октября 1929 г. В августе 1929 г. они составили первый проект своей политической декларации, в котором объясняли стремление к примирению со сталинской линией согласием с планами первой пятилетки, курсом на индустриализацию и коллективизацию и необходимостью борьбы с «правой опасностью», признавали свои ошибки и обязывались прекратить фракционную деятельность. Первоначально Смирнов, Белобородов и другие требовали прекращения репрессий против оппозиции, возвращения Троцкого, однако вынуждены были снять эти требования. Но объявить о разрыве с Троцким они все же отказались. 3 ноября 1929 г. в «Правде» появилось их заявление о согласии с партией, выдержанное в более сдержанном тоне, чем заявления Радека и др. В 1930 г. Белобородова освободили из ссылки, и он уехал из Коми, работал в системе Комитета заготовок СССР, был уполномоченным Наркомата внутренней торговли СССР. Восстановлен в компартии, вновь исключен в августе 1936 г. и репрессирован, как почти все троцкисты. Сам Троцкий в 1940 г. был убит в Мексике агентом НКВД.

Оказали ли ссыльные троцкисты сколько-либо заметное влияние на политические настроения в Коми области, были ли настоящие коми троцкисты в Коми крае? Впервые слово «троцкист» в Коми автономной области прозвучало 3 февраля 1924 г., когда в областной газете «Югд туй» появилась статья, обвиняющая зав. орготделом Коми обкома РКП(б) Я.Ф.Потапова в разжигании внутрипартийных склок (на самом деле Я.Ф.Потапов, М.Н.Харапов и др. на областных партдискуссиях в декабре 1923 г. призвали к развитию широкой внутрипартийной демократии, что спустя десять лет им припомнили, как «фракционный троцкизм»). В марте-апреле 1924 г. усть-сысольские коммунисты отправили приветственную телеграмму Л.Д.Троцкому: «Москва, Предреввоенсовета тов.Троцкому. Пятая партконференция области Коми ожидает скорейшего возвращения к работе для новых боев и побед и просит передать Красной Армии искреннее восхищение железной стойкостью, доблестью, нашей гордости и надежды. Да здравствует Красная Армия! Да здравствует ее вождь тов.Троцкий!». Спустя десяток лет инициаторов отправки телеграммы (а ими были Я.Ф.Потапов, Ф.И.Булышев и др.) обвинили в «троцкизме».

Осенью 1924 г. пленум Коми обкома РКП(б) обсуждал работу Л.Д.Троцкого «Уроки Октября». Никто из членов обкома в глаза не видел и не читал этой работы, обкомовская резолюция принималась по типовым стандартам, уже опубликованным в центральных советских газетах. Член обкома А.И.Михайлов выступил с предложением прочи-

тать сначала книгу Троцкого, а уже потом принимать резолюцию, что было потом предъявлено ему как явный «троцкизм».

Троцкистские листовки в стране имели достаточно широкое распространение, вскоре они добрались и до Коми области. Сюда их привез по некоторым данным сысольский коммунист Г.С.Чугаев (он же, кстати, привез в область и пресловутое запрещенное «Письмо к съезду» – ленинское «завещание», до этого неизвестное коми коммунистам). Летом 1927 г. Г.С.Чугаев и группа сысольских коммунистов получили партвыговор за распространение троцкистской литературы.

Известность в области получили выступления секретаря Ижмо-Печорского уезда А.С.Кустышева в ноябре 1927 г., в которых он открыто защищал Троцкого и, в частности, был против исключения последнего из партии, утверждая при этом: «Если Троцкий во многом не прав, в то же время он очень во многом прав». В конце 1920-х гг. были выявлены сразу две коми троцкистские группы. Это произошло в марте 1929 г., когда в Усть-Сысольске состоялась XI Коми областная партконференция, на которой и обнаружилось наличие в организации троцкистских групп. Первая из них состояла из лекторов Усть-Сысольской совпартшколы (С.М.Завьялов, А.Н.Королев, А.И.Шешуков), вторая – из коммунистов Ижмо-Печорского уезда (А.А.Терентьев, А.И.Шешукова, Г.А.Терентьев). Обе группы обвинялись в подпольных контактах с ссыльными троцкистами и попытке создания троцкистских фракций в областной организации РКП(б). Троцкистами объявлялись прежде всего люди грамотные, образованные, из преподавательского и краеведческого состава (тот же А.А.Терентьев, например, часто печатался на страницах газеты «Красная Печора» с воспоминаниями о революции в Печорском уезде, у него сохранилась в Национальном архиве РК интересная рукопись по истории гражданской войны на Печоре). Однако до поры до времени репрессии против сторонников Троцкого и других оппозиционеров не практиковались.

Рекомендуемая литература

Жеребцов И.Л. Отношение населения Коми края к власти в 1918 – начале 1920-х годов // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 65–73.

Жеребцов И.Л. Человек Февраля // Они любили край родной. – Сыктывкар, 1993. – С. 183–204.

Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми. Научно-популярные очерки. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996.

Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край. Очерки о десяти веках истории. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003.

- Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Рогачев М.Б., Колегов Б.Р. Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002.
- История Республики Коми с древнейших времен до конца XX в. / Под ред. А.Ф.Сметанина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. – Т. 2.
- Полещиков В.М. Один из «врагов народа» // Родники пармы–93. – Сыктывкар, 1993. – С. 146–150.
- Полещиков В.М. За семью печатями. – Сыктывкар, 1995.
- Попова Р.Л. Заботясь о народе // Родники пармы–93. – Сыктывкар, 1993. – С. 65–77.
- Республика Коми. Энциклопедия. – Сыктывкар, 1997, 1999, 2000. – Т. 1–3.
- Связь времен / Науч. ред. И.Л.Жеребцов. – Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2000.

Очерк 6. РАСКУЛАЧИВАНИЕ

Во второй половине 1920-х гг. политическая ситуация в СССР стала ощутимо меняться. Относительный демократизм (касавшийся, впрочем, лишь внутрипартийных отношений в компартии) уходил в прошлое. Политические дискуссии велись все более ожесточенно, и главной их целью был уже не столько выбор пути развития, а подавление инакомыслия, удаление от власти соперников из числа бывших соратников-большевиков. Укрепив свои позиции, И.Сталин решительно приступает к реализации своих представлений о путях и методах строительства социализма.

Признаки изменившегося политического курса в стране были налицо. Однако местные руководители вряд ли догадывались об этом, тем более, что все делалось под благовидным предлогом ускорения темпов строительства социализма. Имя И.Сталина укоренялось в массовом сознании как выразителя генеральной линии партии, усомниться в правильности которой уже становилось крамолой. Сам же И.Сталин умело использовал настроения части населения и прежде всего посредством разжигания ортодоксальных классовых страстей.

Нельзя не признать, что коренной поворот в политическом курсе страны, осуществленный на рубеже 1920–1930-х гг., опирался на определенную реальную почву, важным компонентом которой являлись традиции уравнительности в общественном сознании значительной массы крестьянства.

Когда в 1929 г. грянула коллективизация, местное руководство отреагировало на это организованно. Конечно, и для него она в определенной степени стала неожиданностью. Были известны решения недавно прошедшего XIV съезда ВКП(б), в которых не ставилась задача сплошного обобществления крестьянских хозяйств. В материалах Коми обкома партии вплоть до 1929 г. коллективизация, как правило, выступала в качестве второстепенной задачи и представлялась процессом постепенным и добровольным. Укажем, что в 1927/28 гг. 30 небольших колхозов и шесть совхозов произвели 1,4% валовой продукции сельского хозяйства области. По данным Г.Ф.Доброноженко, ни 15-летний план культурно-хозяйственного строительства Коми области, ни первый пятилетний план, принятый в марте 1929 г. не предполагали форсированной коллективизации. Ее уровень к концу пятилетки должен был составить около 5%, причем имелись в виду не одни колхозы, но и другие виды кооперации. Однако уже с августа 1929 г. эти планы начинают пересматриваться, а в октябре утверждается форсированный рубеж – 15% коллективизации в 1929/30 г.

Еще раз подчеркнем, что особых возражений этот курс не вызвал. Встает вопрос – почему? Однозначного ответа на него нет. Нам кажется, что тому был целый комплекс причин. Одной из них является сформировавшаяся система управления обществом, которую принято называть административно-командной. Она предполагала безусловное подчинение мест указаниям центральных органов. Следует учесть и то, что формально коллективизация логически вытекала из широко развернувшегося кооперативного движения и многим действительно представлялась, как тогда говорили, его высшей формой. Нельзя не отметить и весьма здравый смысл в самой идее обобществления сельского хозяйства, распыленного к концу 1920-х гг. на тысячи мельчайших производителей. Поднять производительность труда в этих хозяйствах требовались десятки лет. Новая власть столько ждать не могла, поскольку была поставлена задача в кратчайший период построить основы социалистического общества.

Как отмечает Г.Ф.Доброноженко, осенью 1929 г. в Коми области впервые начали осуществляться хлебозаготовки (в трех южных районах – Прилузском, Визингском и Сысольском), главная цель которых заключалась в усилении нажима на кулаков; в первые четыре месяца 1930 г. «за саботаж хлебозаготовок» в названных районах были осуждены 197 чел. 8 февраля 1930 г. бюро Коми обкома компартии приняло постановление о подготовке к раскулачиванию. В том же феврале ОГПУ провело операцию по «изъятию» «контрреволюционной верхушки кулачества». По данным Г.Ф.Доброноженко, в феврале–марте некоторые сельсоветы были объявлены на военном положении, вооруженные отряды окружали «кулацкие» деревни, проводились обыски, в Шошке, Палевицах, Прокопьевке и др. селах «допускались издевательства и насилия над лицами, подлежащими раскулачиванию». В Прокопьевке вооруженная комиссия по раскулачиванию арестовала раскулаченных (17 чел., среди них девять середняков), причем 14 чел. оставались в качестве арестованных около месяца. Часть отобранного у раскулаченных имущества члены комиссии оставили себе. Заодно отняли часть имущества у середняков, которые даже не значились в списках подлежащих раскулачиванию.

События развивались лавинообразно. Сегодня опубликована многочисленная литература, освещающая ход коллективизации. Во всех средствах массовой информации была поднята огромная пропагандистская компания. Проводились многочисленные собрания бедноты и других слоев крестьянства, активно заработали партийные, комсомольские организации. Зачастую прямо на своих собраниях они принимали решения об организации колхоза. Особым энтузиазмом была охвачена

молодежь. Вот телеграмма койгородской комсомольской ячейки в адрес пленума обкома ВЛКСМ, датированная 11 марта 1931 г.: «Большой привет пленуму. Создали колхоз в деревне Венибе, вступили все комсомольцы. В деревне Ваддор организуется колхоз из 25 хозяйств. Решение партии претворим в жизнь. В лесу организовали четыре новые бригады из 40 человек. Все комсомольцы в лесу. Впредь еще усерднее будем работать на социалистическом фронте».

Между отдельными сельсоветами и даже районами развернулось соревнование за достижение наивысших показателей в коллективизации. Все это инициировалось Коми обкомом ВКП(б). Уже в начале 1930 г. он поставил задачу довести уровень коллективизации к осени того же года до 50%. В итоге были получены ошеломляющие результаты. Если на 1 января 1930 г. в колхозах состояло 9,5% крестьянских хозяйств области, то на 1 апреля уже 21,4%.

Таких темпов преобразования жизненных устоев коми деревня никогда не знала. Поэтому она воспринимала происходящее с глухим недовольством. Это недовольство выражалось в разной форме. В деревнях шли разговоры о том, что советская власть желает разорить крестьян. Значительная часть сельских жителей отказывалась вступить в колхозы. Тем более, что местные власти в своем рвении повсеместно перегибали палку. Документы зафиксировали факты, показывающие абсурдность ситуации. Порой у крестьянина обобществлялось все имущество, а затем колхоз вынужден был за тридевять земель закупать для него скот. Распространенными методами нажима на крестьянина были прямое насилие, угрозы, шантаж. О том, что крестьянин вынужден был вступать в колхоз под нажимом, свидетельствовали события, следовавшие после мартовского 1930 г. постановления ЦК ВКП(б) «О борьбе с исправлениями партлинии в колхозном движении». Начался массовый выход крестьян из колхозов. Уже в мае того же года уровень коллективизации в Коми АО снизился до 15%. Однако формальное осуждение насильственных методов, названных перегибами, оказалось всего лишь тактическим маневром И.Сталина. Г.Ф.Доброноженко, исследовавшая политику коллективизации на европейском Севере, в последнее время выявила многочисленные факты двойной документации, когда публичные решения партийных и советских органов тут же перечеркивались секретными инструкциями, распоряжениями прямо противоположного характера.

Для устрашения крестьян была осуществлена специальная программа раскулачивания. По всем подсчетам число зажиточных хозяев в Коми области едва ли достигало 3%. Как правило, это были хозяйства, ненамного превышающие средние показатели по области. Хотя следует

отметить, что влияние зажиточных на деревенское общество было значительным. Об этом свидетельствуют материалы сельских сходов, на которых беднота и даже середняки, как правило, не имели решающего голоса.

На кулаков обрушились тяжелейшие репрессии. По отношению к ним уже в предшествующий период были приняты ограничительные меры. Так, в решении июньского (1928 г.) пленума Коми ОК ВКП(б) отмечалось, что «кредитование зажиточно-кулацкой части надо совершенно прекратить». Эти ограничения затем превратились в репрессивную политику. В годы коллективизации многократно возрос налоговый гнет на кулаков, на них спускались дополнительные задания по сдаче сельскохозяйственной продукции, порой превышающие стоимость самого крестьянского имущества. За их невыполнение накладывались штрафы, применялись судебные меры.

Кулаков, да и других единоличников, обязывали работать на лесозаготовках, причем для кулаков устанавливались повышенные нормы выработки. Крестьяне пытались уклониться от этой обременительной повинности. Как пишет Г.Ф.Доброноженко, власти арестовывали наиболее активно выступавших против участия в лесозаготовках, судили их показательными судами («крепко, чтобы впредь было неповадно»), на скрывавшихся от лесозаготовок устраивали облавы. В результате волнений в д. Митрофановская Савиноборского сельсовета двое крестьян были убиты. На сплаве в Визингском районе состоялись две забастовки; в них участвовали 680 чел. С июля 1930 г. до конца этого года, по данным Г.Ф.Доброноженко, 465 чел. были осуждены за невыполнение заданий по лесозаготовкам и сплаву. В 1931 г. за невыполнение лесозаготовок, невыплату налогов, а также за угрозы ответственным работникам были осуждены 782 чел.

К марту 1932 г., по данным Г.Ф.Доброноженко, в Коми АО были раскулачены 262 хозяйства (больше всего – в Ижемском – 52, а также в Визингском – 39, Прилузском – 34, Усть-Вымском – 29 и Усть-Цилемском – 27). Имущество раскулаченных частично распродавалось, частично передавалось в колхоз. Отсутствие четко определенных признаков кулацкого хозяйства позволяло подводить под эту категорию и середняков, и даже в некоторых случаях бедняков. Все зависело от произвола местных властей. В этих условиях выжить крепким хозяйствам не было никакой возможности, они были уничтожены.

Первая пятилетка завершилась полной «победой» политики коллективизации. В 1933 г. в Коми области насчитывалось 540 колхозов, в которых находилось около 24 тысяч или более половины крестьянских хозяйств.

Такие действия вызвали у крестьян ответную реакцию. В литературе зафиксированы случаи террористических актов против сельских активистов, поджоги и порча колхозного имущества, потравы посевов и т.п. Как нам представляется, не это было главным в сопротивлении крестьянства осуществляющемуся курсу. Ведущим средством протеста крестьянства был забой скота. В годы коллективизации это нанесло мощнейший удар по производительным силам страны. Такого ущерба ни до, ни после этого деревня не испытывала. В советской исторической литературе эти факты или замалчивались, или упоминались мимоходом. Единственный статистический сборник, изданный в нашей республике в 1957 г., т.е. в годы хрущевской «оттепели», приводил эти потрясающие показатели. Для наглядности воспользуемся включенными в него данными, составив небольшую таблицу.

Поголовье продуктивного скота
в Коми автономной области, тыс. голов

Показатели	1928 г. (на 1 июля)	1932 г. (на 1 июля)
Крупный рогатый скот, в том числе	153,8	114,3
Коровы	87,9	76,5
Свиньи	16,4	4,9
Овцы и козы	157,9	107,5

Укажем, что и в 1933 и даже в 1934 гг. происходила убыль поголовья скота. Приведенные цифры не нуждаются в комментариях. Чтобы не сдавать скот в колхоз, крестьяне просто-напросто его забивали.

Однако следует отметить, что с точки зрения сформировавшейся системы коллективизации имела свою логику, самих крестьян – определенные преимущества. Объединив многочисленные единоличные хозяйства в колхозы, власть получила значительно более управляемую деревню. Маломощные крестьяне, да и середняки, оказавшись в коллективном хозяйстве, обрели устойчивое экономическое положение, огражденное от рыночной стихии. Последнее было немаловажным, поскольку проблема выживания, особенно в северных условиях, для крестьянина на протяжении веков являлась чуть ли не главной в его повседневных заботах. Поэтому трудно согласиться с новейшими воззрениями о том, что порочной была сама колхозная идея. Точней было бы сказать, что порочными оказались методы ее реализации.

То, что строительство и укрепление колхозного строя в коми деревне сопровождалось массовым террором в отношении крестьянства,

хорошо видно из документов. Так, материалы 1934 г. о разоблачении «контрреволюционных группировок» в коми колхозах свидетельствуют, что состояние сельского хозяйства было стандартным поводом для ареста и последующего обвинения в «контрреволюции»: «В колхозе имени Ленина Троицко-Печорского района социально-чуждые элементы и бывшие белобандиты организовали в колхозе контрреволюционную группу и довели животноводство до безобразного состояния. Привлечено к ответственности 7 человек во главе с председателем колхоза Афанасьевым Я.В.». Необоснованным репрессиям в 1930-х гг. подверглись многие председатели первых коми МТС – Г.С.Чугаев, П.И.Кожевин, С.Г.Костромин, А.Ф.Юшков и др. Г.С.Чугаев, директор первой в Коми области МТС – Визингской, в 1935 г. был исключен из партии как неразоружившийся активный троцкист, осужден на пять лет лишения свободы и умер в 1938 г., отбывая наказание. А.Ф.Юшков возглавил Визингскую МТС после ареста Г.С.Чугаева. В апреле 1937 г. был исключен из партии как неразоружившийся троцкист. В феврале 1938 г. Юшкова осудили на три года лишения свободы без поражения в правах. Ему предъявлялись обвинения в том, что он не участвовал в разоблачении Г.С.Чугаева как троцкиста; на курсах трактористов в 1937 г. распространял троцкистскую теорию о невозможности строительства коммунизма в одной отдельно взятой стране; задерживал зарплату рабочим МТС с целью вызвать их недовольство советской властью и т.д. Отбывал наказание в Верхнем Чове. С.Г.Костромин работал директором Усть-Вымской МТС, рьяно относился к своим обязанностям, неоднократно штрафовал председателей колхозов за простой тракторов. В 1936 г. был исключен из-за этого из партии по обвинению в «антигосударственной практике в работе и дискредитацию МТС». В 1937 г. Коми областным судом был осужден на полтора года, в декабре 1938 г. судимость была снята. Погиб на фронте в 1943 г.

Тракторист Мохчинской МТС Н.И.Кожевин в 1937 г. на Ижемской районной конференции ВЛКСМ призвал делегатов слать здравницы не только Сталину, но приветствовать и «стариков – Маркса, Энгельса, Ленина», за что немедленно был арестован, в 1938 г. осужден на 10 лет лагерей с поражением в правах на пять лет. В приговоре суда отмечалось: «Будучи недовольным политикой партии и правительства..., допустил контрреволюционные выкрики по адресу членов правительства, защищая при этом врагов народа и воспрепятствовал при закрытии конференции песню «Интернационала»». Отбывал наказание до 1944 г., освобожден по болезни. Директор Мохчинской МТС П.И.Кожевин в 1937 г. был исключен из партии и вскоре арестован за контрреволюционную деятельность, заключавшуюся в защите родного брата

Н.И.Кожевина, вышеупомянутого тракториста Мохчинской МТС. П.И.Кожевин находился под следствием два года. В конце концов, в 1939 г. верховный суд РСФСР отклонил обвинение в контрреволюционной деятельности председателя МТС, но осудил его на месяц исправительных работ. Находясь в тюрьме, П.И.Кожевин умер.

Председатель коммуны «Выль о́лм» (Новая жизнь) в Керчомье А.А.Золотарев в августе 1935 г. был исключен из партии как сын стражника и тайного сотрудника Вологодского охранного отделения, «обманым путем пролезший в партию и защищавший кулаков». В ноябре 1935 г. арестован, обвинялся, помимо выше перечисленного, в контрреволюционной агитации. В октябре 1936 г. специальная судебная коллегия Северного краевого суда прекратила дело Золотарева за недоказанностью обвинений. Колхозник колхоза д.Лемты И.Е.Денисов в июне 1935 г. исключен из кандидатов в члены ВКП(б) и арестован, как «троцкистско-зиновьевский последыш, буржуазный националист и контрреволюционер», в марте 1936 г. приговорен к четырем годам заключения. Обвинялся в защите троцкизма, во вредительстве на сплаве, в выступлениях против развития зерноводства в колхозе.

Как отмечает Г.Ф.Доброноженко, кулаков отдавали под суд за невыплату налога, невыполнение заданий по лесозаготовкам и сельхоззаготовкам. По ее подсчетам, в 1933 г. за хозяйственно-политические компании были осуждены 1224 кулака, в 1934 г. – 452; за первое полугодие 1935 г. по делам о весенней посевной кампании был осужден 61 чел.

Коллективизация была первым актом в создании общественной системы хозяйства в деревне. Однако нанеся урон деревне, государство поставило себя в крайне трудное положение. Во многих районах страны начался голод. Коми область не входила в их число, но и здесь положение было чрезвычайно тяжелым. Маломощные колхозы не могли обеспечить население продукцией. Необходимо было поставить их на ноги. Начала осуществляться специальная политика укрепления колхозов. В годы второй пятилетки и предвоенные годы на эти цели были направлены значительные средства. Одновременно продолжалась осуществляться коллективизация. В 1940 г. в республике было создано 718 колхозов, в которых находилось более 90% крестьянских хозяйств. Оставшиеся единоличники практически уже не были связаны с сельским хозяйством, а работали на различных государственных предприятиях. Таким образом, в 1930-е гг. завершился один из самых крупных социальных переворотов в истории деревни. По переписи 1939 г., из 320 тыс. чел., проживавших в Коми АССР, 290,3 тыс. составляли сельские жители. В их числе удельный вес колхозников достиг 55,2%, а неэксплуатированных кустарей и крестьян-единоличников сократился до 4,4%.

Остальную массу составляли рабочие и служащие. Несмотря на исключительно бурные социальные процессы, количество сельских жителей не сократилось, а наоборот возрастало. Это объяснялось тем, что ведущие отрасли промышленности, в частности, лесная, развивались в пределах сельской местности, где и происходило перераспределение рабочей силы.

Рекомендуемая литература

Доброноженко Г.Ф. Раскулачивание в Коми области в первой половине 1930-х годов // Покаяние. – Сыктывкар, 2004. – Т. 6.

Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми. Научно-популярные очерки. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996.

Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край. Очерки о десяти веках истории. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Рогачев М.Б., Колегов Б.Р. Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002.

История Республики Коми с древнейших времен до конца XX в. / Под ред. А.Ф.Сметанина. – Сыктывкар, 2004. – Т. 2.

Республика Коми. Энциклопедия. – Сыктывкар, 1997, 1999, 2000. – Т. 1–3.

Связь времен / Науч. ред. И.Л.Жеребцов. – Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2000.

Очерк 7. СТАЛИНСКИЕ ЛАГЕРЯ И ОСВОЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

Исторические предпосылки индустриализации

По мере складывания русского централизованного государства, затем – Российской империи каждый из входивших в него национальных регионов сохранял свое собственное социально-экономическое лицо, проявлявшееся в укладе, быте, традиционных местных производствах, социальных и культурных институтах. Местная элита вливалась в элиту империи. Регионы сохраняли свою традиционную хозяйственную специализацию, но при этом постепенно втягивались в общую государственную хозяйственную систему.

В рамках империи установились тесные связи народов, регионов в целом ряде важных областей жизни. Эти связи не всегда были сбалансированными и взаимовыгодными (подробно об этом писали исследователи Г.Р.Наумова и А.В.Никонов), однако явных перекосов в этой сфере почти не было. Окраины втянулись в общероссийский рынок, ядром которого были экономически продвинутые русские регионы.

Стремление большевиков уничтожить «фактическое» неравенство на практике означало попытку нового руководства страны изменить исторически определившееся место регионов в общей хозяйственной структуре государства.

Имелись различные точки зрения на то, каким «экономическим путем» должны пойти к социализму «отсталые регионы». Однако из всех на практике был предпочтен путь индустриализации окраин, и эта политика стала активно проводиться в жизнь всей мощью партийного и государственного аппарата.

Определенное влияние на последующую индустриализацию окраин оказал документ, хранящийся сегодня в Российском Государственном архиве экономики. Он представляет из себя строго конфиденциальную докладную записку заместителя председателя ВСНХ СССР Г.Л.Пятакова председателю ВСНХ Ф.Э. Дзержинскому, в которой содержится предложение об организации поселений заключенных в перспективных экономических районах, датированной 10 ноября 1925 г. «При выяснении некоторых промышленных географических вопросов я пришел к заключению о необходимости организации в некоторых местах принудительных поселений в целях создания мало-мальски элементарных культурных условий работы. Вероятно, с точки зрения разгрузки мест заключения, эти вопросы точно также имеют некоторый интерес. Я просил бы поручить ГПУ заняться этими вопросами...»

Председатель ОГПУ и одновременно председатель ВСНХ СССР Ф.Дзержинский, участвовавший в разработке экономической политики Советского государства, не нашел ничего странного в предложении Пятакова сделать поселения заключенных культурными и промышленными центрами громадных неосвоенных территорий. Дзержинский поручил сотрудникам ОГПУ Г.И.Благодарову и М.Ф.Фельдману подготовить по этому вопросу совместное заключение, а также «...формально обосновать такое нововведение (каторжные поселения)».

Здесь уместно отметить, что, по данным О.Ю.Кузиковой, еще в начале 1920-х гг. заведующий Коми (Зырянским) отделом при Наркомате, известный деятель Коми национального движения Д.А.Батиев обратился в Политбюро ЦК РКП(б) с докладной запиской, в которой предлагал организовать на Ухте трудово-исполнительную колонию. Батиев дал экономическое обоснование строительства колонии: «Издавна ухтинский район привлекает промышленников своими природными богатствами. ... На Ухте громадные залежи нефти по качеству выше бакигорских зарождений и очень близкие к поверхности земли... Кроме того идет примитивная разработка точильного камня, соли, красок. Этот район сплошь занят лесом... Можно приготовить шпалы, бревна, дрова...». Вполне вероятно, что Пятаков и Дзержинский были знакомы с предложениями Д.А.Батиева. Наверняка, такие идеи высказывались и другими руководителями отдаленных от центра областей, которые понимали, что только строительство путей сообщения, разработка природных богатств территорий позволяла оживить экономическую жизнь окраин.

Среди четырех экономически наиболее перспективных районов, определенных в 1925 г. Пятаковым числились район устья Енисея, Сахалин, Киргизская степь и Нерчинский округ.

Пройдет немного времени, и территория Республики Коми в планах Советского руководства также стала рассматриваться как огромная неосвоенная территория, которая представляла экономический интерес. Осваивать ее предполагалось также лагерным методом.

В середине 1920-х гг. ведущая роль в народном хозяйстве Коми области, где проживало 225 тыс. чел., согласно переписи 1926 г., принадлежала лесной промышленности с преобладанием конно-ручного труда. Промышленность также была представлена небольшими предприятиями легкой промышленности местного значения: Сереговским солеваренным, Ньючимским чугунолитейным, Усть-Усинским консервным и Усть-Цилемским замшевым заводами.

Известно, что XIV съезд ВКП(б) в декабре 1925 г. «основным звеном в цепи исторических задач социалистического строительства признал

социалистическую индустриализацию страны», так как она «вела к созданию материально-технической базы социалистического общества, способствовала повышению благосостояния народа, укрепляла независимость и безопасность страны».

В резолюции по докладу о работе съезда VII Коми областной партконференции, состоявшейся в январе 1926 г., приветствовались решения XIV съезда ВКП(б) и выражалась полная готовность провести эти решения в жизнь, сохраняя ленинское единство партии. В решениях конференции, а затем и V областного съезда предусматривалось первоочередное развитие лесной промышленности.

Действительно, главное богатство этого региона составлял лес. Промыслы, связанные с переработкой вторичных лесопроductов, были основным занятием местного населения, поскольку возможности для развития земледельческого производства в силу природно-климатических причин были крайне ограничены. Здесь на Севере исторически сложился живой хозяйственный механизм, связанный с развитием лесной промышленности. Для ее эффективного развития, как показывал опыт Швеции, Финляндии и других стран имелись огромные резервы. Как пишет А.В.Власов, наиболее дальновидные представители биржевых, земских, городских учреждений ставили вопрос о хозяйственной интеграции европейского Севера и Западной Сибири. В ходе специального совещания членов Архангельского Общества изучения Русского Севера было высказано следующее предложение: чтобы Север оживал нормально, «ему не следует задаваться грандиозными задачами строительства, рассчитывать на лежащие где-то тайные богатства и к ним приравнивать масштаб своей экономической программы. Лучше прогрессировать без скачков, без риска, увеличивать свои богатства постепенно...»

Позже историки Республики довольно убедительно объяснили местные приоритеты: «Коми АО располагала неисчерпаемыми лесосырьевыми ресурсами, которые могли быть вовлечены в хозяйственный оборот без крупных капитальных затрат. Леса области имели выход по рекам Северная Двина, Мезень и Печора на международные торговые пути, а по рекам Камского бассейна и железнодорожной линии Котлас–Вятка – во внутренние районы страны.

В Коми области имелся, особенно в зимнее время, избыток рабочей силы, который мог быть использован в лесной промышленности.

В пятилетнем плане развития народного хозяйства Коми автономной области, принятом на IX областной партийной конференции, а затем VII Коми областным съездом Советов в марте 1929 г. также наме-

чалось резкое увеличение объема лесозаготовок, как основной и главной отрасли промышленности.

Региональные особенности края требовали среди прочих мероприятий по развитию промышленной инфраструктуры широкого строительства путей сообщения, без чего было невозможно реализовать сколь-нибудь серьезные хозяйственные проекты. Наконец, требовалось практическое развитие фабрично-заводской инфраструктуры, сопутствующей лесному хозяйству.

Очевидно, что потенциальные возможности региона с точки зрения перспектив промышленного освоения, и, прежде всего, развитие лесной промышленности до революции здесь использовались далеко не в полную меру. Вероятно, отсутствовала целенаправленная идея развития региона.

Между тем, в 1929 г. союзное правительство принимает масштабный план комплексного изучения района Печоры и превращения его в топливно-энергетическую базу европейского Севера. Для его выполнения не имелось таких убедительных доказательств, какими объяснялась необходимость развития лесной отрасли. Достаточных средств, необходимой материально-технической базы, квалифицированных кадров и необходимого количества рабочей силы для выполнения намеченной программы в Печорском районе не имелось. Более того, это была удаленная от центра территории, не связанная с ним никакими транспортными линиями. И для освоения Печорского района как нельзя лучше подходил план Пятакова, изложенный им в цитированной выше записке.

Анализ правительственных актов показывает, что до 1930 г. заключенных рассматривали как дешевую рабочую силу, в лучшем случае рассчитывая на то, что их труд покроет государственные расходы на содержание мест лишения свободы. Действительно, в принятом в 1928 г. первом пятилетнем плане вообще не упоминалась производимая заключенными продукция. Но сделать места заключения самоокупаемыми не удавалось и на каждого нового заключенного требовались дополнительные расходы. Средства же нужны были для планируемой индустриализации.

Начало создания Архипелага ГУЛАГ

Принятие в середине 1929 г. «ускоренного варианта» первого пятилетнего плана и радикальная коллективизация 1930–1932 гг. резко изменили ситуацию в стране. Реализация планов ВКП(б) в 1930-х гг. требовала концентрации все больших ресурсов (в том числе и трудовых) на строительстве крупных промышленных и транспортных объектов.

Постоянно меняющаяся экономическая ситуация в стране обусловила серию реформ в системе мест заключения 1929–1941 гг.

По постановлению СНК «Об использовании труда уголовно-заключенных» от 11 июля 1929 г., создавались две параллельные структуры мест лишения свободы: в ведении ОГПУ СССР и в ведении республиканских НКВД.

Основу первой структуры (в ОГПУ) составляли крупные исправительно-трудовые лагеря, которые предписывалось создать в отдаленных малонаселенных районах, которые должны были стать центрами колонизации «своих» районов. Одновременно на лагеря возлагалась производственная задача комплексной «эксплуатации природных богатств путем применения труда лишенных свободы». Направлять туда было приказано всех, пригодных к физическому труду, осужденных на срок от трех лет и более.

Вторая структура создавалась в рамках существовавших Главных управлений мест заключения (ГУМЗ) республиканских НКВД. Здесь предусматривалось содержать лишенных свободы на срок от года до трех лет. Для этого надлежало специально организовать сельскохозяйственные и промышленные колонии. Разделение заключенных на особо опасных и мало опасных при фактическом выселении первых за пределы обжитых мест позволяло сэкономить на охране (побеги в малонаселенных районах, особенно на севере и в Сибири представляли куда меньшую угрозу, чем в центральных районах страны).

На необжитых территориях создаются существенные резервы рабочей силы и аппараты централизованного руководства, способные решать масштабные задачи. Колонизация способствовала бы закреплению этой рабочей силы и ее воспроизводству в будущем. Основной задачей руководства лагерями становилось рациональное хозяйственное использование труда заключенных. Перевоспитание содержащихся в лагерях ни в одном документе 1929–1930 гг., включая принятое «Положение об исправительно-трудовых лагерях», утвержденное 21 апреля 1930 г. СНК СССР №11/337 в качестве лагерной задачи не упомянуто.

Реализация июльского постановления СНК 1929 г. началась еще до его подписания. 28 июня 1929 г. со ссылкой на него ОГПУ было организовано Управление северных лагерей особого назначения (УСЕВЛОН). Местом временной дислокации управления был определен Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар); в 1930 г. его перевели в Котлас – основную базу освоения бассейна реки Печора. Уже к 1 октября 1929 г. в лагере было сконцентрировано 9250 заключенных. А на 1 января 1930 г. их число достигло 20276. Общее число заключенных в лагерях ОГПУ, составлявшее на 1 июля 1929 г. 22848 чел., к 1 января 1930 г.

достигло 95064. А к 1 июня выросло еще примерно на 60000. За один год действия июльского постановления общая численность заключенных лагерей увеличилась почти на порядок и стала сопоставима с численностью заключенных, содержащихся в системе республиканских НКВД, составлявшей на начало 1930 г. 250 тыс. – 300 тыс. чел.

На территории Коми АО уже в 1929 г. почти одновременно начинаются работы на трех взаимосвязанных объектах: прибывает экспедиция ОГПУ для разведочных работ на Ухтинском нефтяном месторождении, начинается прокладываться тракт Усть-Вымь–Ухта (по нему должны были поступать к нефтяным промыслам материалы, а также направляться этапы заключенных из Котласа). И начинается строительство железной дороги.

Железная дорога Пинюг–Сыктывкар

Решение о строительстве железной дороги Пинюг–Сыктывкар протяженностью 265 км было принято правительством СССР по ходатайству руководства Северного края, в состав которого входила Коми автономная область. В постановлении 7-го областного съезда советов «О пятилетнем плане хозяйственно-культурного строительства» предлагалось «обратить особое внимание на осуществление постройки железной дороги Пинюг–Сыктывкар», от которой зависит выполнение 5-летнего плана по всем основным отраслям хозяйства».

Строительство железной дороги Пинюг–Сыктывкар началось в августе 1929 г. одновременно из Сыктывкара и Пинюга. Строителям предстояло вырубить просеку, сделать насыпь, построить мосты через множество ручьев, уложить железнодорожное полотно на протяжении 260 км по безлюдной, лесистой, наполовину заболоченной местности. Кроме того, требовалось построить железнодорожные вокзалы, вспомогательные сооружения в конечных пунктах, а также железнодорожную ветку к пристани в Сыктывкаре. Сделать все это силами одной только Коми области было невозможно, прежде всего, из-за недостатка рабочей силы. По данным Усть-Сысольского отдела труда, в 1929 г. было зарегистрировано по всей Коми области около 12 тыс. чернорабочих, из которых половину составляли женщины. По мнению Н.Ф.Панчишиной, не исключено, что железная дорога Пинюг–Сыктывкар стала первой железной дорогой, которую строили заключенные.

Строительство велось силами северного лагеря ОГПУ (1929–1931 гг.), подчиненного УСЕВЛОНу, но его деятельность не имела прямого отношения к выполнению поставленной перед лагерем задачи – освоению бассейна реки Печора и, как важнейшей ее составной части, развитию Ухтинского нефтеносного района.

Общее количество работающих на строительстве железной дороги все время менялось: если в декабре 1929 г., когда строительство только начиналось, их было 2300 чел., то в мае 1930 г. — около 15 тыс. чел., к началу 1931 г. — 18 тыс. чел. В 1931 г. началось сокращение численности работающих на стройке.

Уже в июне 1931 г. УСЕВЛОН был ликвидирован. На его месте непосредственно для работ в Ухтинско-Печорском бассейне организовали Ухто-Печорский ИТЛ. Для продолжения строительства железнодорожной ветки Пинюг–Сыктывкар и автодороги Сыктывкар–Ухта сформировали Усть-Вымский ИТЛ. Но и Усть-Вымский ИТЛ просуществовал только девять месяцев. Строительство железнодорожной ветки было законсервировано и более не возобновлялось. Заключение были переброшены на строительство Беломорско-Балтийского канала. ОГПУ стало вывозить оборудование, рабсилу, снимать уже уложенные на трассы рельсы. Руководство республики обращалось в ГПУ ГУЛАГа с просьбой вернуть заключенных, поскольку без них завершить строительство невозможно. Хотя стройка неоднократно возобновлялась, завершить ее так и не удалось. Было выполнено 50% земельных работ, построено 65% мостов и искусственных сооружений, прорублена и расчищена вся трасса, истрачено 12 млн руб. При этом было загублено 5682 чел. Тракт также не был достроен. К тому же без железнодорожного пути от Сыктывкара тракт терял значение для освоения района Ухты.

Специфика лагерного строительства отражена в докладной записке Управления строительства Главжелдорстрою в ноябре 1932 г., где отмечалось, что характер работ ГУЛАГа резко отличен от общего характера железнодорожного строительства: земляные и мостовые работы начаты на большом протяжении и оставлены незаконченными. Во многих случаях сделали только те работы, которые требовали перевозок на малое расстояние (тачечная возка). «Общая тенденция ГУЛАГа, — отмечено в документе, — показать максимальное выполнение работ, не заботясь о правильности и порядке их выполнения...»

На вопрос: «Почему брошена ж.д. Пинюг – Сыктывкар?» прокурор Коми АССР Федченко на процессе над вредителями, орудовавшими в тресте «Комилес» в 1937 г., заявил: «Есть мнение, что дорога Пинюг–Сыктывкар сделана по вредительским установкам, что эта дорога экономически необоснованна, поэтому правительство постройку этой дороги ликвидировало». Началось обсуждение нового направления железнодорожной магистрали — через Княжпогост. Теперь уже оно было объявлено целесообразным.

Таким образом, попытка «штурмом» (в духе ускоренного варианта 1-й пятилетки) освоить крупный район, в котором полностью отсут-

ствовала инфраструктура, пусть даже ценой жестокой эксплуатации огромной по тем временам массы заключенных, фактически провалилась. Уже опыт 1920-х – начала 1930-х гг. показал невозможность тотальной индустриализации.

Ухтинская экспедиция ОГПУ

Для выяснения запасов полезных ископаемых Печорского бассейна в 1929 г. в район р. Ухта была послана комплексная геологоразведочная экспедиция ОГПУ в составе 125 чел., среди которых было около 20 специалистов-инженеров, геологов, техников, химиков и др. Вся экспедиция состояла из заключенных. По данным А.Н.Каневой, на 1930 г. в экспедиции насчитывалось 33 заключенных специалиста разных профилей, также были специалисты из политссыльных. Жили они первоначально в палаточном городке. И если в первое время случались побегі, то вскоре, «благодаря массовой ликвидации побегов...», в том числе и с помощью местного населения, «...настроение «бежалой» части заключенных круто изменилось в лучшую сторону».

Постановление 1929 г., принятое по инициативе наркомов юстиции, внутренних дел и заместителя председателя ОГПУ Ягоды, о создании системы концлагерей «для колонизации наших северных окраин и разработки имеющихся там природных богатств» было обусловлено и тем, что содержание тюрем было дорогостоящим для государства. Исправить положение предполагалось организацией исправительно-трудовых лагерей, которые должны стать самоокупаемыми.

Обоснование колонизации и освоения природных богатств посредством использования труда заключенных, по мнению краеведа А.А.Попова, принадлежит Григорию Александровичу Кузбасову, осужденному на 10 лет по 58-й статье. Он в 1929 г. являлся экономистом Ухтинской экспедиции. А.А.Попов приводит в своей статье две докладные записки Кузбасова, где тот обосновывает целесообразность использования заключенных для освоения Коми АССР.

«В Печорском районе имеются огромные естественные богатства. Не подлежит сомнению возможность по истечении всего лишь нескольких месяцев, потребных для организации работ, выпуска на рынок значительных количеств экспортных продуктов и внутрипромышленного сырья. Разведки нужны, главным образом, для того, чтобы определить начальные пункты работ, технику, организацию работ».

Кузбасов утверждал, что «нет надобности ждать несколько лет относительно выяснения нефтяных, угольных, лесных и прочих запасов. Уже сейчас имеются бесспорные проекты промышленной деятельности. И параллельно этому можно идти (вести) разведывание и окончательное

выявление промышленных запасов, имеющихся на долгие десятилетия, а по некоторым богатствам на многие сотни лет. Нефтяная промышленность Бакинского, Грозненского районов еще не имеют и ныне полного значения своих промышленных запасов, а развитие промышленности там началось по несомненным признакам...»

Автор докладной записки отмечает, что «имеющееся местное население обеспечит лишь потребности имеющихся небольших хозяйств. Развитие промышленности потребует новые кадры, привлечение местного населения возможно было бы в небольшой степени на основе высокой зарплаты, конкурирующей с имеющейся доходностью. Это имело бы отрицательные последствия для мощного развития новых отраслей промышленности в тяжелых еще экономических условиях края и отразилось бы отрицательно на развитии уже имеющегося местного хозяйства».

Экономист Ухтинской экспедиции обосновал использование заключенных и тем, что «привлечение рабочих кадров из других областей СССР потребует еще больших расходов на зарплату. Наиболее рационально – организация новых отраслей промышленности... на основе рабсилы, имеющейся в распоряжении УСЕВЛОНА ОГПУ. Эта рабсила оплачивается приблизительно в пять раз дешевле свободной привозной.

Только применение этой дешевой рабсилы сделает рентабельным разработку печорского угля, ухтинской нефти на малопроезжих площадях и отдельные участки нескольких других отраслей...

Применение рабсилы ОГПУ обеспечивает возможность:

а) разработки огромных, но малорентабельных, естественных богатств;

б) организации работ в большом масштабе, дающем немедленно... товарные фонды. Необходимо лишь достигнуть такой рациональной организации работ, чтобы производительность труда была на такой же высоте, как и на хорошо работающих производственных трестах...

В заключение Кузбасов делает расчет стоимости труда заключенных: «Совершенно» определено уже сейчас очевидно, что разработка Печорского бассейна... свободной рабочей силой будет нерентабельна и экономически нецелесообразна, зарплата чрезвычайно большим расходом ляжет на себестоимость угля. Рабсила же УСЕВЛОНА оплачивается в 20% стоимости рабсилы свободной, что решает вопрос о рабсиле и соответствии ее рентабельной калькуляции угля...» (цитируется по публикации краеведа А.А.Попова).

Идеи Кузбасова были положительно восприняты вышестоящим руководством, так как начиная с 1929 г. они стали воплощаться в жизнь. Именно такое решение вопроса освоения Коми АССР было обусловлено

наличием двух общесоюзных проблем, которые необходимо было решить за короткие сроки. Это накопление средств для проведения форсированной индустриализации и обеспечения создаваемой промышленности собственным сырьем. Эти две проблемы обеспечили резкую интенсификацию геологических работ по всей стране, в том числе и в Коми АССР.

За три года (с 1929 по 1931 г.) Ухтинская экспедиция охватила геологическими и поисковыми работами всю территорию восточной части Северного края от истоков реки Ижмы до Ледовитого океана.

Результатом работы экспедиции явилось обнаружение нефти в районе р. Чибью, радиоактивных вод в районе р. Ухта (в 1930 г. в районе скважины № 1, где была взята вода на определение содержания в ней радиоактивных веществ, была построена химическая лаборатория; к 1931 г. работы показали, что воды в р. Ухта содержат редкий элемент радий), а так же уточнение будущих мест разведовательно-эксплуатационных нефтяных скважин. При Ухтинской экспедиции было создано геологическое Бюро. Отчет о работе Бюро за май 1930 г. позволяет выяснить его состав: 1. Инженер Антонов; 2. Коллектор Колонтаров; 3. Геолог Гинсбург; 4. Инженер Минеев; 5. Инженер Руцинский; 6. Горный техник Духовный; 7. Горный техник Нашивочников; 8. Инженер Днухоновский; 9. Геолог Войновский-Кригер; 10. Геолог Леднев; 11. Геолог Аносов и пять человек рабочих.

Весь состав Геологического бюро состоял из заключенных, осужденных по разным статьям.

Ухтинской экспедиции удалось проделать огромный объем работы, несмотря на то, что условия их деятельности были тяжелыми. Главный геолог экспедиции Тихонович в отчете о проделанной работе писал: «... вследствие большой удаленности от базы, отсутствия жилых помещений, сильной заболоченности и коротких зимних дней, работа не может не идти медленно. От избышек до места работ приходилось иногда ходить ежедневно до 10 километров в один конец... Тихонович».

В июне 1931 г. экспедиция была реорганизована в Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь – «Ухтпечлаг», начальником которого стал Я.М. Мороз.

Яков Мороз – палач и жертва

Яков Мороз прибыл в Чибью 29 октября 1929 г. О биографии Я.М. Мороза до его назначения на пост начальника лагеря известно мало. Он родился в 1898 г. в еврейской семье кустарей-кожевников, окончил еврейскую начальную школу, затем работал строгальщиком в Оренбурге и здесь же в мае 1918 г. был принят в партию большевиков.

(В 1918–1919 гг. был красногвардейцем, следователем ВЧК). В 1919–1928 гг. работал чекистом (в системе ОГПУ) в городе Баку и за это время был награжден именным оружием и двумя орденами Красного Знамени. В феврале 1929 г. за превышение власти (как участник незаконного расстрела) Мороз был приговорен (коллегией ОГПУ) к семи годам лишения свободы, а осенью 1929 г. в целях реабилитации в глазах власти был послан во главе второй партии Ухтинской экспедиции ОГПУ в Чибью (на смену С.Ф. Сидорову, не справившемуся с правительственным заданием). Во главе Ухтпечлага Я.М. Мороз проработал до 1938 г. и за это время многое успел сделать для промышленного освоения Тимано-Печорского региона.

В первые два года существования лагерей цель трудового использования заключенных оставалась той же, что и до реформы – самоокупаемость. Именно Ухтпечлагу надлежало преобразовать северную землю в «цветущий, мощный, промышленный край», где «отец всех народов» обрек тысячи людей «выковывать» из себя «новый тип человека». Скрасить пока что безрадостные пейзажи был призван и сочиненный в эти годы «Ухтинский марш» (текст опубликован в статье А.Н.Каневой «Ухтпечлаг»):

«... Стране дать уголь,
 нефть и радий
Нарком Ягода нас призвал...
И вот средь гор, болот и впадин,
Среди лесов и водной глади
В великой напряженной страде
Наш общий труд забушевал...»

По мнению И.И.Жеребцовой, Я.М. Мороз был человеком очень деятельным и не мог сидеть сложа руки. Во многом, благодаря этой черте характера, он смог так хорошо себя проявить, занимая должность начальника лагеря. Его вклад в развитие экономики Республики Коми огромен. Под руководством Я.М. Мороза обустроивались города, добывались полезные ископаемые, выявлялись их новые месторождения, т.е. шла вся хозяйственно-культурная жизнь региона.

Благодаря стараниям Мороза, получили возможность работать по специальности многие заключенные специалисты. В 1929 г. Н.Н. Инкин, П.И. Полевой, Н.Н. Тихонович, Ю.К. Максимович, К.Г. Войновский-Кригер и другие ведущие нефтяники и угольщики страны были арестованы и приговорены каждый к 10 годам отбывания в лагерях особого назначения. (Тихонович был даже приговорен коллегией ОГПУ к расстрелу). Направлялись они в Казахстан, на Сахалин, на Соловки, но вскоре последовали совершенно неожиданные назначения.

Максимович становится главным инженером Ухтпечлага; Тихонович – главным геологом; Полевой – старшим геологом Усинского отделения; Войновский-Кригер – руководителем работ на открытом им месторождении Ыджыд Кырта на средней Печоре; Инкин – руководителем работ на Воркуте. Назначения эти последовали не вдруг, разом, а постепенно – благодаря стараниям Я.М. Мороза.

Многие заключенные специалисты практически сразу по прибытии в лагерь получали назначения работать по своей специальности. Некоторые из них впоследствии были освобождены из-под стражи и зачислены в штат вольнонаемных, опять-таки по личному ходатайству Я.М. Мороза. Все они внесли огромный вклад в освоение Севера.

Однако есть и другие факты, которые обрисовывают удручающую некомпетентность Я.М. Мороза, проявленную им в некоторых предприятиях, как то: строительство Воркутской узкоколейной железной дороги, тракта Чибью–Крутая и др.

В это время Ухтпечлагом строилась самая северная в стране железная дорога узкой колеи в 750 мм протяженностью 65,028 км от пристани на р. Уса до станции Воркута на левом берегу р. Воркута для вывоза каменного угля с перевалкой на речные суда. Узкоколейка сооружалась в тяжелейших условиях Заполярья. При этом полностью отсутствовал опыт подобного строительства на вечномерзлых грунтах (только в 1936 г. Комитетом по изучению вечной мерзлоты АН СССР была создана Воркутская научно-исследовательская мерзлотная станция (ВНИМС) на Руднике – первое научное учреждение на Севере).

Проектировал дорогу главный инженер Ухто-Печорской экспедиции Н. Тихонович. По проекту были сделаны замечания, которые потребовали составления нового проекта. Так как к 1935 г. почти на всем протяжении дороги уже были произведены земляные работы, чтобы не терять главную массу выполненной кубатуры, вели новую проектировку, не меняя трассы в плане, а, изменяя только профиль, линии. Дорогу делали, зачастую обходя все инженерно-технические требования. Так, «на значительном протяжении пути не было никакой балластной подушки, шпалы клали прямо на глину».

Заклученных разместили в сколоченных из досок неких подобиях барачков, кое-где они жили в палатках и землянках. В четырнадцати палатках смогли разместить чуть более тысячи заключенных, в землянках – еще около тысячи. Приблизительно 700 заключенных размещались просто под открытым небом.

Тяжелые условия труда способствовали росту заболеваний и высокой смертности; случалось, что заключенные не могли выходить на трассу по болезни или даже из-за элементарного отсутствия обуви.

Это сказывалось на качестве строительства: на значительном протяжении пути не было никакой балластной подушки, шпалы клали прямо на глину. Я.М. Мороз, «человек энергичный, но технически безграмотный», как аттестует его первый начальник Воркутской железной дороги П.И. Шереметенко, постоянно вмешивался в действия путейцев, мешал им укреплять полотно дороги. Тем не менее, в августе 1934 г. первая в Коми крае железная дорога была построена и сдана в эксплуатацию, по ней пошли первые пять небольших паровозов.

По узкоколейке воркутинский уголь вывозился до пристани, а затем перегружали его на баржи и везли по воде в Нарьян-Мар, а потом морским путем дальше, но работа ее затруднялась паводками и снежными заносами. За весь период эксплуатации (1935–1942 гг.) дорога сохраняла черты кое-как сляпанной временки... Поезда часто сходили с рельсов...

Дорога просуществовала девять лет (1934–1942 гг.). Путь в 64 км поезда преодолевали за 8-10 часов. Подвижной состав быстро изнашивался. Практически ежегодно на 5-6 месяцев по причине снежных заносов дорога выходила из строя.

Все эти факты предоставляют почву для возможности дать диаметрально противоположные оценки деятельности и личности Мороза. Подобная противоречивость напрямую следует из реальности того времени: во многом манеру поведения обуславливала среда. С человека, занимавшего ответственный пост, был и особый спрос; малейшая оплошность могла привести к печальным последствиям. Дамоклов меч нависал и над Я.М. Морозом. Уже имея печальный опыт работы во властных структурах, Мороз на этот раз старался быть осторожнее, что приводило к «погоне за цифрами». Отчеты для центральной власти блистали достижениями, начальство Ухтпечлага получало награды, а дело делалось кое-как. И это – бич не только Ухтпечлага, это была беда всей страны. Каждый начальник рано или поздно осознавал, что иного способа удержаться на должности нет. Поэтому просто приходилось иногда закрывать глаза на «преступную бесхозяйственность» некоторых предприятий, чтобы была возможность приложить больше усилий на реализацию более широкомасштабных замыслов.

Я.М. Мороз был не только начальником лагеря, он при этом оставался, прежде всего, человеком, у которого были свои стремления, желания, мечты. Остается лишь гадать о том, насколько они воплотились в жизнь. Условия того времени, скорее всего, не давали настолько полной свободы действий, чтобы была возможность жить по своему усмотрению, не оглядываясь на вышестоящих чиновников. Высокий пост начальника лагеря, особенно такого масштабного, как Ухтпечлаг, на

наш взгляд, исключал возможность иметь личную жизнь. Мороз же был человеком очень энергичным, ему нужно было постоянно действовать, ставить себе цели и их добиваться. И он всецело посвятил себя делу. Он поставил успех дела превыше всего: превыше страха, превыше своей совести, превыше себя.

Я.М. Мороз попытался отчасти восполнить недостаток личной жизни тем, что посвятил всего себя жизни общественной. Но душу трудно обмануть и внутренние противоречия, несомненно, терзали его. Нужно было дать выход накопившимся чувствам, и Я.М. Мороз это делал. В воспоминаниях Войтоловской, бывшей узницы одного из ухтопечорских лагерей, присутствует эпизод, в центре которого стоит фигура Я.М. Мороза: «Не единожды проезд спецпачты через Сивую Маску зимой 1936–1937 годов превращался в бедствие, ибо вместе с обозом спецпачты появлялся у нас известный по всему краю Мороз. Выгнанный из партии за превышение власти на Бакинских нефтепромыслах и направленный в республику, он превратился в садиста и пропойцу и вел себя на Сивой, как разбойник, на которого нет управы. Ему все сходило с рук, значит, считали незаменимым до поры до времени. По приезде к нам с вечера он запивал в компании с вохровцами, а наутро, разъяренный до иступления, откалывал цирковые номера с собаками, обычно, когда основная масса мужчин находилась в лесу». Эти воспоминания ярко отображают то, насколько среда может сковать душу человека, поставить его под контроль, оставив ему единственный способ развлечений – издеваться, по сути, над такими же несчастными, как он сам. Палач был не более чем жертвой.

Со временем Мороз попытался предоставить себе большую свободу действий, надеясь, видимо, что авторитет, награды и должность защитят его от возможного гнева центральной власти. Он стал поступать более самостоятельно, игнорируя даже некоторые распоряжения из центра, не ставя в известность местные органы власти. Одним из показательных примеров этого служит отчет обкому партии секретаря Устьвымского РК И. Лапина, отрывок из которого приводится ниже:

«Мороз в Сыктывкар не приехал, видимо, потому что не хотел... Из Москвы привезены новости об организации 4 лагерей под общим управлением Чибью, которое будет называться управлением лагерей Коми АССР, в него будут будто бы входить Воркутинские, Печорские, Устьвымские и Ухтинские лагеря. Локчимлаг входить не будет. Все это делается опять-таки без ведома обкома. Когда же обком заставит Мороза уважать республику Коми».

Действиями Мороза не упускали возможности воспользоваться его давние завистники и враги. Тщательно разрабатывались письма, якобы

обличающие Я.М. Мороза. Почва для них готовилась прямо на местах, так как гораздо эффектнее выглядело и одновременно оказывало большее давление возмущение рядовых членов партии и отдельных работников лагеря. Также направлялись различные проверки деятельности лагерной администрации, которые, естественно, выявляли массу беззаконий, появившихся одновременно с созданием лагеря. В результате этих скоординированных действий Я.М. Мороз приказом НКВД от 4.09.38 был снят с поста и предан суду. 19 января 1940 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Я.М. Мороза к расстрелу. По одной из версий, Мороз и Максимович, по распоряжению теперь уже наркома внутренних дел Берии, были отправлены из Чибью в Москву. На станции Мураши их встретил специальный конвой. До Москвы не довез...

Возможно, по этой причине расходятся в дате приведения приговора в исполнение сыктывкарские документы и материалы из архива КГБ. Первые называют дату расстрела 20 января, а вторые – 21 января 1940 г.

Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 18 ноября 1958 г. приговор от 19 января 1940 г. в отношении Мороза Якова Моисеевича был отменен за отсутствием состава преступления. Мороз был полностью реабилитирован.

Я.М. Мороз был типичным героем своего времени; его, как и многих других, среда поставила в такие условия, когда происходит «естественный отбор», т.е. либо ты, либо тебя. Он, несомненно, обладал потенциалом стать настоящим героем, образцом для подражания, но вынужден был подчиниться условиям. Он сделал свой выбор и остался в анналах нашей истории. И до сих пор не утихают споры, кем же он был – палачом или жертвой...

Хозяйственная деятельность Ухтпечлага

13 ноября 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации Ухто-Печорского треста», которое было продублировано СНК СССР 16 ноября того же года и приказом № 170 начальника ГУЛАГа М.Д.Бермана. Во исполнение этих решений Ухто-Печорский лагерь Управления северных лагерей особого назначения был передан в прямое подчинение ГУЛАГа и руководство трестом было поручено ОГПУ. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) обосновало перспективные задачи треста и железнодорожных линий, строительство жилищ, улучшение водных путей, строительство ремонтных заводов, рудников, промыслов, организацию речного судостроения, колонизацию безлюдного края, развитие сельского хозяйства и промысловой охоты.

Отмечалось, что «наиболее дешевым и экономичным в освоении Ухто-Печорского края является обслуживание промышленной разведки рабочей силой лагеря особого назначения ОГПУ». Ухто-Печорский трест стал «легальным лицом» Ухтпечлага. На него была возложена реализация программы по развитию северных районов Коми АССР.

В практике освоения северных территорий стало системой создание при лагерях специализированных комбинатов, трестов, заводов. Руководителями предприятий являлись одновременно начальники лагерей.

Первоочередной задачей Ухтпечлага являлось планомерное изучение Ухтинского региона и заполярной Воркуты. Необходимо было выявить геологическое строение и геотектоническое развитие этих регионов, определить месторождения полезных ископаемых, особенности их образования, произвести подсчеты запасов, наметить перспективы разработки месторождений.

Геолого-разведочные работы Ухтпечлага охватывали территорию северо-восточной окраины европейской части СССР, общей площадью около 340 тыс. кв. км.

На Ухтпечлаг возлагалась огромная работа по изучению Коми автономной области. Из плана работ Топографического сектора Ухтпечлага ОГПУ на 1932 г.: «Указанная территория (340 тыс. кв. км) до настоящего времени, можно сказать, совершенно не подвергалась топографическому изучению в плановом, государственном порядке. Отнесенная к малонаселенному и почти не обжитому району, указанная зона не привлекала должного внимания и фигурировала как район топографических работ не первой очередности и, Автономную область Коми, которая почти полностью входит в район геолого-разведочных и научно-исследовательских работ УПИТЛАГа ОГПУ картографический материал покрывает не более как 4-5%...»

Таким образом, Ухтпечлаг являлся первооткрывателем в научном изучении региона. Большой объем работ требовал привлечения большего количества заключенных. По данным историка Н.А.Морозова, на 1932 г. в лагере содержалось – 13186 тыс. чел. (В справочнике «Система исправительно-трудовых лагерей» среднегодовая численность заключенных в Ухтпечлаге определена в 9012 чел.) Архивные данные позволяют выявить соотношение числа заключенных и вольнонаемных, применяемых на некоторых видах работ в Ухтпечлаге.

Таблица 1

Среднегодовое количество рабочей силы в 1932 г.

Наименование производства	Заключенных, чел.	Вольнонаемных, чел.
Разведка на нефть	2672	51
Разведка на воду	686	9
Эксплуатация воды	1059	15
Разведка на газ	273	3

Как следует из таблицы, подавляющее число занятых на работах были заключенные. Дешевая рабочая сила оправдывала себя: средняя стоимость рабочей силы на одного заключенного в месяц по Ухтпечлагу заключенного составляла 45 р. 39 коп., вольнонаемного – 189 руб. 10 коп. Расчеты Кузбасова подтверждались.

27 марта 1932 г. вышло постановление Совета Труда и Оборона «О развитии каменноугольной промышленности в районе бассейна р.Печоры». В нем отмечалось, что в Печорском бассейне выявлены значительные запасы углей высокого качества в районе реки Воркута и определены меры по началу эксплуатационных работ, а также то, «что развитие каменноугольной промышленности Печорского бассейна должно проводиться в комплексе с развитием производительных сил Печорского района, в котором транспортное строительство водное и железнодорожное является решающим звеном».

Таким образом, кроме разведки и добычи (планы промышленной добычи угля были установлены уже в 1931 г.) полезных ископаемых на лагерь было возложено строительство инфраструктуры. Узкоколейная железная дорога не могла обеспечивать возрастающие транспортные перевозки Ухтпечлага. Поэтому по плану II пятилетки было предусмотрено строительство обычной железной дороги в Коми от рудника Воркута до Усть-Усы, протяженностью 450 км (см. приложение).

Строительство дороги было продублировано приказом НКВД СССР № 342 от 13 августа 1936 г., окончание строительства было намечено на 1 июля 1939 г. Однако 28 октября 1937 г. СНК СССР и ЦК ВПК (б) приняли постановление о строительстве железной дороги Котлас–Княжпогост–Ухта–Кожва–Воркута протяженностью 1200 км. Основная часть ее, известная как Северо-Печорская железная дорога (СПЖД), проходила по территории Коми АССР. Целесообразность строительства железной дороги Воркута–Усть-Уса отпала.

С 1930 по 1937 г. в тайге проработали около 300 геологических и топографических партий Ухтпечлага. За период существования Ухтпечлага (с 1831 по 1938 г.) заключенными были выполнены следующие работы:

- Бурение на уголь – 48935 метров;
- Добыто угля – 698561 тыс. тонн;
- Отгружено угля (с 1934 г.) – 262777 тонн;
- Открыто Чибыюское, Ярегское, Лыаельское, Югидское месторождения нефти;
- Пробурено более 800 скважин;
- Добыто нефти – 127150 тонн;
- Переработано нефти – 114,922 тонн;
- Получено бензина – 17905 литров; керосина – 5972; дизтоплива – 14434; Мазута – 60534;
- Построен нефтеперерабатывающий завод с годовой производительностью до 50 тыс. тонн (1934 г.);
- Открыт горный техникум (1932 г.);
- Внедрен шахтный способ добычи нефти (1937 г.);
- Заготовлено 854 тыс. куб. м строевого и крепежного леса (для нужд комбината);
- Построено 408 плавучих единиц с общей грузоподъемностью в 16,069 т;
- Построено грунтовых дорог – 511 км;
- Открыто Седельское газовое месторождение (1935 г.);
- Разработан полный цикл переработки радиоактивной воды до получения конечного продукта – радия;
- Добыто радия – 19,453 грамм;
- Построена узкоколейная железная дорога от пристани на р.Усе до станции Воркута протяженностью 65,028 км;
- Проложена воздушная трасса на Воркуту;
- Построена железная дорога Усть-Вымь–Чибыю протяженностью 262 км;
- Организованы шесть сельхозов; созданы опытные участки для получения морозоустойчивых культур.

Кроме того, организованы и частично введены в эксплуатацию четыре промысла, два угольных и асфальтовый рудники. Обустраивались поселки, проводились дороги, заготавлился лес. Были организованы совхозы, работали школы ликбеза и малограмотных.

Лагерные владения простирались от Белого моря до Обдорска (Салехард) на нижней Оби, от Котласа до арктических островов: экспедиции Ухтпечлага работали на Колгуеве и Новой земле.

Таким образом, Ухтпечлагом были выполнены важные производственные задачи, которые предписывались правительством СССР. Заключенными были заложены основы для развития таких отраслей промышленности как угольная, нефтяная, газовая, химическая. Пере-

численные производства были абсолютно новыми в Коми АССР, так как до начала деятельности лагеря на данной территории горнодобывающая промышленность не была представлена.

Хозяйственная деятельность Ухтпечлага положила начало превращению Коми АССР в важнейшую сырьевую базу европейского Севера СССР.

С середины 1931 г. в ведение ГУЛАГа были переданы все спецпереселенцы (в последующем – и приравненные к ним категории). Таким образом, в 1934 г. развитие ГУЛАГа привело к тому, что заданная постановлением 1929 г. логика разделения всех мест заключения на две независимые подсистемы (лагеря и колонии), была кардинально нарушена. Непродуманная принудительная миграция, т.е. спецпереселение, сопровождавшаяся преступно пренебрежительным отношением к организации процесса, приведшая к высокому уровню смертности среди спецпереселенцев не позволила решить задачу всеобщей колонизации края силами кулацкой ссылки.

Вместе с тем уже в 1932 г. была очевидна невозможность комплексного освоения территории силами одного лагеря. Тем не менее, в I половине 1930-х гг. хозяйственная деятельность Ухтпечлага была подчинена выполнению постановления 1929 г.

Но с середины 1937 г. система мест заключения оказалась в новых условиях. Власть развязала массовый террор в самых жестких формах. В места заключения хлынул невиданный поток. За 9 месяцев (с 1 июля 1937 г. по 1 апреля 1938 г.) число заключенных в ГУЛАГе увеличилось более чем на 800 тыс., превысив два миллиона. Во второй половине 1937 г. и в 1938 г. для руководства страны важнейшей стала карательная функция мест заключения, куда теперь «сбрасывали» избежавших расстрела. Для самого же ГУЛАГа главными проблемами стали прием, размещение, организация охраны и создание хотя бы видимости трудового использования этого гигантского потока людей.

Однако несмотря на значительные хозяйственные успехи, во второй половине 1930-х гг. значительно ухудшилось экономическое и финансовое состояние Ухтпечлага. Падала добыча полезных ископаемых, не выполнялись планы строительства, росла убыточность производства. По данным Н.А.Морозова, убытки от деятельности лагеря составили 28 млн. руб. Невыполнение планов так же было обусловлено нерациональным использованием рабочей силы, отсутствием орудий труда, нормального жилья, еды, медобслуживания, а также нарушением правил организации производств на севере. Разведка и добыча полезных ископаемых, строительство начиналось без должных научных исследований, без учета почвенных (вечная мерзлота) и климатических условий.

Ухтпечлаг, разросшийся к 1938 г. до невероятных размеров (численность заключенных к 1938 г. составляла уже 54,8 тыс. чел.), стал неуправляем. Хозяйственная система лагеря стала давать сбой.

Реорганизация лагерной системы

Учитывая опыт Ухтпечлага, можно утверждать, что форма организации лагеря, ориентированная на комплексное освоение крупных малообжитых территорий в духе постановления 1929 г. оказались нежизнеспособными. На смену ему начали приходить достаточно компактные лагеря, имевшие более или менее четкую производственную специализацию, задействованные, как правило, на одном или нескольких связанных между собой объектах.

Решение о реорганизации многопрофильного Ухто-Печорского ИТЛ было принято 10 мая 1938 г. Согласно приказу наркома Внутренних дел Н.И.Ежова, Ухтпечлаг был реорганизован в четыре самостоятельных лагеря с непосредственным подчинением ГУЛАГу: 1. Воркуто-Печорский с центром в Воркуте, специализировавшийся на шахтостроении и добыче угля; 2. Ухто-Ижемский ИТЛ с центром в Чибью (добыча нефти и радия); 3. Северный железнодорожный ИТЛ с центром в Княжпогосте (строительство железной дороги Котлас–Воркута); 4. Усть-Вымский ИТЛ с центром в Усть-Выми (лесозаготовки).

С весны 1938 г. в ГУЛАГе появляются специализированные производственные управления: Управление лесной промышленности, 1-й отдел железнодорожного строительства, Отдел гидротехнического строительства, Отдел морского строительства. Все эти реорганизации свидетельствовали о кризисе в 1938–1940 гг. всей лагерной хозяйственной системы. Вероятно, что первоисточником кризиса стал рост потока осужденных в 1937–1938 гг.

Кризис развивался на фоне предвоенной милитаризации экономики СССР, когда требовалось форсированное развитие новых отраслей и наращивание мощностей в недостаточно развитых отраслях. В связи с этим в 1940 г. начинается реорганизация ГУЛАГа в рамках НКВД с выделением из него всех производственных главков в прямое подчинение наркомата. Причем поиск оптимальной модели подчинения того или иного лагеря сопровождался огромными организационными расходами. Достаточно сказать, что только Воркутлаг с 1938 по 1954 г. менял подчинение 7 раз (табл. 2) и каждый раз комиссия проводила ревизию лагеря и составляла акт приема-передачи.

Таблица 2

Подчинение лагерей в Коми АССР

Лагерь	Дата	Подчинение
Ухтижемлаг	С 10 мая 1938 г.	ГУЛАГу
	С 26 февраля 1941 г.	УТП (Управление топливной промышленности НКВД СССР)
	Со 2 июля 1941 г.	ГУЛГМП (Главному управлению лагерей Горно-металлургической промышленности НКВД СССР)
	С 24 октября 1941 г.	ГУЛЖДС (Главное управление лагерей железнодорожного строительства НКВД СССР)
	С 5 октября 1943 г.	ГУЛГМП
	Со 2 апреля 1953 г.	ГУЛАГ Министерства Юстиции
	С 28 января 1954 г.	ГУЛАГ МВД СССР
Воркутлаг	10 мая 1938 г.	ГУЛАГ
	26 февраля 1941 г.	УТП
	2 июля 1941 г.	ГУЛГМП
	24 октября 1941 г.	ГУЛЖДС
	5 октября 1943 г.	ГУЛГМП
	2 апреля 1953 г.	ГУЛАГ МЮ
	28 января 1954 г.	ГУЛАГ МВД
	7 октября 1955 г.	МВД Коми АССР
	31 января 1957 г.	ГУИТК МВД СССР
	1 декабря 1957 г.	МВД РСФСР
СевжелДОРЛАГ	10 мая 1938 г.	ГУЛАГ
	4 января 1940 г.	ГУЛЖДС
	28 апреля 1947 г.	Северное управление лагерей ЖДС
	6 мая 1948 г.	ГУЛЖДС
Усть- Вымлаг	16 августа 1937 г.	ГУЛАГ
	26 февраля 1941 г.	УЛЛП (упр.лаг.лесн.пром.)
	4 марта 1947 г.	ГУЛЛП
	2 апреля 1953 г.	ГУЛАГ МЮ
	28 января 1954 г.	ГУЛАГ МВД
	2 августа 1954 г.	ГУЛЛП
	7 октября 1955 г.	МВД Коми АССР
	31 июля 1957 г.	ГУИТК МВД СССР
	1 декабря 1957 г.	МВД РСФСР
	5 февраля 1958 г.	ГСЛ МВД РСФСР

Территория, на которой вел свою хозяйственную деятельность Ухто-Ижемлаг, занимала около 50 тыс. кв. км. Площадь огромна, если сравнить, что территория Коми АССР равнялась 415 тыс. кв. км.

Прошедшая реорганизация лагерей, связанные с ней трудности, негативно сказались на выполнении плановых заданий. Производственные показатели свидетельствуют о том, что хозяйственную деятельность Ухто-Ижемского ИТЛ в 1938 г. нельзя назвать успешной. Так, план по добыче нефти был выполнен на 98%; план разведочного бурения – на 84%. Капиталовложения были освоены только на 65,9%.

Соотношение численности заключенных и вольнонаемных в конце 1930-х гг. существенно не изменилось. Так, по сведениям Н.А.Морозова, в Воркутлаге в 1938 г. насчитывалось 15141 заключенных и 1367 вольнонаемных. То есть в процентном выражении количество примененных на производстве вольнонаемных примерно составляло 10%. Большинство входящих в эти 10% были бывшие заключенные, которых освобождали за «производственные успехи». Такая же картина наблюдалась и в других лагерях Коми АССР в этот период времени. Таким образом, несмотря на то, что первый опыт (Ухтпечлаг) применения труда заключенных оказался неудачным (28 млн. руб. убытков), руководство по-прежнему делало ставку на развитие промышленности заключенными.

Роль лагерной системы ГУЛАГа в освоении природных ресурсов Коми АССР в годы Великой Отечественной войны

Территория Коми в планах советского руководства

К началу 1940-х гг. ГУЛАГ превратился в огромный хозяйственный механизм, который строил, добывал, производил, выращивал, конструировал и т.д. В 1940 г. на долю НКВД приходилось 11% всех капитальных вложений Советского союза. Развитие топливной промышленности занимало особое место в планах развития народного хозяйства СССР. В этом не оставляет сомнений обращение к третьему пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.), тезисы которого были изложены В.М.Молотовым на XVIII съезде ВКП(б). План третьей пятилетки предусматривал рост промышленности на 88%. Новый план, по существу, был подчинен одной задаче – делу обороны страны.

Руководство страны придавало большое значение природным ресурсам Коми АССР. Уже в преддверии войны стало понятно, что богатства республики могут играть стратегическую роль в предстоящей военной схватке. В 1940 г. выходит несколько важнейших постанов-

лений партии и правительства, дающих директивы по промышленному освоению природных богатств республики. Среди них: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О строительстве Северо-Печорской железнодорожной магистрали и о развитии добычи Воркуто-Печорских углей» от 9 мая 1940 г.; Постановление СНК «О развитии добычи Воркуто-Печорских углей» от 10 мая 1940 г.

В 1940 г. выходит постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии Ухтинского нефтяного месторождения», по которому предполагалось быстрее развитие нефтедобычи в Ухто-Печорском нефтяном районе и создание на европейском Севере Советского Союза новой нефтяной базы. Экономическое значение данной базы заключалось в том, что добыча и переработка нефти приближались к основным пунктам потребления, освобождались железнодорожные и водные пути от ввоза большого количества нефтяных продуктов в Северную область.

В предвоенный период начинается интенсивное техническое оснащение ГУЛАГовских строек и предприятий. По данным историка А.Н.Кустышева, начиная с лета 1940 г. серьезно улучшилось финансирование Ухтижемлага. Объем капиталовложений увеличился на 35 млн. руб. за счет перераспределения лимитов НКВД. На лагерь возлагалось проведение геологоразведочных работ на нефть в Ухтинском, Верхне-ижемском, Печорском, Вымском нефтяных районах и проведение эксплуатационного бурения в 1940 г. – 40,8 тыс. м, в 1941 г. – 172,3 тыс. м.

Одновременно с добычей нефти Ухтижемлаг с конца 1940 г. вел работы по добыче и переработке природного горного углеводородного газа. Тогда же на газовых месторождениях было пробурено несколько скважин, и встал вопрос о практическом использовании газа для нужд страны. В декабре 1940 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли специальное решение об использовании газа для производства сажи. Оно и послужило отправной точкой для строительства большого газового промысла.

В конце января 1941 г. приказом по Ухтижемстрою «О строительстве сажевых заводов, газопровода и газового промысла в районе Крутой» в системе Ухтижемлага было организовано управление по строительству сажевых заводов, газопровода Крутая-Ухта, газового промысла на Крутой. Газострой организовывался на правах треста. Возникновение Газостроя определялось следующими задачами: 1) построить и освоить в течение двух лет 10 сажевых заводов; 2) построить газосборное кольцо с магистралью газопровода до сажевых заводов; 3) довести промышленные запасы газа до 12000 млн. куб. м (разведочное бурение) и развернуть буровые работы.

Так же предполагалось увеличить добычу угля. В 1940 г. были заложены 11 новых шахт: № 2, № 3, № 4, № 9 с узкоколейной подъездной дорогой протяженностью 7 км, № 5, № 6, № 8 на Воркуте; шахт № 1, № 2, № 3 в Инте; шахт № 2 и № 3 в Еджид Кырте.

Конкретные пути выполнения постановлений определялись приказами НКВД. Накануне войны только в 1940–1941 гг. вышло более десятка приказов НКВД СССР, касающихся непосредственно деятельности исправительно-трудовых лагерей, расположенных на территории республики. Среди них:

- Приказ № 083 от 28.02.1940 **«Об установлении должностных окладов работников Ухтижемлага»;**
- Приказ № 0192 от 14.05.1940 **«О направлении з/к на строительство Печорской железной дороги и в Воркутстрой»;**
- Приказ № 01.93 от 14.05.1940 **«О развитии добычи Воркуто-Печорских углей»;**
- Приказ № 0196 от 17.05.1940 **«О формировании сводного отряда конвойных войск для охраны военнопленных на строительстве Северо-Печорской железной дороги»;**
- Приказ № 0225 от 04.06.1940 **«О возложении наблюдения за работой Северо-Печорской железной дороги и Воркутстроя на зам. начальника ГУЛАГа Френкеля»;**
- Приказ № 0300 от 20.07.1940 **«О развитии нефтедобычи на Ухте»;**
- Приказ № 0337 от 09.08.1940 **«О тарифных перечнях окладов работников Воркутстроя»;**
- Приказ № 0352 от 17.08.1940 **«О ликвидации Локчимского УИТЛ и присоединения его хозяйства Усть-Вымлагу»;**
- Приказ № 241с от 05.10.1940 **«О нарушениях при отправке з/к на строительство Северо-Печорской железной дороги»;**
- Приказ № 0547 от 24.12.1940 **«Об организации зимних перевозок для Воркутстроя и Печорлага»;**
- Приказ № 001666 от 25.12.1940 **«О проверке Печорского Железнодорожного лагеря»;**
- Приказ № 00275 от 12.03.1941 **«О строительстве порта и судостроительного завода в Хабарово (Югорский шар);**
- Приказ № 00276 от 12.03.1941 **«О строительстве железнодорожной линии Воркута-Хабарово»;**
- Приказ № 00277 от 12.03.1941 **«О строительстве железнодорожной линии Коноша-Кожва».**

Внимание к природным ресурсам нашего края особенно усилилось с началом Великой Отечественной войны. Начавшаяся Великая война заставила пересмотреть планы разведки, добычи полезных ископаемых

и сроки запуска шахт. Развитие добывающей промышленности Коми АССР в годы войны приобрело важное стратегическое значение: во-первых, СССР потерял территорию угольного Донбасса, во-вторых, нефтепродукты необходимы были для авиации, танков, машин.

Все предприятия перестраивались на военный лад, лагеря тоже не были исключением. Повсеместно увеличивается продолжительность рабочего дня, отменяются выходные, сокращается пищевое довольствие. Добывающая промышленность Коми АССР стала получать от Государственного Комитета Оборона военные заказы. В 1941 г. республика должна была дать также 100 тыс. тонн нефти, а в 1942 г. – 200 тыс. тонн.

Увеличение добычи полезных ископаемых шло по всем направлениям. Этому способствовали постановления СНК СССР. 12 февраля 1942 г. СНК СССР издает постановление **«О развитии добычи Воркутинских углей и о мероприятиях по обеспечению их вывозки»**, которым была поставлена задача увеличить объем годовой добычи в 2,5 раза (до 750 тыс. т) и объем вывоза в семь раз – до 700 тыс. т. Многие последующие приказы НКВД были нацелены на выполнение этого постановления СНК. Приказы НКВД, вышедшие в годы войны, давали директивы по самым разным направлениям хозяйственной деятельности лагерей и трудового использования контингента:

- Приказ №00331 от 17.02.1942 **«О развитии добычи Воркутинских углей»**;
- Приказ №019 от 19.01.1943 **«О мероприятиях по развитию Ухто-Ижемского района в 1943 году»** ;
- Приказ № 0136 от 12.04.1943 **«О мероприятиях по Ухтижемлагу»**;
- Приказ № 00996 от 16.06.1943 **«О трудовом использовании спецконтингента при Воркутстрое НКВД»**;
- Приказ № 0335с-640ц от 19 августа 1943 года **«О выполнении первоочередных работ по достройке железнодорожной линии Коноша–Котлас–Кожва Северо-Печорской железной дороги»** (Совместно с НКПС);
- Приказ № 0354 от 03.09.1943 **« О мероприятиях по увеличению выработки саж на Ухтинском комбинате»**;
- Приказ № 548с от 26.11.1943 **«О направлении каторжан в Воркутлаг и Карлаг»**;
- Приказ № 0461 от 30.12.1943 **«О мероприятиях по улучшению работы железнодорожного транспорта ГУЛЖДС НКВД СССР»**;
- Приказ № 90сс от 08.03.1944 **«Об отправке каторжан в Воркуту»**;
- Приказ № 97с от 14.03.1944 **«Об отправке каторжан в Печорлаг»**;
- Приказ № 0454 от 22.12 .1943 **«Об улучшении деятельности Воркутстроя»**;

- Приказ № 0460 от 30.12.1943 «О развитии угледобычи по Интастрой»;
- Приказ № 035 от 29.02.1944 «О плохой работе по организации погрузочно-разгрузочной работы в северных лагерях»;
- Приказ №00782 от 07.07.1944 «О введении в штат Воркутпечлага должности зам.начальника ИТЛ по каторжным работам»;

С началом войны на Север двинулись эшелоны с оборудованием, эвакуированным из Донбасса. В Воркуту и Инту были направлены более 100 инженерно-технических работников, квалифицированных специалистов, шахтеров.

К началу войны число заключенных в лагерях и колониях составляло 2,35 млн. чел. Война изменила состав заключенных. Доля осужденных за контрреволюционные преступления увеличилась с 27% в 1941 г. до 43% в 1944 г. В лагерях страны резко возросло количество заключенных женщин: в 1941 г. их было 7% от общей численности, к лету 1944 г. стало 26%. На 1 июля 1944 г. в составе ГУЛАГа насчитывалось 56 лагерей, подчиненных непосредственно центру, и 69 региональных управлений и отделов исправительно-трудовых лагерей и колоний. Эти лагерные комплексы включали в себя 910 отдельных лагерных подразделений и 424 колонии.

Таблица 3

Численность исправительно-трудовых лагерей на территории
Коми АССР в годы Великой Отечественной войны

Лагерь Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946
Локчимский ИТЛ	17.08- закрыт 01.01. 22585	01.01. 10269					
Усть-Вымский ИТЛ	01.01. 10928	01.01. 14056 01.07. 24183	01.01. 21953	01.01. 21953	01.01. 13615	01.01. 15338	01.01. 12357
Ухто- Ижемский ИТЛ	01.01. 19493	01.01. 23214 01.07. 39087	01.01. 22827	01.01. 22827	01.01. 15304	01.01. 12896	01.01. 11014
Воркутинский ИТЛ	01.01. 16509	01.01. 19080 01.07. 27393	01.01. 28588	01.01. 27793	01.01. 25333	01.01. 39711	01.01. 52195

Окончание табл. 3

Лагеря Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946
Северный Железнодорожный ИТЛ	01.01. 26310	01.01. 84893 01.07. 66926	01.01. 53344	01.01. 29741	01. 23019	01. 12418	01.01. 13546
Северо- Печорский ИТЛ	14.05- открыт 01.07. 3851	01.01. 34959 15.06. 91664	01.01. 102354	01.01. 58825	01. 23019	01. 33598	01.01. 34826
Верхне- Ижемский ИТЛ		17.11.- открыт	17.07- закрыт				
Интинский ИТЛ		17.11- открыт		01.01. 6502	01.01. 7536	01.01. 9268	01.01. 14885
Заполярный ИТЛ		23.03.- открыт 01.12. 999	01.01. 995	25.01.- закрыт 01.03. 571			
Щугорский ИТЛ						15.09.- открыт	13.12.- закрыт 01.01. 2286 01.12. 4491

Численность лагерей за годы войны даже уменьшилась примерно на треть. Вместе с тем, по сравнению с довоенным временем, на лагерных предприятиях вырос удельный вес вольнонаемных. Лагерные центры превращались в города и поселки. Рядом с бараками строилось жилье для гражданского населения. Для работы на шахтах и заводах в геолого-разведку и научно-исследовательские лаборатории направлялись не только заключенные специалисты, но и гражданские. Кроме того, освободившиеся из мест заключения, как правило, оставались работать на том же предприятии, так как определенное время они не имели право менять место жительства. Но числились они на предприятии уже вольнонаемными.

Таблица 4

Численность заключенных и вольнонаемных в лагерях Коми АССР
в годы Великой Отечественной войны

ИТЛ	Год	Заключенные	Вольнонаемные	Процент вольнонаемных
Ухтижемлаг	1945	11084	8198	73,9%
Воркутлаг	1944	25325	7651	30,2%
Инталаг	1944	15000	2500	16,6%

Данные взяты из книги: Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае 1929–1956 гг. – Сыктывкар, 1997. – С. 41, 53, 76.

В разгар войны, после выхода апрельского указа 1943 г., вводившего в качестве меры наказания каторжные работы, НКВД приступил к организации каторжных лагерных отделений. Первые такие отделения были созданы в Воркутинском и Северо-восточном лагерях.

Увеличение численности вольнонаемных влекло за собой появление ряда проблем, в частности, злоупотребление вольнонаемных своим гражданским состоянием и бесправностью заключенных. В Воркутлаге, например, более низкий процент выполнения норм выработки заключенными являлся прямым следствием увеличения количества вольнонаемных, работающих в бригадах со смешанным контингентом. Так, в 1945 г. на эксплуатационных шахтах комбината стала применяться система комплексных норм выработки. По этой системе объем выполненных работ поровну распределялся между всеми рабочими, входящими в состав комплексной бригады. «Многократными проверками было установлено, что заключенным записывались только такие работы, которые были необходимы и достаточны для получения ими дифференцированного питания, а излишек выработанных ими объектов записывался за счет рабочих вольнотарифников, что приводило к неправильному раздуванию получаемой ими заработной платы» (Из отчета комиссии). Несомненно, что такие злоупотребления приводили к уменьшению и без того скудного питания заключенных. За отчетный 1945 год по Воркутлагу физическое состояние контингента характеризовали как «мало удовлетворительное». Увеличивается число работающих людей, которым определяют более низкие нормы выработки. Это происходит в связи «с ухудшением состава контингента по физическому состоянию». В процентном отношении категория заключенных, работающих на легком физическом труде, в этот период времени составляла 23% от всего состава.

Такое положение не могло не беспокоить начальство лагерей. Но отнюдь не из гуманистических побуждений они начали беспокоиться

о заключенных. Относительное улучшение быта заключенных было вызвано необходимостью выполнения планов военных заказов.

Изменения условий содержания заключенных четко прослеживаются по документации «Воркутауголь». Так, в лагерных поселках значительно увеличилось число бараков, жилой площади и обеспеченности ею в расчете на одного человека.

Таблица 5

Изменение условий содержания заключенных в Воркутлаге

Наименование	1944 г.	1945 г.
Бараки, шт.	8	59
Жилая площадь, кв. м.	668	6020
Лечебная площадь, кв. м	50	822
Стационары, шт.	1	10
Обеспеченность на 1 чел., кв. м	0,8	2,1

Увеличение жилой площади, несомненно, связано и с увеличением количества вольнонаемных. Кроме того, пос. Воркута в 1943 г. получил статус города. Вместе с тем, улучшились условия заключенных весьма относительно: на одного человека стало приходиться 2,1 кв. м жилой площади!

Деятельность репрессированных ученых

Освоение природных ресурсов Коми АССР в годы войны неразрывно связано с деятельностью репрессированных ученых. В лагерях, размещавшихся на территории Коми АССР, был собран цвет научной интеллигенции. В Ухте действовала созданная еще в 1930-е гг. Центральная научно-исследовательская лаборатория, где был собран цвет репрессированной интеллигенции (далее ЦНИЛ). Лаборатория находилась в составе Ухтокомбината. В ее обязанности входило усиление научно-исследовательских работ и научно-технического обобщения данных, добытых в процессе полевых работ, бурения и эксплуатации, а также разработка ряда практических вопросов по нефтеотдаче пластов, по химическим свойствам битумов и других не менее важных аспектов промышленной разработки полезных ископаемых. Один из начальников научно-исследовательской лаборатории, Кузнецов, так отзывался о научной деятельности в лагере в отчетном послании: **«Работа эта будет, несомненно, иметь большое значение, как в разрезе развития промышленности Коми АССР, так и в общегосударственном масштабе»**. На 1942 г. приходились успехи в разработке и освоении шахтного способа добычи нефти. Большой вклад в это дело внесли ученые и инженеры А.Я.Кремс, П.З.Звягин, А.Е.Некрасов, Б.Г.Константинов и др. На Яреге

продолжалось строительство первой нефтешахты проектной мощностью 125 тыс. т добычи в год, в 1942 г. была заложена вторая нефтешахта, в 1943 г. – третья.

Благодаря деятельности ученых были также получены высококачественные незамерзающие масла, ценные лаковые битумы, чрезвычайно дефицитные для промышленности, а также асфальт и многое другое.

В связи с особенностями региона научные изыскания носили прикладной характер. Основная деятельность репрессированных ученых была направлена на разработку практических вопросов, возникших в процессе освоения полезных ископаемых в условиях Крайнего Севера и технической отсталости региона. Ученым на месте приходилось решать сложнейшие задачи в процессе добычи и переработки полезных ископаемых. Ставились вопросы о внедрении в эксплуатацию технических новинок, созданных тут же, за колючей проволокой.

В Заполярье действовала Воркутинская Научно-исследовательская мерзлотная станция (ВНИМС) под Воркутой, где с 1943 по 1951 г. работал один из энтузиастов геофизических методов исследования вечной мерзлоты Александр Васильевич Голубев. Вместе с Василием Васильевичем Паладько он разработал аппаратуру для автоматических температурных измерений в грунтах и оборудовал опытные площадки. В 1944–1945 гг. работал во ВНИМС и Иван Васильевич Бойко, где изучал фазовый состав мерзлых грунтов и его зависимость от различных факторов природного и технологического воздействия. Проблемами вечной мерзлоты воркутинские геокриологи занимались в тесном контакте с другими специалистами – геологами, химиками, горными инженерами и строителями. В результате их объединенных усилий в Воркуте в чрезвычайно сжатые сроки были построены шахты № 1, № 2, № 3, № 4, № 9, № 10, № 11, заводы, ТЭЦ, город и поселки.

Существовал целый ряд лабораторий при шахтах и заводах, где именно репрессированные ученые составляли основной состав химиков, геологов, инженеров, технологов и лаборантов. Несмотря ни на что, такая организация научной деятельности давала свои положительные результаты. Несмотря на такой подход, научные исследования носили профессиональный характер. Огромный вклад в развитие и решение теоретических вопросов внесли такие ученые, как К.Г.Войновский-Кригер (кандидат геолого-минералогических наук, начальник научно-исследовательского объединения), Б.Н.Артемьев (действительный член НИИ по рудной геологии), И.К.Траубенберг (магистр технологии, профессор политехнического института, кафедра технологии органических веществ), М.И.Мучник (ст. инженер теплоизмерительных прибо-

ров, научный сотрудник НИИ), В.С.Петровский (кандидат технических наук), Г.А.Иванов (кандидат геолого-минералогических наук, ст. геолог), Г.П.Софронов (начальник полевых партий) и др. Силами репрессированных ученых выпускался научно-технический журнал, определенная информация о их научной деятельности просачивалась в центральную печать. Часто обращались заключенные специалисты за помощью в Академию наук по вопросам геологии и гидрологии. Отмечалось и общение со специалистами других лагерей по научным проблемам, связанным с особенностями освоения региона. Так, например, между Воркутинской научно-исследовательской мерзлотной станцией и Игарской станцией (центральной лабораторией) были заключены договоры о совместной геофизической экспедиции, целью которой было решение конкретных практических задач на научной основе. И это всё в условиях оторванности от научного мира. Хотя стоит отметить, что заключенные ученые широко пользовались работами А.А.Чернова и некоторой научной литературой. Отмечались случаи защиты диссертаций за пределами лагеря, с последующим возвращением обратно, за колючую проволоку. Со стороны ВНИМС часто шли предложения о необходимости и целесообразности координации научно-исследовательских работ между соответствующими отделами комбината «Воркутауголь» и ВНИМС. А также о том, что итоги работ по каждой теме должны быть переданы комбинату «Воркутауголь» для практического применения.

Добыча радия

С конца 1930-х гг. Ухта была основным добытчиком и поставщиком **радия** в СССР. Общая площадь месторождения радиеносных вод на Ухте, разведанного буровыми скважинами, составила на конец 1940 г. около 2500 кв. км. В области технологии к 1944 г. выход радия из воды был равен приблизительно 97%, а при переработке концентратов – до 95%. Всего за время существования Водного промысла при полном отсутствии техники безопасности, практически голыми руками заключенных было выделено около 230 грамм радия. В годы войны добыча радия увеличилась. Радий был необходим для научно-исследовательских работ, его применяли при лечении тяжелых ран, изготовлении светящихся красок, использующихся в авиационных приборах, в компасах, наконец, его продажа была одним из источников валютных поступлений в бюджет страны.

Первую постоянно действующую химическую лабораторию на Водном промысле организовал И.И.Гинзбург. Профессор Иван Яковлевич Башилов, создавший в 1930-е гг. первый в стране радиевый завод

в Средней Азии, руководил воднинским заводом в начале 1940-х гг. При нем впервые был выполнен план по производству радия. За последующую работу по очистке платины он был удостоен Сталинской премии.

С 1942 г. химиком и начальником производства концентратов на Водном радиевом промысле являлся Григорий Алексеевич Разуваев, крупнейший химик-органик страны, академик. Он предложил нововведение, которое позволяло улавливать до 97% радия.

Уезжая Г.А.Разуваев рекомендует на должность начальника производства концентратов на Радиевом промысле репрессированного химика-органика Дмитрия Васильевича Прялухина, который принимал активное участие в работе по проектированию нового цеха кристаллизации. Геохимик, доктор геолого-минералогических наук, который был арестован в 1928 г. и осужден на 10 лет лагерей. Он же предложил такую технологию извлечения радия, которая позволила качественно улучшить производство.

Более 20 лет главным технологом радиевого завода являлся Федор Александрович Торопов, выдающийся специалист по прикладной химии и радиохимии. Выпускник Бернского университета (Швейцария) работал в Германии, там выпустил учебник. В 1929 г. осужден на 10 лет лагерей. Им была разработана совершенно уникальная технология извлечения радия из минеральных вод, приспособленная под особенности ухтинских вод, причем, в условиях технической малообеспеченности.

И это лишь немногие имена наиболее выдающихся ученых-химиков, которые будучи в заключении не оставили своих научных интересов и продолжили изыскания за колючей проволокой. Они работали без должной охраны труда и здоровья, лишь с незначительными преимуществами в жилье и питании. Их гражданская позиция не позволила остаться безучастными в деле становления и развития такой необходимой и стратегической для обороны государства отрасли, как радиевая.

Строительство Северо-Печорской железной дороги

28 октября 1937 г. СНК СССР и ЦК ВПК(б) приняли постановление о строительстве железной дороги Котлас–Княжпогост–Ухта–Кожва–Воркута протяженностью 1200 км. Ее основная часть, известная как Северо-Печорская железная дорога (СПЖД), проходила по территории Коми АССР. Целесообразность строительства железной дороги Воркута–Усть-Уса отпала.

Строительством Северо-Печорской железнодорожной магистрали занимались два лагеря: Северный железнодорожный лагерь (Севжелдорлаг) и Северо-Печорский железнодорожный лагерь (Печжелдорлаг).

Севжелдорлаг занимался строительством железной дороги Котлас-Воркута протяженностью 1193 км (728 км от Котласа до Кожвы и 465 км от Кожвы до Воркуты). Для этого были сконцентрированы около 30000 заключенных. В 1939 г. по плану намечалось сдать в эксплуатацию 310 км трассы, а сдали почти 268 км. Причина невыполнения заключалась в трудно проходимой местности (тайга, тундра), плохом обеспечении техникой, продовольствием и отвратительными условиями проживания заключенных. К 7 ноября 1939 г. открылось временное движение по участку Айкино—Чибыю.

С 1938 по 1940 г. лагерь занимался строительством железной дороги Котлас—Воркута, а с 14 мая 1940 г. — участка Котлас—Усть-Кожва протяженностью 728 км.

7 ноября 1940 г. открылось движение поездов на участке от Котласа до Княжпогоста. В мае 1941 г. отдел железнодорожного транспорта лагеря располагал 23 паровозами. Важнейшей проблемой строительства было возведение титульных мостов через реки Вычегда, Виледь, Печора, Вымь. К маю 1941 г. эта проблема была в основном решена.

67000 заключенных Севжелдорлага (20000 заключенных во II квартале 1941 г. были переброшены в другие лагеря) стали доделывать построенную трассу от Котласа до Кожвы. Дальше строительством занимался Северо-Печорский железнодорожный лагерь от Кожвы до Воркуты протяженностью 465 км. Среднесписочный состав заключенных Северо-Печорского железнодорожного лагеря на 1940 г. составлял 34956 тыс. чел.

По плану строительства 1940 г. намечалось к декабрю открыть рабочее движение поездов к северу от Кожвы на расстояние 59 км и к северу от Абези — на 60 км. Завершить сооружение магистрали намечалось в 1945 г. Но с началом Великой Отечественной войны в результате героических усилий строителей магистраль вступила в строй в декабре 1941 г. Из-за ускоренных темпов строительства нарушались технические правила прокладки железной дороги. На один километр пути вместо 1600 по норме укладывали по 900-700 шпал — кое-где прямо на вечную мерзлоту или на слой торфа, прикрывавший ее. Но несмотря на это 28 декабря 1941 г. на станцию Воркута пришел первый поезд. Через несколько часов этот состав, груженный углем, отправился в обратную дорогу — в блокадный Ленинград.

Хозяйственная деятельность лагерей по освоению природных ресурсов республики была сопряжена с серьезными трудностями, обусловленными нехваткой материалов, оборудования, отсутствием дорог и транспортных средств. В приложении приведен текст одного

из первых военных приказов НКВД по Коми АССР, дававших конкретные пути выполнения одноименного Постановления СНК.

В обеспечении добычи воркутинского угля и его вывозки участвовало множество наркоматов и ведомств. Казалось, вся страна должна напрячься, чтобы во время построить Северо-Печорскую железнодорожную магистраль и выполнить Постановление СНК. Мобилизационная экономика страны управлялась приказами силовых структур. И в тот конкретный исторический момент такая схема давала ожидаемый результат.

Строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали было одним из самых героических и трагических достижений лагерной деятельности. До постройки Котласского мостостроительного завода железнодорожное строительство испытывало острую нехватку металлоконструкций для строительства мостов. Самым длинным был мост через р. Печора – протяженность 717 м. Строительные работы задерживались из-за отсутствия ферм (мостовых пролетов). Несмотря на то, что для строительства железнодорожных мостов в соответствии с выше приведенным приказом НКВД предписывалось «Принять от НКПС и демонтировать к 1 апреля с.г. одно мостовое пролетное строение в 87,6 метра через канал Москва–Волга близ станции Хлебниково и к 15 апреля железнодорожную ферму пролетом 129 метров через реку Шексна», и еще одну конструкцию со строящегося Дворца Советов – мостовых пролетов не хватало. Поэтому было принято решение начать сборку деревянных ферм Гау, чертежи которых были изготовлены на месте.

В апреле 1942 г. все работы по строительству моста по временному варианту были закончены. После испытаний каждой фермы по мосту началось движение поездов, скорость которых была ограничена. Как свидетельствует Г.А.Семин, «...в начале 1943 года деревянные фермы стали трещать, и при проходе поезда приходилось сидеть под проезжей частью и определять место деформации. А топограф после прохода поезда измерял провис фермы. Поврежденные детали заменяли и укрепляли стяжками. В зиму 1943/44 годов на нескольких стальных фермах обнаружили трещины на северных швах. Приехал главный инженер Котласского мостозавода профессор Волон и дал рекомендации по укреплению узлов».

Но дорога была построена. Первые эшелоны топлива были отправлены Ленинграду, который был в кольце блокады. В августе 1943 года было отправлено Ленинграду десять сверхплановых эшелонов топлива. Из всего твердого топлива, полученного Ленинградом в этот блокадный год, 72% было отправлено из Воркуты. Также в 1943 г. Ленинграду было отправлено два эшелона нефти, добытой сверх плана.

В ноябре – декабре 1944 г. силами лагеря началось строительство железной дороги Воркута–Хальмер-ю протяженностью 62,5 км. В 1945 г. дорога была построена и вступила в эксплуатацию.

Железные дороги республики сооружались в основном силами заключенных. Архивные данные позволяют нам выяснить соотношение количества заключенных и вольнонаемных, задействованных в железнодорожном строительстве в 1945 г. по Печжелдорлагу и Севжелдорлагу.

Таблица 6

Количество заключенных и вольнонаемных
в Печжелдорлаге и Севжелдорлаге в 1945 г.

Лагерь	Заключенные	Вольнонаемные	Процент вольнонаемных	Бывшие заключенные в составе вольнонаемных
Печжелдорлаг	34826	14881	42	8646
Севжелдорлаг	13546	5402	39	2393

Из выше приведенной таблицы следует, что процент вольнонаемных в 1945 г. в рассматриваемых лагерях в среднем равнялся 40%, причем большее число вольнонаемных составляли бывшие заключенные, которых освободили в 1944–1945 гг. Освобождали, как правило, без права смены места жительства. Государство «закрепляло» кадры на севере.

Общеизвестно, что в годы войны произошло увеличение численности заключенных в лагерях за счет военных, попавших в немецкий плен, жителей оккупированных территорий в годы войны и репатриантов. В одном только Воркутлаге увеличение числа заключенных произошло примерно в два раза: 1944 г. – 26973 чел., 1947 г. – 60 тыс. чел. Все они были вовлечены в хозяйственную деятельность лагерей.

Всего за период с 1939 по 1945 г. этими лагерями, по данным историка Н.А.Морозова, было освоено 1 359 600 000 руб. Причем большая часть капиталовложений была освоена в годы войны.

Лагерная экономика

Несмотря на усилия правительства и руководства НКВД по развитию материально-технической базы лагерной экономики, большинство лагерно-производственных комплексов государственных заданий не выполняло. Но как показала практика, эти возможности использовались умело лишь в поставке рабочей силы. Что же касается ее рационального использования, планирования и снабжения, то здесь наблюдались постоянные просчеты.

При организации погрузочно-разгрузочных работ на железной дороге часто наблюдался простой вагонов. За 1943 год по Севдвинлагу,

Севжелдорлагу, Устьвымлагу, Ухтижемлагу, Печорлагу и Котласскому сельскохозяйственному лагерю ГУЛЖДС перепростой вагонов сверх нормы составил 283 984 вагоночаса, за что уплачен штраф в сумме 510775 руб. Кроме того, за этот период с этих же лагерей взыскано за перепростой вагонов, путем перечислений из банка еще 528106 руб.

По оценке НКВД, крайне неудовлетворительно в первой половине 1943 г. работал Ухтижемлаг. В первом квартале план по добыче нефти был выполнен на 71,2%, что ниже добычи IV квартала 1942 г. на 14%. Переработка нефти выполнена на 55,5%, производство сажи на 73%, т.е. ниже, чем в IV квартале 1942 г., на 23,2 %.

Среди прочих мер по улучшению работы Ухтижемлага предусматривалось «...увеличить объем капвложений», «...укомплектовать рабочей силой», «...передать из ресурсов НКВД 4 ходовых трактора», обеспечить контроль за расходом дефицитных материалов, в том числе «...провести сбор долотьев, бывших в употреблении и принять все меры к их восстановлению». В Воркутлаге для обеспечения производства шахтными канатами организовывали перемотку отработанных канатов.

Нехватка механизмов и материалов в военные годы была характерна для всего производства страны. Лагерным хозяйствам в Коми предписывалось сокращать потребление продукции, производимой ими самими. Особенно экономили жидкое топливо. В этой связи котельные Ухтижемлага в 1943 г. переводились на дрова. Рассматривался вопрос о переводе работы котельных на такой вид местного топлива, как сланцы.

Вместе с тем на лагерных производствах наблюдалось нерациональное использование даже того небольшого количества машин и механизмов, которые были в наличии. Так, в приказе НКВД № 0454 от 22 декабря 1943 г. «Об улучшении эксплуатационной деятельности Воркутстроя НКВД» указывалось, что перевод подземного транспорта на механическую откатку «запаздывает». Из имеющихся на Воркуте восьми электровозов в эксплуатацию до сих пор не введен ни один, и откатка угля производится конным транспортом или вручную.

Необходимость выполнения производственных заданий диктовала лагерному начальству использовать такие резервы как улучшение питания и снабжения непосредственного исполнителя – заключенного. Приказами НКВД предписывалось «... разрешить увеличение на 15% нормы питания заключенным, работающим на производстве сажи, радия и добыче нефти», «...отпускать 500 рабочим и ИТР Ухтокомбината, работающим по 11 часов в сутки вторые горячие обеды и 100г. хлеба в день без вырезки талонов продовольственных карточек».

В феврале 1942 г. было налажено производство канальной сажи на Верхне-Ижемском месторождении (первый сажевый завод пущен в феврале, второй – в мае, третий – в августе) и за годы войны произвели 15,5 тыс. тонн сажи.

В годы войны Ухтижемлаг являлся единственным поставщиком некоторых видов остродефицитного сырья. Так, когда в 1942 г. выбыл из строя Краснодарский лакокрасочный завод, на Ухтинском нефтеперерабатывающем заводе по заданию ГКО в короткий срок был построен цех по производству лаковых битумов. Была разработана новая технология производства битума с коротким производственным циклом. Этот битум широко использовался в авиационной, танковой, электротехнической и лакокрасочной промышленности. За годы войны выпустили 7000 тонн лакового битума.

В годы Отечественной войны важное военно-хозяйственное значение приобрел ижемский асфальтит – минерал с высокими погодостойчивыми свойствами. Он находил широкое применение, главным образом, при выработке высокоценных изоляционных лаков, для покрытия особо ответственных деталей боевых машин. В 1942 г. была проведена реконструкция Асфальтитового рудника, в результате которой добыча асфальтита резко возросла. Всего за годы войны было добыто 880 т асфальтита. Несмотря на серьезные трудности, за годы войны лагерная экономика произвела нефти, угля, газа и других полезных ископаемых в несколько раз больше, чем за предыдущий период существования лагерей (с 1931 по 1941 г.). В большой степени, благодаря усилиям заключенных, в годы войны добыча полезных ископаемых, которые представляли стратегическую важность в военное время, увеличилась в несколько раз. Таким образом, хозяйственная деятельность лагерей была важной составляющей победы над фашизмом.

Использование труда заключенных в лесной промышленности

В отличие от добывающей промышленности, которая возникла благодаря деятельности лагерей, лесная отрасль была традиционна для Коми АССР и на момент появления исправительно-трудовых лагерей на территории Коми имелось достаточно развитое лесное хозяйство.

Специфика Нечерноземья, в том числе и Северного края, заключалась в том, что здесь в существенно большей степени, чем в южных регионах СССР, сельские жители, помимо основной работы в сельском хозяйстве, трудились на заготовке и сплаве леса, на лесопильных заводах и других промышленных предприятиях сезонно, по вербовке и в порядке трудовой и гужевой повинности. Следует заметить, что власти прибегали к мобилизационным мерам с 1929 г. в случаях нехватки «рабочей

силы» сезонников, вербованных и административно-высланных (спецпереселенцев).

В 1930 г. в Коми АССР прибывает большая партия спецпереселенцев, которые должны были заниматься лесозаготовками. Но уже через два года из-за нехватки и большой смертности спецпереселенцев, руководство НКВД принимает решение об организации лесозаготовительных лагерей и применении труда заключенных в лесной промышленности.

Вероятно, решение организовать именно лесные лагеря было обусловлено чисто экономическими причинами. Лесозаготовительные работы, по крайней мере, на первом этапе не требовали значительных капиталовложений и подготовленной проектно-сметной документации. Обустроить лагеря можно используя, в основном, местные материалы.

Уже в 1932 г. организовывается Пезмогский комбинат. На 1933 г. в лагере содержалось 2450 заключенных. К 1940 г. планом Пезмогскому комбинату было определено вырубить 3 млн. куб. м сосны и 2 млн. куб. м ели на территории почти в 100 тыс. га. Однако трудности в выполнении плана возникли сразу же в 1933 г. Возрастает себестоимость продукции, комбинат становится убыточным. В донесениях и сводках ОГПУ сообщалось о его высоких непроизводительных расходах. С 1934 г. условия быта и труда заключенных снизились до «критической отметки», планы лесозаготовок 1933–1934 гг. были сорваны. На повестку дня встал вопрос о решении закрытия комбината. Решение о ликвидации данного предприятия предопределялось и участвовавшими конфликтами работников лагеря с местным населением, так как местное население отказывалось предоставлять лошадей для перевозки продукции комбината. Окончательное решение о закрытии комбината было принято в 1936 г., а его имущество было передано в образованный в 1937 г. Локчимский лесозаготовительный лагерь НКВД СССР.

Локчимский лагерь являлся крупнейшим лесозаготовительным лагерем в Северном крае. В 1937 г. в нем содержалось 18937 заключенных, а к 1938 г. в нем уже пребывало 26242 чел. Для сравнения: в 1938 г. в Усть-Вымлаге, организованном в том же 1937 г., насчитывалось 5222 заключенных.

Всего с 1938 г. по первую половину 1940 г. в Локчимлаге существовало 25 лесопунктов и 20 колоний. Таким образом, развитие ГУЛАГа привело к тому, что логика разделения всех мест заключения на две независимые подсистемы (лагеря и спецпоселки) была кардинально нарушена. В районах интенсивной рубки спецпоселенцы использовались лагерным начальством наряду с заключенными. Такое явление было особенно характерным для Усть-Вымского лагеря.

Усть-Вымлаг состоял из двух лаготделений: Вожаельского, специализирующегося на лесозаготовках, и Княжпогостского, который занимался строительством перерабатывающих предприятий и транспортировкой продукции лагеря.

На лесозаготовительные лагеря, которые должны были покончить с отставанием в лесной промышленности, возлагались высокие, невыполнимые для них планы.

План по заготовке древесины (687,6 тыс. куб. м и дров (212,6 тыс. куб. м) был выполнен на 100% Усть-Вымлагом лишь в 1938 г.

Таблица 7

Выполнение плана Усть-Вымлагом в 1938 г., куб. м

Работы	План	Выполнено	В процентах к плану
Заготовка древесины	900,2	900	100
Вывозка древесины	858,5	850	90
Сплав древесины	713,4	335,0	71

Выполнив план по рубке леса, лагерь не смог справиться с заданиями по вывозке леса с мест рубки и транспортировке готовой древесины, так как при несвоевременной и неправильной транспортировке потери на сплаве были значительными. Древесина, не вывезенная с мест рубки до начала весенней распутицы, засасывалась в болото. Ежегодное задание по вырубке равнялось 10 тыс. куб. м, как правило, в результате бесхозного и неорганизованного использования тракторов и автомашин, отсутствия приспособленности дорог, плохого использования гужевой силы, вывозилось не более 54,2% к заданию.

При транспортировке леса по железной дороге его себестоимость резко возрастала и поэтому сплав древесины по рекам оставался главным средством транспортировки лесоматериалов. Зачастую, не учитывая климатических условий северного края, лагерная администрация поздно спохватывалась с отправкой древесины к перерабатывающим центрам, в итоге лесоматериалы вмерзали на реке в лед, а с весенним ледоходом их уносило в неизвестном направлении. Например, в 1939 г. Локчимлагом на сплаве было потеряно 1571 тыс. куб. м древесины – 29% от количества вырубленного. Заданием по сплаву было намечено довести транспортировку древесины к 1940 г. за одни сутки до 9 тыс. куб. м, а за месяц – до 270 тыс. куб. м. Но план был выполнен лишь на 32,9%, т.е. за месяц было сплавлено 88946 куб. м древесины.

Валка леса, его разделка, проводившаяся без положенного инструктажа, значительно понижали качественную сторону сплавленного сырья,

при сортировке заготовленной древесины выбраковка экспортного леса на дрова в среднем составляла 47%, при допустимости 34%.

К тому же, в результате крайне неудовлетворительных условий работы и быта, снижения норм питания, число заключенных, выполнявших нормы в 1939 г., составляло 55% от общего количества лагерного населения. План был выполнен только на 75,2%. Таким образом, производительность труда заключенных составляла 73% против плана.

Еще одной из причин невыполнения задания стало распространение по участкам плана без учета особенностей каждого участка. Заготовка леса в зимнее время производилась исключительно на замерзших болотах, а поскольку механизмы были переключены на трелевку, а не на возку, с наступлением весны, оставшаяся древесина гнила, так как с наступлением распутицы ее засасывало в болото.

Вследствие низкого использования техники, а так же недостаточного количества рабочих, из предполагаемых 24000 куб. м древесины (высоких сортов сосны), было заготовлено лишь 11581 куб. м (48,2%) и вывезено к местам сплотки 9789 куб. м (48,2%).

В октябре 1939 г. хозяйственное состояние Локчимлага обсуждалось в Москве в правлении Госбанка и представители ГУЛАГа и Локчимлага заявили, что потерь в древесине нет. По учетным книгам лагеря, количество древесины исчислялось в 1107 тыс. руб., при проведении инвентаризации комиссией от Госбанка оказалось, что указанные цифры значительно завышены. Бесхозяйственное отношение к учету чиновников Локчимлага привело к развалу всего финансового хозяйства, хотя со стороны ГУЛАГа НКВД систематически выдавалась помощь лагерю, составляющая десятки миллионов рублей. Эти вливания не дали должного эффекта.

К концу 1939 г. ситуация в Локчимлаге стала настолько критической, что СНК СССР принял решение о ликвидации Локчимлага и передаче его лесного фонда и хозяйства наркомату лесной промышленности. За годы своего существования с 1937 по 1940 г. деятельность Локчимлага обошлась казне в 55 млн. руб. убытков.

Руководство ГУЛАГа было крайне озабочено убыточностью лагерей, которые должны были, по предположениям, давать максимум лесопроductии при минимуме затрат. Зачастую причины отставания сводили к технологическим – низкому уровню механизации, дисциплины, организации труда, нехватке специалистов. Без внимания оставались неудовлетворительное состояние рабочей силы на лесозаготовках и сплаве, высокая степень ее эксплуатации, тяжелые условия труда и быта заключенных.

В Усть-Вымском лагере, в связи с ликвидацией Локчимского лагеря, открывается третье лаготделение – Локчимское и три лагпункта – Весляна, Ропча, Таежный. Такое расширение лагеря предполагало значительное увеличение лесоотдачи, однако завышенные планы оказались не под силу ослабленному лагконтингенту. Из 1000 куб. м, предписанных планом, лагерем было заготовлено лишь 880 куб. м (91%) древесины. Руководство лагеря приняло решение о переориентации производственной программы лагеря.

Для погашения убытков лагерь перенес акцент работ с лесозаготовок на шпалопиление, так как возросшая потребность в шпалах для строящейся Северо-Печорской железнодорожной магистрали, давала возможность поправить пошатнувшееся хозяйство Устьвымлага.

В годы Великой Отечественной войны работа всех отраслей народного хозяйства страны была подчинена нуждам фронта и тыла. Основными видами хозяйственной деятельности заключенных Усть-Вымского лагеря оставались лесозаготовки и побочные производства (лесошпалопиление, вывозка древесины, ее сплав). Кроме того, Бюро обкома ВКП(б) совместно с СНК Коми АССР принимают решение о введении дополнительных производственных заданий (с использованием местного сырья) для промышленных предприятий, дислоцируемых на территории Республики Коми, способных удовлетворить потребности обороны.

Лагерь получает задание на изготовление 25 тыс. пар лыж, а также для выполнения заказов были переоборудованы помещения под мастерские.

На 1 июня 1941 г. в 11 лагпунктах Усть-Вымского лагеря содержалось 26350 чел., в том числе 3949 специалистов в различных отраслях хозяйства, из которых 1017 работали на «общих» работах, и еще 710 чел. использовались не по специальности. Политотдел лагеря рассматривал это обстоятельство как нерациональное использование рабочей силы руководством лагеря.

В 1941 г. администрация лагеря увеличивает по основным видам работ нормы выполнения. В результате план Усть-Вымским лагерем в 1400 тыс. куб. м был выполнен на 105% и составил 1472 тыс. куб. м.

В 1942 г. на осужденных возлагалось все больше заданий по лесозаготовке и лесопереработке. Кроме того, весной 1942 г. вышло новое постановление о питании заключенных в ИТЛ НКВД СССР, согласно которому, нормы «котлов» были сильно урезаны, что сразу же отразилось на работоспособности лагконтингента. В результате в 1942 г. Усть-Вымлаг выполнил план на 79,3% по заготовке и на 87,6% по вывозке леса. Однако такая же ситуация сложилась и по другим предприятиям

ГУЛАГа и трестам, опиравшимся на труд спецконтингента. В последующие два года план Усть-Вымлагом перевыполнялся.

Таблица 8

Выполнение работ Устьвымлагом в 1943–1944 гг.

Работы	1943 г.		1944 г.	
	План	Выполнение	План	Выполнение
Заготовка	670,0	712,0	650,0	692,7
Вывозка	670,0	713,0	650,0	678,0

Выполнение планов было обусловлено снижениями показателей планов по основным видам продукции. Руководство НКВД и Наркомата лесной промышленности, рассмотрев жалобы начальников лагеря на завышенные производственные задания, удовлетворило их просьбы. Однако в 1945 г. Устьвымлаг выполнил план только на 85,6%.

Усть-Вымский лагерь после войны продолжал оставаться крупнейшим лесозаготовителем. Как и в прошлые годы, Усть-Вымлаг испытывал острую нехватку рабочих рук для выполнения заданий, возложенных на него в период восстановления страны. Поступление вновь осужденных, по сравнению с предыдущими годами, снизилось. Однако большому количеству узников, учитывая Указ Правительства об усилении меры наказания и удлинения сроков осуждения, к 1948 г. не только не удалось выйти на свободу, но и пришлось оставаться в лагере на протяжении 5-7 лет. Таким образом, лагерному начальству удалось сохранить значительное количество рабочих рук в лесной промышленности.

Отличительной особенностью лесозаготовок послевоенного времени явилось заметное повышение удельного веса деловой древесины. В основном это обуславливалось увеличением спроса народного хозяйства на деловые сортаменты и ростом в топливном балансе страны удельного веса минерального топлива. Для закрепления и повышения результатов труда осужденных к 1949 г. были пересмотрены нормы продовольственного снабжения в сторону повышения калорийности питания для основной массы заключенных. Всего на 1950 г. в Усть-Вымлаге насчитывалось 20157 заключенных. В трудовые фонды лагеря входило 18436 чел., причем, по данным Н.А.Морозова, в списочном составе заключенных примерно 1/6 часть являлись «политическими» (3712 чел.).

В начале 1950-х гг. производственная программа мест изоляции, наряду с основными видами лесозаготовительных работ, предусматривала шпалопиление и строительство. Вместе с Усть-Вымским лагерем

на территории Коми АССР лесозаготовкой и деревообработкой занимались исправительно-трудовые колонии, расположившиеся в основном в Сыктывдинском районе (В.Чов, Н.Чов, пос. Юркино), подчинявшиеся МВД и министерству лесной промышленности.

Наряду с Усть-Вымским лагерем в дело лесозаготовительной промышленности включается созданный 25.10.1952 Водораздельный лагерь. Его центром становится станция Микунь, а основной хозяйственной направленностью лагеря стали лесозаготовки на базе лесных массивов Айкино – Кослан, вывозка древесины, лесопиление, выработка шпал и строительство железной дороги.

Лагерь просуществовал недолго, всего один год, и уже 23.04.1953 г. он был включен в состав Усть-Вымлага как два отделения и два лагпункта. Во многом закрытие лагеря определило то, что лагерь, имея статус особого, не обеспечивался надлежащей охраной, так как выполняемые лагерем виды работ, производились на протяжении нескольких километров и исключали возможность соблюдения правил изоляционного содержания в особых лагерях.

В апреле 1953 г. в свете известных событий вышло Постановление Совета Министров СССР № 832-370, по которому все лагеря лесной промышленности были переданы в ведение ГУЛАГа МЮ СССР, а для руководства хозяйственной деятельностью лесозаготовительных предприятий было создано управление Главспецлес, вместо бывшего ГУЛАГа. Кроме того, улучшение условий быта и труда в лесозаготовительной отрасли республики привлекло вольнонаемных рабочих на лесодобывающие и лесоперерабатывающие предприятия Коми АССР. Все это способствовало сокращению рабочих кадров из заключенных и спецпереселенцев в лесной промышленности республики.

23 июля 1956 г., по приказу МВД СССР № 0231 от 13 июня 1956 г. и по приказу Министерства лесной промышленности СССР № 16 ПС, производственная деятельность Устьвымлага, 13 лагпунктов со списочным составом 21140 чел. передаются Усть-Вымспецлесу.

Таким образом, использование труда заключенных продолжалось и после 1956 г. Усть-Вымский лагерь и сейчас остается действующим, как место изоляции заключенных по статьям уголовного кодекса и выполняет наряду с побочными производствами часть лесозаготовительной программы, распространяющейся на предприятия Республики Коми.

Определение вклада заключенных в развитие лесной промышленности осложнено тем, что труд заключенных и спецпереселенцев использовался в совокупности на одних и тех же объектах. Но все же труд заключенных в хозяйственной деятельности лесозаготовительных лагерей был определяющим.

В период с 1932 по 1956 г. Пезмогским комбинатом, Локчимлагом и Усть-Вымлагом была проделана огромная работа, сопряженная со многими трудностями, приходившимися в основном на долю заключенных.

Таким образом, предполагаемая рентабельность лагерей обернулась в огромные убытки Пезмогского комбината и Локчимлага, которые приходилось покрывать государству. Устьвымлагу тоже не всегда удавалось выполнять планы. Причины такого положения заключаются в использовании принудительного труда и некомпетентности его организаторов. Однако в годы Великой Отечественной войны, наряду с государственными лесозаготовительными предприятиями, лагерь внесли весомый вклад в дело обороны страны.

Культурная жизнь в лагере

На культурно-просветительскую работу в условиях заключения Советское правительство возлагало большие надежды. Культурно-воспитательные отделы (КВО) при исправительно-трудовых учреждениях должны были «поднимать интеллектуальный уровень и гражданское развитие заключенных», знакомить их «с основами советского строя и правами и обязанностями гражданина СССР». Многие положения, прописанные в различных инструкциях по организации культурно-воспитательной работы в ИТЛ, в реальной жизни часто выполнялись совсем в измененном виде.

Руководителем всей культурно-просветительской работы должен быть начальник КВО, который «несет всю ответственность за правильность ее постановки», и отвечает перед начальником лагеря за проведение «мероприятий, направленных на повышение культурного уровня ... заключенных». Цензуру в лагерях осуществляли начальник лагеря и начальник КВО (чаще всего люди абсолютно не подготовленные к выполнению данных обязанностей – бывшие военные). К тому же уровень образованности у многих начальников часто еле-еле дотягивался до среднего. Возможно, именно поэтому очень редко бывало, чтобы какой-нибудь спектакль или концертная программа отменялись по той причине, что ее содержание не соответствует идеалам социалистического общества. Конечно, деятели культуры были в большой степени и ограничены в возможностях показывать со сцены именно то, что они хотят. Однако они активно использовали и семантику (особенно в архитектуре и скульптуре) и эзопов язык, для выражения своего мнения. Например, в постановке оперы Гулак-Артемовского «Запорожцы за Дунаем» звучала тема сугубо современная, своя, лагерная – во что бы то ни стало вернуться из чужих земель домой.

Согласно официальным документам, во всякую культурно-просветительскую работу должны были в широкой мере привлекаться заключенные, которые «избирают из своей среды культурно-просветительскую комиссию». Она же в свою очередь должна была содействовать «укреплению самостоятельности заключенных, вовлекает в работу трудящуюся массу, способствует развитию политического и классового самосознания случайно совершивших преступление рабочих и крестьян, для чего организует различные клубные секции и кружковые занятия, устраивает доклады, лекции и чтения, издает журналы, газеты сборники и т.п.».

Позднее заключенным на общем собрании было разрешено выбирать культсовет из классово невраждебных элементов. Председателем культсовета должен был являться зам. начальник лагеря. Культсовет должен был состоять из различных секций: массово-производительной, культурно-массовой, санитарно-бытовой и редакционно-издательской. В частности, культурно-массовая секция должна была руководить политической и культурно-воспитательной работой (школы, кино, библиотеки, театры и т.д.). Однако на деле в лагерях Республики Коми вся эта разветвленная структура существовала лишь на бумаге, особенно плохо в лагерях обстояло дело с политработой. К тому же, несмотря на все запреты, классово чуждые заключенные, осужденные по 58-й статье, очень часто являлись организаторами и руководителями всей культурной жизни в лагерях.

Формами проведения культурно-просветительской работы в лагерях, помимо уже перечисленных, признавались устраиваемые заключенными «концерты, спектакли, литературные вечера, спортивные упражнения, литературные суды, живая газета и др. культурные развлечения и занятия, которые должны были соответствовать задачам коммунистического перевоспитания».

В каждом месте заключения должны были устраиваться «библиотеки из книг политико-просветительского, популярно-научного и беллетристического содержания, имеющих образовательно-воспитательное значение». КВО должно руководить постановкой библиотечного дела в лагере, наблюдать за продвижением книг в среду заключенных и своевременно пополнять библиотеки. Библиотеки существовали во многих лагерях на территории Коми АССР. Причем в этих библиотеках были издания русских и иностранных классиков, первых изданий книг русских поэтов серебряного века (даже с их автографами), даже вплоть до собраний сочинений, выпускавшихся Брокгаузом и Эфроном.

Работники КВО, кроме того, должны были заниматься организацией и руководством работой школ ликвидации неграмотности, школ

для малограмотных и курсов повышенного типа (причем все неграмотные заключенные до 50 лет обязаны были в свободное время посещать культурно-воспитательные учреждения лагеря), определением репертуара, наблюдением, инструктированием и контролем над театральной работой в лагерях, руководить работой клубов, красных уголков, музеев, издательской деятельностью лагеря.

Все перечисленные выше мероприятия должны были организовываться КВО на основе самодеятельности заключенных, однако на деле получалось так, что те категории заключенных, которые должны были участвовать в культурно-воспитательной работе, были менее заинтересованы в таком роде деятельности, особенно, когда предполагалось, что она будет проводиться в свободное от общих работ время. К тому же не имели в этом необходимых навыков, в отличие от творческой и художественной интеллигенции, которая имела и творческие способности, и потребность в творчестве. Поэтому практически сразу же после организации ИТЛ в Республике Коми вся культурно-воспитательная работа перешла в руки творческой интеллигенции.

В Ухтпечлаге самодеятельность заключенных появилась сразу же. Летом 1930 г. бревенчатый сарай – бывший технический склад дореволюционных искателей нефти недалеко от устья реки Чибью, был отремонтирован, расширен и оборудован под клуб Ухтинской экспедиции ОГПУ (УЭ ОГПУ). Здесь поставили скамейки, установили сцену и назвали клубом Промысла № 1. Позднее, по данным А.Н.Каневой, за нефтеперерабатывающим заводом построили новое здание клуба Центральной культбригады КВО – это было начало замечательного музыкально-драматического театра города Ухты, на сцене которого с середины 1930 до середины 1940-х гг. выступали исключительно артисты из заключенных, осужденные в основном по 58-й статье.

В начале 1930-х гг. организаторами спектаклей, концертов, вечеров художественной самодеятельности в форме «Живой газеты» были заключенные – члены кружка «Синей блузы»: инженер А.Г. Прасолов, бывшие культработники К.А. Житов, А.А. Антонов, музыкант Н.Т. Морозов. Заключенные первого этапа УЭ ОГПУ привезли с собой полубаян, некоторые струнные и духовые музыкальные инструменты. Гармони и балалайки покупали у местного населения. Особо отличившихся в культурно-воспитательной работе награждали премиями, изредка делали режимные послабления. Начальство всячески поощряло самодеятельную инициативу заключенных, поддерживало их творческие начинания (выписывало из Центра книги, музыкальные инструменты и другие необходимые вещи). Музыкальные вечера, театрализованные представления, чтение книг являлись почти единственными

способами духовного отдыха людей, своего рода развлечения. В ИТЛ от недостатка духовного отдыха страдали все, особенно надзиратели, начальники, их семьи (особенно жены начсостава, которые, как правило, не работали), вольнонаемные специалисты. Находясь вдали от столичных и провинциальных культурных центров, они наиболее сильно ощущали потребность в культурном развлечении.

Уже в 1932 г. в п. Чибью (центр Ухтпечлага) появился первый художественный совет из заключенных. Активно развивались самодеятельное музыкальное творчество, передвижное кино, библиотечное дело. В 1933 г. начальник лагеря Я.М. Мороз приказал организовать оперативный штаб по культурно-воспитательной работе. В него вошли представители начсостава. Но вскоре туда зачислили заключенных: украинского поэта П.М. Губенко (Остап Вишня), литератора и поэта Е.П. Барятинского (Лидина) и литературных сотрудников лагерной многотиражки «Северный горняк». Этот штаб оказывал необходимую помощь культбригадам лагерных подразделений.

Таким образом, первый лагерный театр в Республике Коми и второй в республике вообще (в 1930 г. в столице Республики г. Сыктывкаре был открыт первый театр) был создан в п. Чибью в начале 1930-х гг. Позднее в 1934 г. по проекту репрессированного архитектора А.Ф. Орлова было построено высокое двухэтажное деревянное здание театра.

Интересно, что инициатором создания первых лагерных учреждений культуры было руководство лагеря, и первоначально с деятелями культуры обращались как с обычными заключенными (они работали на общих работах, например, актеры в театре репетировали после работы, на спектакли их приводили под конвоем и т.д.). В дальнейшем с приездом деятелей культуры первой величины, таких, как дирижер Большого театра В.М.Каплун-Владимирский, режиссер Большого театра Б.А.Мордвинов, артист Большого и Мариинского театров Н.К.Печковский улучшилось и бытовое положение заключенных. Они стали намного свободнее. С приездом в 1935 г. бывшего режиссера харбинских театров, дирижера Большого театра и скрипача-профессионала В.М. Каплун-Владимирского под его непосредственным руководством (начальник лагеря Я.М. Мороз ему полностью доверял) был организован профессиональный музыкально-драматический театр. В театр были привлечены деятели искусств высочайшего класса (скрипач Большого театра Б. Шифферс; московский пианист и композитор О.А.Рассадин; выпускник Берлинской консерватории, педагог-музыковед, дирижер З.З.Сердюк; музыкант, дирижер харбинских театров А.И. Курышев; виолончелист, концертмейстер Большого театра

Б.Д.Крейн; певица Мариинского театра З. Радеева; певица Московского оперного театра им. Станиславского С. Геликонская; выпускник Московской консерватории, проходивший стажировку в Милане И. Кортон; певица Центрального радиовещания С. Кравец и др.).

Вообще, театр в ИТЛ был сосредоточением культурной жизни. Здесь ставили различные спектакли, оперы, оперетты, балеты, проводили музыкальные вечера. В этом же здании функционировали различные кружки (в частности, мастера занимались с талантливыми непрофессионалами, в том числе и с детьми). Здесь работали художники, которые оформляли все культурные мероприятия лагеря. В здании театра, как правило, размещались библиотека и читальный зал. Часто при театрах была и своя литературная часть, такая, как при театре в п. Абезь (в ней работали В. Автономов, М. Стойчик, В.К. Ясный), при которой организовывалась настоящая серьезная учеба. По воспоминаниям В.К.Ясного, например, в связи с постановкой «Грозы» Островского был подготовлен семинар, который должен был обсудить и эпоху, и историю театра Островского. Литературная часть занималась и «издательской деятельностью». Так, под именем начальника Севжелдорлага вышла в свет история освоения республики. В четырех экземплярах был издан и сборник стихов членов литературной части под названием «Земля оживает».

Театр существовал не из-за хорошего отношения к заключенным - он нужен был самой системе для «перевоспитания» заключенных. Но парадокс заключался в том, что «враги народа», осужденные по 58-й статье, воспитывали, развлекали, учили, наставляли не только заключенных, но и вольнонаемных, своих воспитателей, надсмотрщиков, их семьи, их детей.

По воспоминаниям заключенных деятелей культуры, любой способ духовного самовыражения являлся стимулом к жизни и выживанию, постоянным напоминанием о существовании «вольных» условий и человеческих отношений. Театральная сцена помогала вырваться из окружающих условий, и хоть здесь почувствовать себя людьми, играть свободных людей, быть ими на какое-то время, перенестись в иные эпохи. На сцене создавалась своего рода иная реальность, реальность нормального существования, некая фантасмагорическая жизнь. Репрессированные деятели культуры в условиях подневольного труда дали примеры высокой нравственности, сознательности, трудолюбия, преданности искусству, профессиональному долгу, сумели сохранить человеческую душу, интеллигентность, находили силы увлекать и даже своих мучителей – режимников, конвойных и надзирателей в мир прекрасного, благородного, доброго. Вся культурная жизнь лагеря учила стойкости и дарила надежду.

В лагере существовало и нелегальное искусство. Его представители создали действительно высокохудожественные произведения. Из самых известных стоит вспомнить метров архитектуры Н.Е.Лансере, В.К.Олтаржевского, художника Н.А.Миллера, художника-графика Б.П.Свешникова, графика В.Н.Городецкого.

Существование высокой культуры в исправительно-трудовых лагерях – это уже феномен, своего рода «луч света в темном царстве». Культурная жизнь в ИТЛ в целом подчинялась всем тем же ограничениям, что и культура в стране. Хотя возможности для духовного творчества в ИТЛ были даже несколько шире, творчество было более свободным. Хотя центральные органы возлагали на культуру большие надежды в перевоспитании, то надо отметить, что культурная жизнь в ИТЛ функционировала абсолютно по другим законам и во многом не подчинялась директивам «сверху».

В лагерях смогла сохраниться, пусть и в небольших масштабах, репрессированная культура, которая и в том числе причастна к культурному возрождению в годы «оттепели». Также репрессированные деятели культуры оказали большое влияние на развитие культуры Республики Коми.

Роль исправительно-трудовых лагерей в развитии транспорта Коми АССР

Выше уже говорилось о вкладе железнодорожных лагерей в создание железной дороги в годы войны в экстремальных условиях. 28 апреля 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление о строительстве магистрали от станции Чум Северной железной дороги до станции Лабытнанги Тюменской области (первые 40 км в пределах территории Коми АССР.) Строительством занимался Печжелдорлаг, а также Северное управление лагерей железнодорожного строительства (вел работы от станции Чум).

С 6 мая 1949 г. направление строительства было изменено с северного на восточное – вдоль побережья океана от Салехарда к Игарке и далее. В связи с этим все работы были прекращены, несмотря на то, что земляные работы были почти выполнены.

С февраля 1949 г., по приказу МВД СССР № 062, Печжелдорлаг занимался так же строительством железной дороги Хановей–Шахта № 7 (район Воркуты). В 1949–1950 гг. Печжелдорлаг был занят на строительстве ширококолейного подъездного пути к воркутинским шахтам протяженностью 238 км.

В 1950 г. произошло объединение Печжелдорлага с Севжелдорлагом в единый Печорский лагерь (Печлаг). Его главной задачей было

строительство вторых путей магистрали Котлас-Воркута и поддержание ее в рабочем состоянии.

В 1955 г. по приказу МВД СССР № 00396 1-е и 4-е лаготделения Печлага были переданы в УИТЛК Архангельской области. Нарастал процесс демонтажа лагерной системы в Коми крае.

В конце 1920-х – 1950-е гг. в Коми АССР существовало пять ИТЛ, которые занимались строительством железных дорог.

С 1929 по 1956 г. лагерями было построено семь железнодорожных путей, из которых две оказались экономически нецелесообразными и их строительство было законсервировано (Пинюг–Сыктывкар и Воркута–Усть-Уса). Общая протяженность железных дорог, построенных лагерями, составляет около 1660 км. Железнодорожное строительство в республике в этот период осуществлялось исключительно силами лагерей.

Строительство аэродромов силами заключенных

Огромность территории Коми АССР, которую предстояло освоить лагерям, обусловила необходимость развития воздушного сообщения. Поэтому уже летом 1932 г. в г. Пермь по железной дороге привезли в разобранном виде самолеты Ю-2. Одновременно прибыл туда и летно-технический состав. «Самолеты быстро собрали, «облетали» и вылетели в Усть-Ухту в распоряжение начальника базы Я.Мороза». Так, в 1932 г. родилась воздушная линия Ухтпечлага ОГПУ. Место для центральной авиабазы под Усть-Цильмой, в деревне Карпушовка, было выбрано не случайно – здесь пересекались водные пути из Ухты и Воркуты. Здесь сосредоточили ремонтные мастерские, ангары, склады, подсобные службы. Ю-2 был гидросамолетом, поэтому летом на поплавках приземлялись на воду, а зимой на самолеты «обували» лыжи.

В 1932 г. была проложена одна из первых воздушных трасс – на Воркуту. Сделали это заключенные Ухтпечлага: летчик В.А.Гинце и бортмеханик С.П.Курлышев. Эта воздухолиния была особенной, так как весь летный и технический состав составляли заключенные. Но все это были самолеты, которым не нужны аэродромы. 15 августа 1941 г. вышло распоряжение СНК о развитии сети аэродромов. В Коми АССР их сооружением занималось пять лагерей: Севжелдорлаг, Устьвымлаг, Ухтижемлаг, Печжелдорлаг, Воркутлаг.

Аэродром в Княжпогосте строил Севжелдорлаг. Размеры летного поля были определены в 600х480 м. Лагерь приступил к работе 18 августа 1941 г. и должен был закончить строительство и сдать аэродром в эксплуатацию 3 сентября того же года. Однако комиссия, принимавшая аэродром, выявила грубые дефекты взлетной полосы и поэтому

предлагала надлежаще достроить аэродром. Впоследствии комиссия принимает аэродром, но определяет его к эксплуатации с ограничениями: 1) только для самолетов У-2; 2) только в дневное время.

Устьвымлаг занимался строительством аэродромов в Вожаеле и Пезмоге. О строительстве аэродрома в Вожаеле сведений нет. 1 сентября 1941 г. комиссия произвела осмотр выполненных работ Локчимским отделением Устьвымлага по строительству взлетно-посадочной полосы в районе д.Пезмог. Общая площадь аэродрома – 95,17 га. Летняя полоса имеет размеры 400х1200 м. Аэродром в Пезмоге был признан годным к эксплуатации в осеннее, зимнее, весеннее время для любых типов самолетов, а в летний период – для эксплуатации самолетов-истребителей.

Ухтижемлаг занимался строительством аэродрома в Ухте. Лагерь начал строительство 19 августа 1941 г. и закончил 10 сентября того же года. Аэродром расположен в 7 км к востоку от населенного пункта пос. Ухта и в 5 км от железнодорожной станции «Ухта» и связан проходящим на расстоянии в один километр к югу от участка заграбированным трактом Ухта-Крутая. Летное поле имеет размеры 1200х400м. Комиссия, производившая осмотр аэродрома 11-12 октября 1941 г., установила много недочетов. Так, было сделано заключение, что в летний период эксплуатации грунты, профиль и размеры летного поля пригодны для взлета и посадки одиночных военных самолетов, разведывательных самолетов и бомбардировщиков среднего типа. В зимний период аэродром считается посадочной площадкой.

Печжердорлаг занимался строительством двух аэродромов: в Абези и Кожве. Аэродром в Абези был построен в 1941 г., к концу 1940-х гг. размеры летного поля были невелики. Эксплуатировался аэродром самолетами типа У-2 и П-5.

Аэродром в Кожве также был построен в 1941 г. Размеры летного поля были 480х100 м. В основном использовались самолеты типа У-2 и П-5 ГУЛЖДС.

Воркутлаг занимался строительством аэродромов в с.Дутово и Воркуте. Аэродром в Дутово был построен в 1941 г. Размеры летного поля были 950х550 м. Но эксплуатировать летное поле начали только в конце 1940-х гг.

В 1941 г. по решению правительства республики ведомственная авиация – авиабаза Ухтпечлага – была переведена из Усть-Цильмы в Воркуту, где летом 1943 г. также был построен небольшой аэродром. Полеты производились с зимних аэродромов.

1 сентября 1943 г. в пос. Воркута была проведена проверка состояния строящейся аэроплощадки 500х100 м. Аэроплощадка признана пригодной для приема средних самолетов (У-2, П-5).

На основании постановления Военного Совета Архангельского воздушного отряда от 7 июля 1942 г. за райисполкомами Коми АССР закреплялись аэродромы в Ижме, Воркуте, Абези, Усть-Кожве, Ухте, Дутове, Пезмоге и Объячево.

7 июля 1943 г. была произведена разбивка сооруженных авиаплощадок по классам. В IV (средний) класс вошли аэродромы в Ухте, Пезмоге, Вожаеле, Княжпогосте, Кожве, Абези и Воркуте и стали называться аэродромами.

3 апреля 1945 г. выходит постановление № 215 Управления Севжелдорлага НКВД СССР о передаче Княжпогостского аэродрома в ведение Сыктывкарского авиаотряда. А в сентябре 1953 г. самолетный парк Ухтпечлага в количестве 15 штук был принят в состав Сыктывкарской авиагруппы.

Строительство барж и пристаней

Большая роль при освоении территории Коми края принадлежит речным путям. Быстрее и дешевле из всех видов транспорта является речной транспорт, так как он не требует больших капитальных вложений по сравнению со строительством других транспортных путей. До начала деятельности лагерей основным затоном по отстою и ремонту судов на Печоре был Щельяюр. Другие мастерские, но ниже классом были организованы в Троицко-Печорске и Курье вверх по Печоре.

1 октября 1931 г. Совет Труда и Оборона СССР в целях развития судоходства на Печоре и ее притоках принял постановление об организации самостоятельного управления Печорского пароходства. В соответствии с постановлением от 30 октября 1931 г. был издан приказ народного комиссара водного транспорта № 285 об организации с 1 января 1932 г. управления Печорского речного пароходства с местом нахождения в с. Усть-Цильма. Вскоре заключается договор между Управлением Ухтпечлага и Печорского Управления Речного Государственного пароходства. В договоре говорилось о том, что пароходство дает Упитлагу (Управлению исправительно-трудовых лагерей) работу по стройке плашкоутов (несамоходное грузовое судно с упрощенными обводами для перевозки грузов на верхней палубе), а Упилаг принимает на себя постройку 60 плашкоутов в районе р. Ухта.

Развитию речного флота в районе дислокации Ухтпечлага способствовало постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 13 ноября 1932 г. «об организации Ухто-Печорского треста». Политбюро обязало Наркомвод в начале навигации 1933 г. перебросить на Печору семь буксирных катеров (по 50 лошадиных сил каждый), один буксирный пароход (300 лошадиных сил) и 22 баржи общей грузоподъемностью 12500 т.

Также обязало в течение зимы 1932–1933 гг. построить на Печоре сухогрузные баржи. На Ухтпечлаг возлагалась перевозка всех грузов по малым рекам Печорского бассейна.

В марте 1933 г. в с.Ижма организуется «Судстрой», «Гидрострой», «Перевалочный пункт» и «Транспортная линия». В Ижме существовал лагпункт, заключенные которого были задействованы на очищении и углублении дна рек, перевозке грузов. На каждом из этих направлений было занято в среднем по 400 заключенных.

Управлению Ухтпечлага в 1933 г. было дано задание построить восемь барж, с тем, чтобы каждая могла вывезти 150-400 т нефти. Ухтпечлаг построил четыре баржи по 150 т для сухогруза и 44 малотоннажных судна.

В 1935 г. началось строительство судовой верфи на правом берегу р.Печора, напротив д.Покча. Ширина верфи составляла 6 км. За ноябрь–декабрь (на голом месте) было построено 13 лагерных бараков, кухня, пекарня, баня, техсклад, кузнечно-болтовой цех, сушилка для леса, бревнотеска, столярный цех, амбулатория, ветлазарет, пристань и т.д. Но «судовая верфь Покча оказалась выстроенной не «на месте», недостаточно оборудованной, из года в год давала миллионные убытки». В 1942 г. судостроительная верфь в Покче передана Сежелдорлагу. За 1936 г. было построено 70 барж разной грузоподъемности. С началом строительства железной дороги Котлас–Воркута перед водным транспортом была поставлена задача обеспечить завоз грузов и оборудования для строительства, и после постройки принимать на перевалку уголь, который должен уйти в Нарьян-Мар. Для этого нужно было построить базу флота вблизи железных дорог.

ГУЛАГ в 1938 г. получил Гидроречтранс произвести исследования в районе Усть-Кожвы для определения пригодности территории и акватории под строительство водного узла (порт, судоремонтный завод, судоремонтная верфь). Положительный отчет Гидрортранса о достоинствах территории позволил приступить к работам в районе протока Канин (правый берег р. Печора). 29 июня 1940 г., по приказу начальника пароходства, для организации выгрузки и погрузки грузов, поступающих для строительства железных дорог и водного узла, решено было организовать причал Канин-Нос. А по приказу начальника пароходства № 15 от 15 января 1941 г., причал Канин-Нос был реорганизован в пристань Канин-Нос II разряда, что послужило толчком к дальнейшему строительству порта. В январе 1942 г. пристань была преобразована в Кожвинский порт.

К весне 1943 г. силами заключенных Печлага был построен причал для тяжеловесных грузов, поступающих с воды на железную дорогу.

Была проведена также железнодорожная ветка от станции Печора к причалу тяжеловесов – к временному угольному причалу.

1 августа 1946 г. управление Печорского пароходства и бассейнового управления пути было переведено из с.Усть-Уса в пос. Канин, а в июне 1947 г. – управление Печорлага из пос. Абезь в пос. Печора. Такие изменения, несомненно, способствовали росту поселков. 18 января 1949 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочие поселки Печора и Канин были преобразованы в город Печору.

С увеличением объема переработки грузов, ростом флота с 1 июля 1947 г. из Печорского порта выделяется самостоятельное предприятие для отстоя и ремонта – Печорские судоремонтные мастерские.

В 1950-е гг. прошла реорганизация Печорстроя. Управление вошло в состав Министерства транспортного строительства СССР.

Развитие речного транспорта имело важное значение для хозяйственной деятельности лагерей, занимающихся добычей полезных ископаемых. Для вывоза добытого ими угля, нефти и других материалов были нужны емкие много грузоподъемные баржи. Очевидно, что нужно было совершенствовать систему пристаней и причалов, чтобы баржи могли подходить к месту, где они забирают груз. Заключенные лагерей участвовали и в строительстве, и в эксплуатации системы речного транспорта. Речной флот сыграл большую роль в годы становления добывающих отраслей республики. Лагеря были не единственными предприятиями, кто занимался строительством барж и пристаней, но они сыграли важную роль в развитии водного транспорта республики.

Участие заключенных в строительстве автомобильных дорог

Особое внимание развитию транспортной сети в Коми области стало уделяться сразу же с приходом Советской власти. Активно велись поиски новых источников сырья на территории республики.

Дорожная сеть края в 1920-е гг. имела следующие наиболее значимые транспортные пути:

1. Почтовый тракт Усть-Сысольск–Яренск–Соль-Вычегодск, далее с продолжением на Великий Устюг и Тотьму, т.е. в Вологодскую и Архангельскую губернии.
2. Ношульский тракт, проходивший по р.Луза до д.Мышановская Орловского уезда Вятской губернии.
3. Путь на Троицко-Печорск, связывавший селения бассейна р. Вычегда и р. Верхняя Печора.
4. Мурашинский тракт: от Усть-Сысольск до станции Мураши.

К строительству и поддержанию дорог привлекали местное население. Официально всеобщая трудовая и гужевая повинность на терри-

тории Коми области была введена приказом Чрезвычайного Усть-Сысольского уездного комитета 23 апреля 1921 г. К ней привлекали мужчин с 18 до 50 лет и женщин с 19 до 40 лет. Руководству предписывалось бережно использовать труд населения, мобилизованного на дорожные работы.

В конце 1920-х гг. началось освоение Ухто-Печорского края силами заключенных. Весной 1927 г. в Княжпогост по Выми на баржах прибыла первая партия заключенных – строителей дороги Ухта–Вогвадино протяженностью 260 км. «Это были заключенные из тюрем Харьковской и Ростовской областей». Заключенных поначалу расселили в крестьянских постройках, затем начали обустраиваться на новом отведенном месте: проложили дорогу из бревен, построили бараки, склады, будку под электростанцию.

Руководил всеми работами начальник Ухтпечлага Я.Мороз. Трасс Вогвадино–Ухта был разделен на три участка: южная, северная и центральная дистанции. На трех участках располагался 21 лагпункт.

Дорога строилась вручную, в тяжелых условиях. Механизмами на стройке были тачка и лопата. Эта дорога была первой крупной стройкой в Коми крае. «Она имела щебеночное и гравийное покрытие, деревянные мосты.

В 1936 г. на Ухтпечлаг была возложена задача строительства тракта Чибыю–Крутая протяженностью 97,889 км.

Изыскания были проведены от Чибыю до Буровой № 39 (около д.Крутой) в период с 18 августа по 12 октября 1935 г. изыскательской партией Ухтпечлага. Проектирование было одобрено.

Управление строительством тракта было организовано 17 июля 1936 г. на основании приказа по управлению Ухтпечлага от 16 июля 1936 г. Строительство должно было быть закончено в 1936 г. Но в связи с тем, что работы разворачивались медленно, а поступающие пополнения рабочей силой не удовлетворяли полностью потребности строительства, составленный в августе план работ уже в самом начале оказался невыполнимым. Численность заключенных, занятых на строительстве тракта, к концу 1936 г. составляла 3604 чел. Инструментами являлись тачка, кирка и лопата, т.е. работы велись вручную. Нормы выработки были высокими, условия быта – тяжелыми. Ежедневно умирало 5-6 человек.

Так же при строительстве тракта необходимо было сооружать мосты, самые большие из них проходили через р.Ухта (147 м), р.Седью (121, 44 м), р. Ижма (73,04 м), р.Суходол (53 м). Одновременно со строительством тракта Чибыю–Крутая «Судострой» Ухтпечлага приступил к подготовке в 1935 г. строительства зимнего пути Буровая № 39 – Усть-

Пиджа–деревня Покча протяженностью более 70 км. Но к 1 января 1936 г. изыскания закончены не были.

4 марта 1936 г. на основании Постановления СНК о реорганизации ЦУДОРтранса НКВД СССР Г.Ягодой был издан приказ: «Организовать в НКВД СССР Главное управление шоссейных дорог (ГУШОСДОР). ... Возложить на ГУШОСДОР НКВД СССР и его местные аппараты строительство, ремонт и эксплуатацию дорог общесоюзного, республиканского, краевого и областного значения по особому списку, утверждаемому СНК СССР, и контроль за дорожным строительством...». Таким образом, с 1936 г. органы НКВД взяли на себя все контрольные функции за работой дорожно-строительных организаций.

В постановлении от 26 июня 1939 г. СНК Коми АССР отметил: «Считать необходимым привлечь имеющиеся в пределах Коми АССР лагеря НКВД для участия в дорожном строительстве республики». По схеме работ Ухпечлага на «вторую сталинскую пятилетку» (1933–1937) было предусмотрено строительство пяти трактов: Кожва–Чибыю (240 км), Чибыю–Помоздино (290 км), Крутая–Троицко-Печорск (87 км), Воркута–Обдорск (120 км), Усть-Кожва–Усть-Воя (100 км).

Но по имеющимся данным, заключенными была построена лишь дорога Крутая–Троицко-Печорск.

Правительство Коми АССР неоднократно входило в центральные органы с ходатайством о привлечении заключенных к дорожному строительству. Так, 1 ноября 1939 г. СНК Коми АССР обратился в НКВД СССР со следующими просьбами: «На территории Коми АССР расположено 5 лагерей, грузоперевозки которых составляют до 60% всех перевозок республики. СНК Коми АССР просит предложить лагерям НКВД включение в их план на 1940 г. работы по объектам дорожного строительства на сумму 2350 руб. Так, Локчимлагу выполнить реконструкцию тракта Сыктывкар–Часово (44 км), Ухтижемлагу – подготовительные работы по постройке гравийной дороги Троицко-Печорск–Крутая (87 км) и устройство понтонного моста через реку Вымь, Севжелдорлагу – устройство земляного полотна и проезжей части дороги от с.Айкино до железнодорожной станции Айкино (9 км)».

Строительство автомобильных дорог Коми АССР, главным образом, велось гражданскими предприятиями. Однако они широко практиковали привлечение для дорожного строительства заключенных лагерей. На 1927 г. протяженность автомобильных дорог составили 745 км. К 1950 г. их протяженность составила 9000 км. По неполным имеющимся у нас данным, лагерями было построено около 6% протяженности дорог в 1950 г. Однако эта цифра не отражает реального вклада заключенных,

так как местные дорожные организации не фиксировали в документах по строительству участия заключенных по контрагентским нарядам.

Вклад заключенных ИТЛ Коми АССР в развитие транспорта был определяющим прежде всего в строительстве железных дорог, постройке аэродромных площадок на севере республики.

Развитие сельского хозяйства в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа в Коми АССР

Возникновение лагерей поставило проблему обеспечения их продуктами сельского хозяйства. В связи с расширением лагерей и отставанием роста сельскохозяйственной отрасли Коми республики, власти настойчиво требовали от руководства лагерей принятия решительных мер для поднятия сельского хозяйства хотя бы на уровень удовлетворения потребительских нужд лагеконтингента.

В порядке реализации этого неотложного задания, начиная с июня по ноябрь 1932 г., Ухтпечлагом были организованы агромелиоративные экспедиционные обследования земельных угодий бассейнов рек Ухта, Уса, Косью, Адзья, верховьев Печоры, Вои, Еджыд-Кырты и их притоков, а также земельного массива, прилегающего к тракту Усть-Вымь–Ухта.

Вывозить продукты из южной части республики в центральную и северную часть, если бы они даже и были там, в достаточном количестве, как это показал трехлетний опыт (1929–1932 гг.) «совершенно безнадежное дело», как «в силу транспортной невозможности, так и по причине неблагоприятных осенних климатических условий». Поэтому в решении проблемы получения сельскохозяйственных продуктов необходимо было ориентироваться только на местные ресурсы лагерей.

К концу 1932 г. сельскохозяйственные плановики предполагали процент удовлетворения нужд лагеря собственной сельскохозяйственной продукцией довести до 75-80%. Пункты размещения всех хозяйств были точно определены дополнительными агромелиоративными обследованиями в течение 1933 г. В результате, в 1933 г. работали уже шесть сельхозов: Чибью, промысел № 2, Кылтово, Кочмес, Кедровый Шор, Вайтенаум.

Организовывая подсобные сельские хозяйства при неблагоприятных климатических и почвенных условиях, руководство рассчитывало на весьма устойчивые урожаи, которые с помощью селекции и акклиматизации, должны были с каждым годом расширяться. Для получения морозоустойчивых культур в 1933 г. были созданы четыре опытных участка по одному гектару – в Чибью, Яреге, Кочмесе, Кедровом Шоре. Это являлось совершенно новым для Коми области, так как ранее

сельскохозяйственные научно-исследовательские работы здесь не проводились.

В 1930-е гг. сельское хозяйство развивалось практически параллельно по двум направлениям: растениеводство и животноводство. Главной задачей сельхозов считали максимальное обеспечение лагерей продуктами питания и сокращение их завоза из центральных областей. Кроме того, развивали кролиководство с мясным направлением и птицеводство. Как правило, при каждом сельхозе имелась молочная ферма. Расширение молочного стада происходило за счет имеющегося скота, закупки местного скота и завоза поголовья Холмогорской породы. Так же в сельхозах занимались коневодством и свиноводством.

Развитие животноводства требовало пастбищных и сенокосных угодий. Специфика почвенных и климатических условий, а так же недостаток освоенных сенокосных угодий приводил к тому, что в лагерных сельхозах в 1930-е гг. вводился веточный корм, как для коров, так и для лошадей. Так же для решения этой проблемы очищались лесные площади, что сопровождалось большими затратами труда.

Основные задачи сельскохозяйственных отделений в 1930 г. заключались в расширении пахотной площади за счет освоения новых земель и производстве посевов на соответственно подготовленных площадях. Все эти мероприятия были рассчитаны на обеспечение лагерей собственными овощами и продуктами животноводства и отказ от завоза сельскохозяйственных продуктов из центральных областей.

Обычно засев огородной площадки был занят такими культурами как капуста, морковь, свекла, лук, редька, репа, редис. Причем полевые культуры сеяли в основном перевыполняя план, а вот огородные по плану сеять не успевали. Это было обусловлено поздним получением семенного материала отдельными приполярными сельхозами из-за транспортных затруднений, а также, частично, и тем обстоятельством, что не все вновь освоенные земли были пригодны для земледелия в первый год освоения.

Вследствие этого недосев огородных культур перекрывался посевом полевых культур. А для питания заключенных наиболее важными были как раз огородные культуры. Так что по основным видам овощной продукции для питания обеспеченность была недостаточной.

В сельхозах лагерей проводился посев в теплицах, парниках, на паровых грядках. Это было новацией для территории Коми области, так как у местного населения он не практиковался. В некоторых хозяйствах посев производился только в парниках и на паровых грядках, так как для строительства теплиц не хватало стекла. Это вело к невыполнению планов. Кроме того, неблагоприятные климатические условия

приводили к значительной гибели посевов. Так, в 1933 г. в хозяйстве «Новый бор» процент гибели огородных культур колебался между 1,12 и 11,3%. В этот год наблюдалась и низкая обеспеченность лагерных отделений сельскохозяйственной продукцией.

В результате работы опытно-испытательных участков в сельхозах лагерей было выявлено несколько морозоустойчивых культур и сортов: картофель «Ранняя Роза», брюква «Красносельская», а так же морковь столовая, репа, редька и редис, что позволило несколько увеличить урожайность сельскохозяйственной продукции.

В 1930-е гг. были получены определенные результаты и сделаны выводы по перспективам развития овощных культур на территории Севера. На этом этапе закладываются научные основы развития сельского хозяйства на территории республики.

Деятельность репрессированных учёных-биологов

В годы сталинских репрессий за колючую проволоку попадали различные слои интеллигенции: врачи, актеры, преподаватели, ученые. Были среди них и ученые-биологи, которые, даже находясь в неволе, продолжали заниматься любимым делом. Руководство лагерей было заинтересовано в том, чтобы обеспечить лагконтингент собственной продукцией, а не завозить ее из центральных областей. Исследователь К.А.Казакова реконструировала деятельность репрессированных биологов, при помощи которых были акклиматизированы многие сельскохозяйственные культуры, выведены новые породы скота.

Одними из первых опыты по сортоиспытанию сельхозкультур стали проводиться на ухтинском поле Чибью под руководством Петра Павловича Зворыкина. Он – уроженец города Муром Владимирской губернии. После окончания реального училища (1904–1909гг.) Зворыкин, будучи студентом Тимирязевской сельскохозяйственной академии г. Москвы, занимался организацией крупного зернового хозяйства в Екатеринославской губернии (Днепропетровской области). П.П. Зворыкин участвовал и в создании питомников сельскохозяйственных культур. Он считал, что такие питомники являются основой для селекции и семеноводства. В 1929 г. Зворыкина пригласили в Ленинград во Всесоюзный институт растениеводства, в начале 1930-х гг. он опубликовал несколько статей о клевере и других кормовых культурах.

В августе 1935 г. особое совещание при НКВД СССР осудило П.П. Зворыкина на пять лет «за участие в контрреволюционной группе». Его отправили в Ташкент, разрешив работать в пригородном совхозе при НКВД. Вскоре Зворыкину изменили условия ссылки и отправили на север, под Ухту, где ему удалось попасть на опытный участок в

Чибью. На новом месте П.П.Зворыкин проявил незаурядный талант ученого организатора, заведовал опытным полем Ухтинской опытной сельскохозяйственной станции, неоднократно выступал с докладами на конференциях в Ухте, Сыктывкаре, Княжпогосте, несколько его заметок было напечатано в газете «За ухтинскую нефть». Научные выступления П.П. Зворыкина поражают обилием фактического материала. В январе 1944 г. для доклада «Продвижение овощных культур на север» он представил ведомости наблюдений на опытном поле за 1938, 1941–1944 гг., отчет о работе опытного поля Ухтинской сельскохозяйственной станции за 1944 г., дневники полевых работ по картофелю и другим сельскохозяйственным культурам на опытном поле Ухто-Ижемского комбината за 1934–1944 гг. Среди работ Зворыкина можно назвать «Семеноводство красного клевера в Коми АССР» и «Красный клевер».

Наибольшее внимание в своих исследованиях П.П.Зворыкин уделял селекции картофеля. Начиная с 1935 г., в течение трех лет проводилось испытание картофеля местного отбора. В результате были выведены сорта под названием «Ранняя Роза», «№ 1» и сорт «Старый Ухтинец». Интересно отметить, что сорт «№ 1» имеет и другое название «М.Я.», что означает Мороз Яков – имя начальника Ухтпечлага. Вообще, ОГПУ всячески подчеркивало свою роль в научных достижениях, поэтому новым сортам часто давались специфические названия: кроме названий картофеля, в качестве примера можно привести сорт ячменя «Чибью 2\9» или малины «Ухтинка».

Кроме того, усилиями П.П.Зворыкина были выведены и акклиматизированы 13 сортов белокачанной капусты, несколько сортов ячменной, ржи, репы, малины, клубники, черной и красной смородины.

После освобождения П.П.Зворыкин переехал в Сыктывкар (1945 г.) и был зачислен старшим научным сотрудником в Коми базу АН СССР и активно продолжал свои научные исследования.

Нельзя не отметить выдающегося животновода, доктора биологических наук, Гавриила Ивановича Гагиева. Его, уроженца Северной Осетии, выпускника Тимирязевской сельскохозяйственной академии, репрессировали, как и многих других ученых по печально-знаменитой 58-й статье. С 1937 по 1944 г. он проработал в селе Пезмог старшим зоотехником. Главное направление его деятельности – повышение надоя молока у коров. И здесь он добился ощутимых успехов, установил рекорд на тот период – 12464 литра молока за лактационные 300 дней с жирностью 3,25%, и со всей страны в Пезмог повалили животноводы за опытом. После освобождения (в 1944 г.) остался в Коми. В 1952 г. возглавил Печорскую сельскохозяйственную опытную станцию, чуть

позднее основал и Сыктывкарскую сельскохозяйственную опытную станцию.

Необходимо упомянуть имя крупнейшего семеновода, Исмаила Сыддыковича Хантимера, татарина по национальности, волею судьбы занесенного в Коми. В 1929 г. его арестовывали и заключили в Бутырскую тюрьму по обвинению в участии в националистической организации. Хантимер был осужден на три года с отбыванием наказания в концлагере. Из тюрьмы Хантимера направили на Соловки, где он стал преподавать в школе для вольнонаемного состава и заведовал ботаническим кабинетом Соловецкого общества краеведов. Здесь же в лагере молодой ученый начал заниматься огородным хозяйством, старался развивать растениеводство, однако основная его деятельность развернулась после освобождения в 1932 г. Сначала его пригласили в Архангельск, а затем, в 1941 г., в Сыктывкар. Он продолжает исследования сорно-полевой растительности, а также занимается вопросами многолетних растений и биологией кормовых трав в посевах. Он – автор статей и монографий по вопросам кормопроизводства, улучшения лугов и пастбищ, кормовой базы животноводства, изучения искусственных травостоев в тундре.

И хотя, в общем, подконвойный принудительный труд по своей природе не может быть созидательным, среди репрессированных биологов были истинные патриоты своего дела. Усилиями этих ученых был накоплен племенной опыт в животноводстве, в интенсификации луговодства, в агротехнике и селекции овощных культур.

В 1938 г. после реорганизации Ухтпечлага, сельхозы были разделены между Усть-Вымлагом, Воркуталагом, Северным железнодорожным и Ухто-Ижемским лагерями.

В Ухтижемлаг вошли сельхоз Седью, а так же Ухтинский совхоз. Посты руководителей сельских хозяйств обычно занимали вольнонаемные, а специалистами в сельхозах – агрономами, зоотехниками, бухгалтерами – нередко были заключенные. Очень часто начальник сельхоза не находил с ними общий язык.

Подсобные сельские хозяйства, как правило, располагались на берегах рек Ухто-Печорского бассейна. Их старались организовать не далеко от предприятий и промыслов, для того, чтобы удобно было перевозить продукцию потребителю.

С началом Великой Отечественной войны ухудшилось содержание не только заключенных в лагерях, но и животных. Лошадей переводили на 12-часовой рабочий день, в связи с этим резко снизилась их упитанность, которая и ранее была невысокой. Удлинение ежедневной работы не компенсировалось дополнительным фуражом, так как его запасы

были строго рассчитаны на определенный промежуток времени. Это приводило к высокой смертности животных. Снизилась упитанность не только лошадей, но и других животных в связи с сокращением нормы кормов и концентратов. Наблюдалось заметное снижение продукции животноводства, что вело также к плохому обеспечению лагерей.

В животноводстве увеличение поголовья крупного рогатого скота шло за счет собственного приплода, так как завоза со стороны не было. По поголовью лошадей с каждым годом отмечалось уменьшение численности из-за повышения смертности, а так же выбраковки.

В годы войны самостоятельное развитие получили сельхозы в Воркутлаге, которые занимались главным образом животноводством. Именно в военные годы был приобретен первый опыт развития сельскохозяйственного производства за Полярным кругом.

На всех лагерных производствах обеспеченность рабочей силой доходила лишь до 70%. Нехватка рабочих рук особенно остро ощущалась в сельском хозяйстве. В годы войны к работе в подсобных сельских хозяйствах привлекали в основном инвалидов. Это не могло не сказаться на производительности труда.

В первые послевоенные 1945–1946 гг. в связи с неблагоприятными метеорологическими условиями, а также из-за слабой технической базы, плановые сборы урожая практически во всех сельскохозяйственных отделениях лагерей были сорваны. Вместе с тем появляются сдвиги в лучшую сторону в животноводческой сфере. Для оказания помощи больным животным в подразделении лагерей появились ветеринарные стационары. Следует отметить, что качество помещений, оборудованность и оснащенность их не везде была одинаковой, тем не менее, все они обеспечивали больным животным теплое помещение.

При Ухтижемлаге имелся пищекомбинат, где производились забой скота и разделка мяса.

В 1950-е гг. наблюдается рост обеспеченности сельхозов рабочей силой. В наименее благоприятные периоды года, с ноября по апрель, имелись даже ее излишки. А связано это было с тем обстоятельством, что почти весь женский состав и весь ослабленный контингент мужчин направлялись в подсобные сельские хозяйства, независимо от их плановой потребности в рабочей силе.

В этот период времени только у одного Ухтижемского лагеря было 13 подсобных сельских хозяйств. В Воркутинском лагере было примерно 10 сельхозов и несколько сельхозферм. А всего, по данным ухтинского историка А.И.Каневой, было на территории нашей республики 35 лагпунктов-сельхозов, в которых содержалось около 40 тыс. чел.

Урожаи во многом зависели от погодных условий. В связи с исключительно неблагоприятными погодными условиями в 1949 г. было большое невыполнение плана из-за высокого процента гибели посевов. 1950 год был более благоприятным по своим погодным условиям. Сбор урожая по основным видам сельскохозяйственной продукции был даже перевыполнен по некоторым видам культур в 1,5-2 раза. Например, по картофелю и капусте на – 187,3% и 191,4% соответственно, чего никогда до этого не наблюдалось. Такая же ситуация наблюдалась и в животноводстве. Одновременно с увеличением продуктивности крупного рогатого скота в этот период времени стал улучшаться и его породный состав. В совхозе «Ухта» была организована племенная ферма, которая занималась воспроизводством племенного молодняка высокого качества.

В начале 1950-х гг. отмечается снижение себестоимости сельскохозяйственной продукции по причине того, что росла урожайность в земледелии и продуктивность в животноводстве, наблюдался рост производительности труда в сельхозах.

Снижение себестоимости продукции происходило и из-за снижения стоимости рабочей силы в связи с переходом оплаты труда на новую систему премиальных вознаграждений заключенных. Хотя о неорганизованности уборочных работ в сельхозах и больших потерях урожая при хранении постоянно отмечалось в лагерных отчетах.

Несмотря на определенные успехи в развитии сельскохозяйственного производства лагерей после войны, для рядовых заключенных лагеря ощущался постоянный недостаток в еде, особенно для политических заключенных.

В связи со свертыванием репрессивной машины после смерти И.В.Сталина и массовых амнистий в середине 1950-х гг. наблюдается сокращение рабочей силы в исправительно-трудовых лагерях. По Указу Президиума Верховного Совета, весной 1953 г. часть подсобных сельских хозяйств была закрыта. Из-за недостатка рабочей силы, а также сельхозинвентаря планы весеннего сева 1953 г. были снижены. Остались только наиболее крупные подсобные сельские хозяйства. Пахотные земли многих бывших сельских хозяйств ИТЛ были переданы гражданским хозяйствам, расположенным на территории республики. Сенокосные угодья, окультуренные силами лагерей, выделяют промышленным предприятиям, организациям и учреждениям.

За время своего существования сельхозам не удавалось обеспечивать полностью лагеря сельскохозяйственной продукцией в силу как объективных (особенности климата и почв), так и субъективных причин

(злоупотребление начальников лагерей, некомпетентность некоторых руководящих работников).

Но значительный вклад лагерей в развитие сельского хозяйства республики хорошо прослеживается при анализе такого показателя, как динамика посевных площадей. В 1913 г. посевная площадь Коми края равнялась 29,4 тыс. га, а в 1940 г. она уже составляла 90,1 тыс. га. Посевная площадь увеличилась почти в три раза. Ее значительное увеличение произошло и за счет деятельности лагерных хозяйств.

До образования лагерных сельхозов сельское хозяйство в северных районах республики развивалось крайне неравномерно. Огромный вклад лагеря внесли в изучение почвенных особенностей, климата, условий произрастания сельскохозяйственных культур. Благодаря сортоиспытательной и селекционной работе агрономов, были выведены морозоустойчивые культуры картофеля. В сельхозах использовали новые методы лучшего выращивания овощей (теплицы, парники), ранее неизвестные местному населению, а также проводили работы по улучшению породы крупного рогатого скота. Сельскохозяйственная деятельность лагерей была иницирующим фактором в развитии сельского хозяйства на севере Коми АССР. Особенно в развитии таких его отраслей, как овощеводство, растениеводство и животноводство.

Градостроительство на Севере (Урбанизация)

В значительной мере за счет репрессированного населения решались и проблемы урбанизации. В 1959 г. в Республике проживало уже 815 тыс. чел. (вместо 225 тыс. в середине 1920-х гг.), 484 тыс. из них – в семи городах. Появились современные города: Ухта, Воркута, Печора и Инта. Темпы роста городов на территории республики были выше, чем в среднем по стране.

Максимальная концентрация привлекаемого в города населения для обеспечения предприятий рабочей силой осуществлялась путем насильственной миграции.

Место возникновения городов определялось наличием сырьевых запасов, либо сведений о потенциальных запасах природных ресурсов на конкретной территории. Так, Ухта возникла как центр нефтяной отрасли, Воркута и Инта – центры угольной промышленности, Печора – железнодорожный узел, Сосногорск – центр газопереработки, поселок Водный – центр радиевой отрасли.

Порядок складывания поселений городского типа определялся лагерным методом освоения северных территорий республики. Несмотря на общепринятые в науке положения о первоочередном создании социальной инфраструктуры при освоении северных территорий, коло-

низация территории республики лагерным методом обусловила параллельное создание производственной и социальной инфраструктуры при частом опережении первой.

Особенностью условий градостроительства на Севере республики является природно-климатический фактор. Но генеральные планы застройки городов проектировались в соответствии с климатом средней полосы без учета вечной мерзлоты Заполярья, сложных геологических и ветрологических условий, большой протяженности темного времени суток, цветовой бедности естественной природы Севера. Условия *вялой* вечной мерзлоты приходилось учитывать в ходе строительства. Сооружались специальные фундаменты, которые порой превышали по высоте здание, и, безусловно, увеличивали расходы на строительство. Многие архитектурные и строительные задачи выполнялись в экспериментальном режиме. Это касается, например, улицы Московской в Воркуте, где все здания улицы и площади представляют собой оригинальное конструктивное решение, которое рождалось не сразу и основывалось на постепенно накапливающемся опыте строительства в условиях вечной мерзлоты. Одновременно со строительством разрабатывались и теоретические приемы архитектуры Заполярья. Большой вклад в разработку основных направлений развития градостроительства внес архитектор В.Н.Лунев.

Восемь из десяти городов современной Республики Коми построены силами исправительно-трудовых лагерей, т.е. руками заключенных. Исследователь А.А.Беловол выделяет несколько этапов в урбанизационных процессах на территории республики: период барачного строительства (1929–1933 гг.); период деревянной архитектуры (1934–1938 гг.); период предвоенного и военного затишья в строительстве (1939–1945 гг.); период так называемого сталинского «ампира» (1946 – конец 1950-х гг.); период массового использования типовых проектов (с конца 1950-х гг.).

Если для первых трех этапов характерна хаотичная застройка, когда частым явлением было отсутствие плана застройки поселения, то на третьем этапе к строительству городов привлекались репрессированные архитекторы. Облик города на данном этапе определялся архитектурной школой градопроектировщиков, а также субъективным мнением начальников лагерей, которые контролировали строительство лагерного центра. Начальник Ухтпечлага Я.Мороз призывал архитекторов Левитана, Левина и Орлова к тому, что «город должен быть светлым и веселым». Во всех зданиях, выстроенных ими, просматривалось влияние школы русского классицизма XIX в. Если учесть, что рядом с такими зданиями высились нефтяные вышки, то все это прида-

вало особый контраст городу Ухте. В строительстве Воркуты отразилась принадлежность ее создателей к Ленинградской архитектурной школе.

Со сменой руководства лагеря изменялась и градостроительная политика.

В целом, для северных городов республики характерен резкий контраст в застройке – здания «высокой» архитектуры в «центре» города, а вокруг огромное количество убогих сооружений барачного типа. Лишь в 1950-е гг. началось их переустройство под жилые дома, и этот контраст стал нивелироваться.

Сопоставив имеющиеся в литературе оценочные суждения о характере и методах модернизации, в том числе и урбанизации на Севере СССР, представляется возможным предположить, что в значительной степени сохраняется техногенный подход к данной проблеме. В то же время сегодняшние реалии и перспективы дальнейшего развития северных городов требуют активного использования антропологического подхода, чтобы избежать повторения прошлых ошибок.

В лагерном методе, как важнейшей составляющей процесса советской модернизации на Севере, изначально были заложены негативные черты, наиболее ярко проявляющиеся в долговременной исторической перспективе. Это касается как теоретических, так и практических аспектов урбанизации.

Практически не учитывались основополагающие и общеизвестные мировой науке положения и правила освоения северных территорий. Были проигнорированы общеизвестные положения о том, что создание системы социальной инфраструктуры должно опережать строительство промышленных объектов. В.И.Коротаев продолжает и дополняет этот аспект исследования на примере выявления зависимости демографических процессов от принудительной колонизации 1930-х гг. Он отмечает факт отсутствия специально разработанных программ адаптации мигрантов к экстремальным для них условиям проживания на Севере. Кроме того, замечает исследователь, не было разработано программы и для эффективного диалога между мигрантами и коренным этносом.

К теневым сторонам ускоренной социалистической урбанизации (в рамках модернизации) на севере можно отнести и разрушение традиционных форм природопользования коренного населения, деформацию этнического самосознания, сужение сферы использования коми языка.

Лагерное хозяйство в послевоенные годы

В марте 1946 г. Верховным Советом СССР был принят закон «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства

СССР на 1946–1950 гг.». Как и в 1930-е гг., основное внимание уделялось развитию сырьевой и тяжелой промышленности.

В 1946 г. Воркутлаг выполнил план по добыче угля всего на 76,5%. Затруднения в выполнении планов были вызваны, как свидетельствуют архивные документы, «систематическими авариями и простоями механизмов на участках и поверхности. По причинам аварий с механизмами потери составляют не менее 151 тыс. тонн. На участках не было постоянных кадров механиков, электрослесарей, слесарей. Не менее 60% работников, осуществлявших надзор за соблюдением правил техники безопасности, не имели никакой квалификации и с шахтными механизмами впервые встретилось на шахте». Шахтное хозяйство находилось в запущенном состоянии. «Все выработки были захламлены, залиты водой и грязью. В течение первого полугодия почти все лавы не имели запасных выходов. Частые завалы лав и обрушение кровли являлись результатом плохого крепления», – свидетельствуют данные из отчета Воркутлага за 1946 г.

Конечно, данная характеристика объектов лагерного производства была не исключением. Такая ситуация являлась характерной для всего периода существования лагерного хозяйства.

Грубейшее нарушение элементарных норм техники безопасности, халатное отношение к вопросам охраны труда руководством лагерей приводили к росту несчастных случаев на производстве. Журнал учета несчастных случаев, происшедших на шахтах комбината Воркутауголь за 1948–1949, содержит описание следующих обстоятельств несчастных случаев на производстве:

- «1.01.48 – при разбурировании вагонов, груженных породой
- 4.01 – падение пород с кровли
- 5.01 – от взрыва заряженного шнура
- 6.01 – при транспортировке леса
- 10.01 – падение породы
- 11.01 – обвал породы
- 13.01 – падение в ствол
- 18.01 – удар электрическим током при включении пускателя
- 20.01 – электровозом с груженой партией».

Всего за 1948 – начало 1949 г. зафиксировано: «74 несчастных случая со смертельным исходом», 309 – тяжелых телесных повреждений», и это только по шахтам.

Однако добыча угля, газа, нефти в послевоенные годы возрастала. По пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг. предполагалось увеличить добычу нефти на 85%, газа – на 89%, угля – на 43%. Для увеличения заинтересованности заключенных в труде в 1950 г.

приказом МВД СССР была введена заработная плата, должностные оклады и тарифы с учетом понижающего коэффициента.

В 1951 г. было освобождено значительное число заключенных, осужденных в начале войны. Многих из них направляли получать гражданскую профессию на 2- и 4-месячных курсах профтехобразования. Руководство лагерей готовило для производств постоянные кадры.

После смерти Сталина в 1953 г. постепенно началось амнистирование заключенных. Рост вольнонаемных на лагерных производствах происходил за счет амнистированных заключенных.

С 1938 по 1955 г. исправительно-трудовыми лагерями в Коми АССР открыты многочисленные месторождения нефти и газа: 1945 г. – Нибельское газовое; 1946 г. – Войвожское нефтегазовое; 1947 г. – Нямедское газовое; 1949 г. – Кушкодское газовое; 1949 г. – Верхне-Омринское; 1951 г. – Нижне-Омринское; добыты и переработаны миллионы тонн нефти, миллионы кубометров газа; введены в эксплуатацию нефтепровод Войвож–Ухта (1947 г.), газопровод Вой-Вож–Ухта (1948 г.), гелиевый завод (1940 г.), цементный известковый завод; создана угледобывающая промышленность; построена и сдана в эксплуатацию Ярегская нефтешахта мощностью 125 тыс. тонн нефти в год; построено 10 сажевых заводов; разработана технология производства битума с коротким производственным циклом; начато производство радия.

Вышеприведенный перечень работ отражает далеко не полную картину производственной деятельности лагерей. Но очевидно, что в результате труда сотен тысяч заключенных Коми АССР стала важной топливно-сырьевой базой Европейского Севера.

Всего на территории Коми АССР в 1920-е – 1950-е гг. было организовано 19 лагерей, управлений или лагерных комплексов. Развитие лагерной системы в республике представлено в табл. 7.

Главный принцип организации процесса в ГУЛАГе – слияние производственного и лагерного комплексов в единую лагерно-производственную иерархическую структуру – до 1953 г. оставался неизменным и на территории Коми. В середине 1950-х гг. проходят последние реорганизации лагерей, призванные преобразовать лагерное производство в гражданское.

Освоение территории республики лагерным методом носило директивный жестко-регламентированный характер. Все делалось по сценарию центра: Сталина, Политбюро и правительства. Ни одно принципиальное решение не принималось на месте. Республиканские, советские и партийные органы лишь «одобряли» принятые наверху постановления. Проводником воли центра был НКВД, а основными исполнителями являлись заключенные.

Таблица 9

Динамика развития лагерей и численности заключенных
в Коми АССР в 1920–1950-е гг.

Названия лагерей	Годы					
	1929	1930	1931	1932	1933	1934
Северные лагеря ОГПУ	28.06+ 01.10 9250 ср/год 24700	01.01 20276 Ср/год 42832	06.06.- 01.01 49716 ср.январь 41300			
Усть-Вымский ИТЛ ОГПУ	+		06.06+ 01.07 23056 ср\год 21300	05.03-		
Ухтинская экспе- диция ОГПУ	+ 09. 125		06.06.- 01. 824			
Ухто-Печорский лагерь			06.06.+	Ср/год 9012	Ср/год 20886	01.01 23840 Ср/год 22612
Локчимский ИТЛ						
Усть-Вымский ИТЛ						
Ухто-Ижемский ИТЛ						
Воркутинский ИТЛ						
Северный Железнодоро- жный ИТЛ						
Северо- Печорский ИТЛ						
Верхне- Ижемский ИТЛ						
Интинский ИТЛ						
Заполярный ИТЛ (Строительство 301)						
Щугорский ИТЛ						

Продолжение табл.9

Названия лагерей	Годы					
	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Северные лагеря ОГПУ						
Усть-Вымский ИТЛ ОГПУ						
Ухтинская экспедиция ОГПУ						
Ухто-Печорский лагерь	01.01 20730 Ср/год 20965	01.01 21750 Ср/год 23482	01.01 31035 12. 13400	10.05.- 01.01 54792		
Локчимский ИТЛ			16.08+	01.01 18937	01.01 26242	17.08.- 01.01 22585
Усть-Вымский ИТЛ			16.08+	01.01 5222	01.01 11974	01.01 10928
Ухто-Ижемский ИТЛ				10.05+ 01.07 30453	01.01 27006	01.01 19493
Воркутинский ИТЛ				10.05+ 01.07 15009	01.01. 17923	01.01 16509
Северный Железнодорожный ИТЛ				10.05+ 01.10 25199	01.01 29405	01.01 26310
Северо-Печорский ИТЛ						14.05+ 01.07. 3851
Верхне-Ижемский ИТЛ						
Интинский ИТЛ						
Заполярный ИТЛ (Строительство 301)						
Щугорский ИТЛ						

Окончание табл.9

Названия лагерей	Годы					
	1941	1942	1943	1944	1945	1946
Северные лагеря ОГПУ						
Усть-Вымский ИТЛ ОГПУ						
Ухтинская экспедиция ОГПУ						
Ухто-Печорский лагерь						
Локчимский ИТЛ	01.01 10269					
Усть-Вымский ИТЛ	01.01 14056 01.07 24183	01.01 21953	01.01 24245	01.01 13615	01.01 15338	01.01 12357
Ухто-Ижемский ИТЛ	01.01 23214 01.07 39087	01.01 25331	01.01 22827	01.01 15304	01.01 12896	01.01 11014
Воркутинский ИТЛ	01.01 19080 01.07. 27393	01.01 28588	01.01 27793	01.01 25333	01.01. 39711	01.01 52195
Северный Железнодорожный ИТЛ	01.01. 84893 01.07 66926	01.01. 53344	01.01. 29741	01. 14754	01. 12418	01.01. 13546
Северо-Печорский ИТЛ	01.01. 34959 15.06. 91664	01.01 102354	01.01 58825	01. 23019	01. 33598	01.01. 34826
Верхне-Ижемский ИТЛ	17.11.+	17.07-				
Интинский ИТЛ	17.11+		01.01. 6502	01.01. 7536	01.01. 9268	01.01. 14885
Заполярный ИТЛ (Строительство 301)	23.03.+ 01.12. 999	01.01 995	25.01- 01.03 571			
Щугорский ИТЛ					15.09+	13.12- 01.01. 2286 01.12. 4491

Историк А.Ф.Сметанин отметил, что в итоге в республике сложились две хозяйственные системы, во многом не зависимые друг от друга: традиционная, местная, включавшая традиционные виды хозяйства, местную промышленность и часть лесной отрасли, и новая, созданная силами ИТЛ, включавшая нефтяную, газовую, угольную, радиевую, большую часть лесной и сопутствующие им производства.

Что касается хозяйственных стратегий ГУЛАГа, то они не оставались неизменными. Это была тотальная индустриализация Северного края, в том числе Коми в конце 1920-х – начале 1930-х гг., которая сменилась установкой на комплексное освоение Печорского района единым многопрофильным лагерем Ухтпечлагом. А затем во второй половине 1930-х гг. произошел поворот к производственной специализации более мелких относительно компактных лагерей, обслуживающих различные промышленные отрасли, строительство железной дороги и др.

Хозяйственные стратегии ГУЛАГа определялись в центре: об этом свидетельствует длинный перечень постановлений ЦК ВКП(б), СНК, СТО и т.д. Стратегии эти были подчинены цели создания новой топливной базы на севере страны – это было нужно для обеспечения обороноспособности государства. Но при реализации спущенных сверху программ не только бездумно истреблялись силы и таланты узников лагерей, но и игнорировались интересы местного населения.

Рекомендуемая литература

Власов А.В. Проблема индустриального развития регионов и роль государства в этом процессе (на примере Русского Севера) // Индустриализация в России. – М., 1997.

Жеребцова И.И. Яков Мороз: палач или жертва // От Воркуты до Сыктывкара. Судьбы евреев в Республике Коми. – Сыктывкар, 2003.

Канева А.Н. Ухтпечлаг // Молодежь Севера. – 1989. – 26 апр.

Канева А.Н. Гулаговский театр Ухты. – Сыктывкар, 2001.

Кузиванова О.Ю. «Это место для лагеря – наилучшее» (документы к истории ГУЛАГа на территории Республики Коми) // Родники пармы. Научно-популярный сборник. – Сыктывкар, 2000. – Вып. 5.

Максимова Л.А. Лагеря и индустриальное освоение Севера // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 8. – 1997. – Вып. 2. – С. 75.

Максимова Л.А. Лагерная индустриализация в Коми: опыт анализа // Серия препринтов «Научные доклады». – Сыктывкар: СыктГУ, 2005.

Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. – Сыктывкар, 1997.

Наумова Г.Р., Никонов А.В. Национальный фактор в индустриализации регионов // Индустриализация в России. – М., 1997.

Политические репрессии в России. XX век. – Сыктывкар, 2001.

Сметанин А.Ф. Региональные экономические и политические проблемы развития национальной государственности коми народа в 20-е – 30-е годы //

Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. Вып. 1. – Сыктывкар, 1991. (Труды Ин-та яз., лит-ры и истории; Вып. 52).

Ясный В.К. Крепостной театр // Покаяние: Мартиролог. – Сыктывкар, 1999. – Т. 2.

Очерк 8. СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В 1930–1950-е ГОДЫ

С первых лет своего существования Советское правительство, увлеченное идеей быстрого построения социализма, решило перевоспитать противников советской власти трудом. В середине 1923 г. в СССР насчитывалось 702 исправительных учреждения: концлагеря, исправдома, тюрьмы, сельскохозяйственные поселения и дома заключения. В них содержалось около 140 тыс. чел. На рубеже 1920–1930-х гг. в репрессивной политике первенство отдается экономическим целям. Об этом свидетельствует факт вовлечения ГУЛАГа в выполнение пятилетних планов. Весной 1929 г. в ЦК ВКП(б) была образована комиссия под председательством Н. Янсона, выработавшая предложения о применении труда заключенных. Политбюро утвердило соответствующее решение 27 июня 1929 г. В стране начала формироваться сеть исправительно-трудовых лагерей ОГПУ.

Государственная политика в области спецпереселения характеризовалась, прежде всего, строго прагматическим характером и преследовала решение целого комплекса задач. В апреле 1930 г. Г. Ягода высказал идею колонизации Севера и освоения колоссальных природных ресурсов путем создания тюрем и лагерей, а также сети колонизационных поселков. Поток принудительной миграции стали направлять осознанно, с учетом целей и задач осуществления экономической политики. Отныне в балансе рабочей силы, требуемой для освоения восточных территорий страны, спецконтингент играл важную, а в реализации ряда народнохозяйственных программ, даже решающую роль.

Начало проведения массовых насильственных переселений связано с коллективизацией сельского хозяйства в СССР, которая сопровождалась раскулачиванием части крестьян. Политбюро 30 января 1930 г. утвердило постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В соответствии с данным постановлением часть кулачества «подлежала высылке в отдаленные местности Союза ССР и в пределах данного края в отдаленные районы края».

Первым нормативным актом, фактически узаконившим выселение, стало постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г., которое предоставило советским органам на местах право «выселения кулаков» с конфискацией их имущества. В дополнении и разъяснении к данному постановлению была разослана секретная инструкция ЦИК и СНК СССР нижестоящим органам «О мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков, конфискации их имущества» от 4 февраля 1930 г. По существующему тогда уголовному законодательству было два блока

наказаний: лишение свободы (заключения в колонии, тюрьмы, лагеря), а также высылка и ссылка в административном и судебном порядке. Формально выселение крестьянства могло считаться ссылкой, поскольку «раскулаченные» доставлялись принудительным путем в конкретные районы на поселение под надзор карательных органов без права выезда из них. Однако это переселение не попадало под определение ссылки, так как крестьяне ссылались семьями, включая грудных детей и глубоких стариков, плюс сроки пребывания на поселении не были определены.

Требовалось законодательно оформить бессрочную ссылку на поселение с принудительным трудом. Выход был найден без изменения законодательства. Принудительная высылка крестьян с осени 1930 г. получила наименование «спецпереселение», а высланные «раскулаченные» стали именоваться спецпереселенцами. Спецпереселение не считалось карательной акцией, оно считалось особой формой переселения с применением для раскулаченных ряда правовых ограничений. Спецпереселенцы формально не были репрессированы и не лишались свободы, но фактически были таковыми, так как лишались двух основополагающих прав – гражданского (считались «лишенцами», пораженными в избирательных правах) и права на передвижение (запрещение покидать спецпоселки).

В ходе коллективизации 1930 и 1931 гг. было выселено в принудительном порядке с мест постоянного проживания в отдаленные районы страны 381026 семей, общей численностью 1803392 чел. Большинство имели статус спецпереселенцев, меньшую часть составили ссыльные (отправленные в ссылку на сроки) и административно-ссыльные (отправленные в ссылку навечно).

Спецпереселение не ограничилось принудительной высылкой части раскулаченных крестьян. Выселение определенных категорий репрессированных граждан для проживания в режиме спецпоселения в отдаленные районы страны продолжается до 1950-х гг. Общий процесс спецпереселения с 1930 по 1950-е гг., как и в целом по СССР, можно разделить на три периода.

Первый период – 1930–1939 гг. В ходе сплошной коллективизации сельского хозяйства более 1 млн. чел. были высланы с мест постоянного проживания в отдаленные районы страны. Частичное переселение продолжалось на протяжении всего десятилетия, но 1930–1931 гг. выделяются как годы наиболее массового и интенсивного выселения спецпереселенцев. Основными районами выселения были Поволжье, Центрально-Черноземные области, Северный Кавказ, Средняя Азия, основными районами вселения – Север, Урал, Сибирь, Казахстан. Высылались раскулаченные «хозяйствами» и к местам заселения прибывали целыми

семьями с некоторым имуществом. Кроме районов сплошной коллективизации, выселения производились также в 1936 г. из приграничных с Польшей районов Украины и Белоруссии лиц польской национальности, а также в 1937 г. с приграничной полосы территории Армянской, Азербайджанской, Туркменской, Узбекской и Таджикской ССР.

Второй период – 1940–1943 гг. На данном этапе на спецпоселения были высланы раскулаченные на аннексированных (присоединенных) территориях. В 1940–1941 гг. из Западной Украины и Белоруссии, а также из Литвы были высланы поляки и евреи. В 1941 г. была ликвидирована автономная республика немцев Поволжья. Практически все поволжские немцы были выселены и дополнили состав спецпереселенцев. Общее число спецпереселенцев по СССР на 1941 г. составило 930221 чел. В 1942 г. в Краснодарском крае и Ростовской области было осуществлено переселение «неблагонадежного элемента», в основном лиц греческой, крымско-татарской, немецкой и румынской национальностей. В 1943 г. была осуществлена депортация с Северного Кавказа.

Третий период – 1944–1956 гг. Характерной чертой данного этапа является то, что в состав спецпереселенцев вошли самые разные категории репрессированного населения: депортированные (представители перемещенных народностей и выселенные), военнопленные, репатриированные*, интернированные**, участники и члены семей националистических и религиозных организаций, высланные по различным указам и постановлениям и др.

В историографии 1944 год именуется «годом большого переселения», так как в 1944 г. были произведены массовые депортации и переселения из самых различных районов страны. С Северного Кавказа было выселено 650 тыс. чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, балкарцев. С территории Крыма в ходе «чистки антисоветского шпионского элемента» было депортировано 255 тыс. крымских татар, болгар, греков, армян и лиц иностранного подданства. Из приграничных районов Грузинской ССР было выселено в Узбекскую, Казахскую и Киргизскую ССР 91 тыс. турок, курдов, хемшилов, тюрков, аджарцев, грузин.

*Репатриации – возвращения граждан СССР с 1944 г. с оккупированных Германией во время войны территорий и с территории Германии. После проверочно-фильтрационных пунктов репатриированные частично возвращались свободными гражданами, частично в связи с определенной «неблагонадежностью» отправлялись на спецпоселения и в лагеря.

**Интернирование – особый режим ограничения свободы (поселение в определенной местности и т. д.), устанавливаемый одной воюющей стороной в отношении проживающих на ее территории гражданских лиц другой стороны или нейтральным государством в отношении военнослужащих воюющих государств.

Из Воронежской, Орловской и Рязанской областей были выселены члены религиозной секты «истинно православные христиане» с семьями.

Выселения продолжают практически на протяжении всего третьего этапа спецпереселения. В 1945–1948 гг. на спецпоселения поступило 120 тыс. немцев (репатриированные из Германии и Австрии, мобилизованные в «трудармию» во время войны, выселенные из приграничных районов СССР). В 1944–1952 гг. происходило выселение членов семей ОУНовцев (участников организаций украинских националистов, т.е. бандеровцев, мельниковцы и др.) На 1945–1949 гг. пришлось активное выселение из Прибалтики. В 1944–1945 гг. были выселены члены семей «фольксдойче» из Украинской ССР и «немецких пособников» из городов Северного Кавказа. В 1946–1947 гг. на спецпоселение поступило около 150 тыс. «власовцев», к ним относились служившие в армии Германии и ее союзников, изменнических воинских формированиях, полиции, органах оккупационной администрации и т.д., а также бывшие в плену советские солдаты и офицеры. В 1949 г. были осуществлены переселения части жителей Грузинской, Армянской, Азербайджанской ССР, Северного Кавказа и Черноморского побережья. В 1950 г. из Грузинской ССР были выселены иранские подданные, иранцы без гражданства и бывшие иранские подданные. В 1950 г. из районов, отошедших после войны от Латвии и Эстонии Псковской области, были переселены «кулаки, националисты, семьи бандитов и «бандпособников». Бывшие басмачи с семьями были выселены в 1950 г. из Таджикской ССР. «Андерсовцы» – бывшие военнослужащие польской армии Андерса, прибывшие в конце 1940 гг. по репатриации в СССР из Англии, в 1951 г. были выселены вместе с семьями из западных областей Украины и Белоруссии, а также из Литвы.

На третьем этапе появилась еще одна категория помимо вышеназванных – это «указники», выселенные по следующим указам: «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» от 4 июня 1947 г.; «Об ответственности за уклонение от общественно-полезного труда и за ведение антиобщественного паразитического образа жизни в сельском хозяйстве» от 2 июня 1948 г.; «Об ответственности за уклонение от общественного труда и за ведение паразитического образа жизни» от 23 июля 1951 г. В 1951 г. на спецпоселение была отправлена часть заключенных лагерей военнопленных и интернированных (лиц, перемещенных с территории европейских государств в 1944–1945 гг.).

Заселение спецпереселенцев в Коми АССР* также происходило по трем этапам, в 1930-е гг. были заселены раскулаченные, в начале 1940-х гг. – поляки, евреи и немцы, во второй половине 1940-х гг. – немцы, члены семей ОУНовцев, «власовцы», литовцы и др. Всего в Коми автономную область – Коми АССР в 1930–1950-е гг. было переселено более 100 тыс. спецпереселенцев.

В чем же были причины принудительных переселений столь больших масс населения, с лишением их определенных гражданских прав? Исследователь Т.И. Славко отмечает, что при переселениях в 1930-е гг. «партия и правительство предусматривали двоякую цель: взять у деревни дешевые рабочие силы, перераспределив их в промышленность, а за счет конфискации у них движимого и недвижимого имущества и передачи его в коллективную собственность батрацко-середняцким слоям, поддержать хотя бы минимальный уровень производства». Исследователь В.М. Кириллов, отмечает, что помимо решения экономических задач преследовались политические и идеологические цели: «нужно было утвердить в сознании народа утопически-уравнилельные принципы коммунизма, опорочив трудовое единоличное крестьянское хозяйство и искоренив психологию зажиточности».

Крупнейший исследователь депортаций (массовых переселений по национальному признаку и малых народностей) Н.Ф.Бугай выделяет следующие причины депортаций: несовершенство форм и методов реализации многих задач в национальных районах в ходе социалистического строительства, принудительность в коллективизации, незавершенность национально-государственного и административно-территориального устройства, постоянное «подхлестывание» в развитии сфер экономики, унификация национальных отношений, репрессии. Надо сказать, что экономические причины депортаций наиболее явно прослеживаются не на примере регионов выселения, а на примере регионов вселения, так называемых в историографии спецпереселенческих регионах, одним из которых являлась Коми АССР.

Следует сказать, что приведенные точки зрения на причины спецпереселения высказывались относительно 1930-х гг., когда на спецпоселения были высланы раскулаченные крестьяне. Изучение же спецпереселения на протяжении всего периода его существования (1930–1950-е гг.), когда высылались в отдаленные районы страны разные категории репрессированного населения, и изучение со стороны регионов вселения, «изнутри», позволяет говорить о том, что экономические потребности государства с течением времени играли приоритетное зна-

*С 1921 до 1936 г. – Коми автономная область, с 1936 г. – Коми АССР.

чение при проведении принудительных переселений. Освоение мало-заселенных и важных в плане промышленного развития страны регионов стало главной целью политики спецпереселения, причем именно потребности регионов вселения спецпереселенцев диктовали дальнейшие шаги в проведении массовых переселений на протяжении рассматриваемого периода. На примере Коми Автономной области (с 1936 г. – Коми АССР) в 1930–1950-е гг. это проявлялось довольно четко.

На протяжении всего процесса спецпереселения общий контроль в работе по спецпереселенцам осуществлял НКВД (МВД), так как спецпереселенцы как лишенные некоторых гражданских прав, находились под юрисдикцией ОГПУ НКВД. При НКВД был создан специальный отдел по спецпереселенцам, который с течением времени менял названия и видоизменялся:

- Отдел по спецпереселенцам ГУЛАГа НКВД СССР – с июня 1931 г. по 1940 г.;

- Управление ИТК и трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР – с 1940 г. по февраль 1941 г.;

- Отдел трудовых и социальных поселений ГУЛАГа НКВД СССР – с февраля 1941 г. по январь 1944 г.

- Отдел спецпоселений НКВД СССР создан 24 марта 1944 г. как самостоятельная структура.

Решением Совета Министров СССР от 14 июня 1950 г. о передаче отдела спецпоселений (ОСП) МВД СССР в МГБ была предусмотрена организация 9-го управления МГБ СССР, на который возлагалась работа по руководству над спецпоселками. После объединения МВД и МГБ, приказом МВД СССР от 25 апреля 1953 г., вместо 9-го Управления МГБ был создан в составе МВД отдел «П», который выполнял все функции ранее существовавшего Отдела Спецпоселений НКВД–МВД. Отдел «П» 30 октября 1954 г. был переименован в 4-й Спецотдел МВД СССР, предназначался для осуществления административного надзора за спецпереселенцами, ссыльнопоселенцами и ссыльными, расселенными на территории РСФСР, Казахстана, Киргизии, Карело-Финской ССР, Таджикистана, Туркмении и Узбекской ССР. В 1959 г. 4-й спецотдел МВД СССР был ликвидирован приказом МВД СССР от 27 марта.

Управлением спецпоселков ведали специальные комендатуры ОГПУ в соответствии с «Временными правилами о правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев». Комендатуры ОГПУ помимо своих специальных оперативных и хозяйственных функций осуществляли обычные административные функции. Комендатуры вырабатывали правила внутреннего распорядка, вели учет спецпереселенцев, определяли выбор места и характер работ спецпереселенцев,

подчиненных данной комендатуре; давали разрешение на использование спецпереселенцев на тех или иных видах хозяйственных работ. По их указанию определялась величина продовольственных фондов для снабжения спецпереселенцев, а также нормы их распределения для нетрудоспособного населения. В обязанности коменданта вменялся контроль за «политическим и общественным порядком». В случае нарушения внутреннего распорядка поселка комендант пользовался широкими правами на административные меры взыскания в отношении спецпереселенцев (перевод на более тяжелые и хуже обеспечиваемые работы, подвергать денежным штрафам и арестам, переводить в другие поселки). Жители поселка не имели права без разрешения комендатуры ОГПУ отлучаться за пределы поселка.

На тех предприятиях, где были трудоустроены спецпереселенцы, существовали отделы спецпереселенцев, которые курировали непосредственно производственную деятельность спецпереселенцев. Такой отдел существовал в Коми Автономной области при тресте Комилес - ОСП (отдел по спецпереселенцам). Переселенческий аппарат Комилеса включал в себя также и штат работников по спецпереселению при леспромпхозах. В частности, при руководстве Усть-Куломского леспромпхоза в 1935 г. работу в спецпоселках осуществляли и контролировали инспектор, агроном, техник строительства, счетовод-статистик и восемь завхозов.

Спецпереселенцы, выселяемые в основном в малозаселенные и стратегически важные в плане индустриального развития страны районы, восполняли недостаток рабочей силы регионов. В этом отношении достаточно важным было вести точный учет поступающих в регионы спецпереселенцев. Во многих случаях это оказалось трудно-выполнимой задачей. Если достаточно точно можно сказать, сколько человек было выселено из какого-либо региона, то по спецпереселенческим регионам вследствие высокого уровня смертности и побегов данные по численности спецпереселенцев, зафиксированные в документах, расходятся и поэтому в некоторой степени являются приблизительными. Это относится и к данным по спецпереселенцам, расселенным на территории Коми АССР.

Весь учет спецпереселенцев находился под контролем органов НКВД-МВД. Регистрация спецпереселенцев велась также райисполкомами, райкомендатурами и органами ЗАГС. Учет спецпереселенцев велся по карточной системе, составлялись алфавитные семейные карточки. Отмечалось прибытие, убытие, трудоспособность, браки, рождения, смерти. Отдельно велся учет глав семей и членов семей, находящихся в ИТЛ. Для учета спецпереселенцев выделялись специальные

лица, непосредственно находящиеся под руководством коменданта, либо участковые уполномоченные для ведения учета.

С точки зрения репрессивных органов, спецпереселенцы имели ряд преимуществ, по сравнению с другими категориями подневольной рабсилы, и наиболее подходили для целей колонизации труднодоступных необжитых районов. С одной стороны, высланные крестьяне быстро вживались в местную природную и социальную среду, так как высылались семьями и расселялись в поселках преимущественно высланные из одной местности. С другой стороны, содержание аппарата комендатур обходилось много дешевле лагерного. Объяснялось это тем, что спецпереселенцы селились компактно, в небольшом количестве, в удаленных от населения труднодоступных местах и охраны требовалось немного. Помимо прочего, спецпереселенцы сами занимали определенные должности в поселках (завхозы, помощники мастеров на лесоучастках и др.) и со временем эта практика все больше укоренялась. Как правило, медико-санитарные и школьные учреждения в спецпоселках в основном укомплектовывались из числа самих спецпереселенцев. Учитывая два вышеприведенных фактора, спецпереселенцы являли собой «идеальный материал» для освоения новых территорий. К тому же, что было крайне важно, крестьяне сравнительно быстро адаптировались к любым разновидностям физического труда. Правовое положение спецпереселенцев было таково, что их в любой момент «по производственным соображениям» могли перебросить с одного места на другое, что было с производственной точки зрения очень удобно. Труд спецпереселенцев использовался в различных отраслях народного хозяйства, но чаще всего на работах тяжелых, мало оплачиваемых и низко квалифицированных.

О том, что обеспечение экономики таким ресурсом, как принудительно используемая крестьянская «рабсила», становилось все более приоритетной задачей, свидетельствует тот факт, что на созданную решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 марта 1931 г. комиссию во главе с зам. пред. СНК СССР А. Андреевым возлагалось «наблюдение и руководство работой по выселению и расселению кулаков», в первую очередь, в целях рационального использования труда последних в различных отраслях экономики. Красной нитью через деятельность комиссии А.Андреева проходило рассмотрение заявок от хозяйственных наркоматов и ведомств на использование труда спецпереселенцев.

Один из регионов, который подвергся наибольшему вселению спецпереселенцев, был Северный край, в состав которого до 1936 г. входили Коми автономная, Архангельская и Вологодская области. Коми область, расположенная на территории почти 400 тыс. кв. км, обладала уникаль-

ными природно-сырьевыми запасами. Помимо нефти, газа, угля одним из главных богатств был лес, который занимал более 90% территории области. При этом Коми область относилась к числу немногих регионов, где в структуре леса преобладали наиболее ценные хвойные породы деревьев.

В 1920-е гг. ставилась задача освоить все богатства Коми края как можно быстрее и в больших масштабах. Первый пятилетний план развития Коми области, разработанный к концу 1928 г., предусматривал возрастание удельного веса промышленной продукции в общем объеме производства с 39 до 62%, увеличение объема лесозаготовок – более чем в три раза. Промышленный потенциал области был мизерным. В 1928 г. в Коми области из населения около 260 тыс. чел. общее число промышленных рабочих не превышало 500 чел. В целом хозяйство области находилось на очень низком уровне.

В конце 1920-х гг. лесозаготовительная промышленность республики в связи с недостатком рабочей силы переживала явный кризис. Сезонные рабочие, составляющие основную массу лесозаготовителей, не справлялись с планами заготовки и сплава леса. В Коми Обком ВКП(б) постоянно поступали сводки о том, что работников крайне не хватает и реки стоят, загруженные лесом. В качестве решения проблемы трудовых ресурсов и выполнения планов индустриализации края был выбран путь завоза рабочей силы извне, так как в самой Коми области рабочих рук было явно недостаточно и за счет внутреннего резерва эту проблему решить было нельзя. С 1929 г. в Коми край поступают первые партии заключенных, которые должны были развивать угольный и нефтяной комплексы и железнодорожное строительство, а с 1930 г. – спецпереселенцы, предназначавшиеся для развития лесной промышленности, которая стала «главным фронтом социалистической индустриализации Коми области». Аналогичным образом складывалась ситуация и во многих других промышленно важных регионах.

Работа центра по «распределению» спецпереселенцев шла достаточно четко. Существовали планы, разрядки, по которым определенное количество спецпереселенцев поступало в определенные регионы. Между регионами высылки и Москвой велась активная переписка по согласованию количества переселяемых. В частности, в адрес крупнейшего лесозаготовительного треста Коми области «Комилес» 26 января 1930 г. поступила инструкция, в которой указывалось: «В связи с массовой коллективизацией в высших органах разрабатывается проект расселения кулацкого элемента деревни, преимущественно в северных частях союза, с возможностью для этого элемента заниматься общепольным трудом. Переселение намечается в принудительном порядке».

В ответ на это в Москву был отослан план использования кулаков, преимущественно в лесной отрасли. Центральное правительство посчитало план приемлемым и констатировало, что «в мероприятиях по выполнению решения ЦК о заготовке 65 млн. куб. древесины на 1930 г. одной из важнейших задач должно стать вовлечение крупнейших лесных массивов Северного края, больше 50% из которых находится на территории Коми области». Далее в связи с этим 17 сентября 1930 г. всем крупнейшим лесозаготовительным трестам Северного края ВСНХ направил постановление, в котором было предложено наметить конкретные меры по максимальному использованию спецпереселенцев – «бывших кулаков» на лесозаготовительных работах.

Механизм разработки и принятия ключевых решений по вопросам спецпереселения имел трехуровневый характер. Важнейшую роль здесь играла уже упоминавшаяся комиссия А. Андреева. В качестве рабочего органа Политбюро ЦК ВКП(б) она регулярно заседала и готовила проекты решений Политбюро по спецпереселенцам, опираясь при этом на аппарат органов ОГПУ. Политбюро принимало решения практически без поправок. Пройдя высшую инстанцию, решения оформлялись как постановления СНК или ЦИК СССР. На региональном уровне решение вопросов выписки, расселения и использования труда «кулацких хозяйств» производилось комиссиями по спецпереселенцам, созданным при крайкомах и обкомах ВКП(б). Такая комиссия была создана и в Северном крае, в состав которого наряду с Архангельской и Вологодской областями входила Коми автономная область.

После того, как планы расселения были окончательно оговорены и приняты, заключались договоры на трудовое использование спецпереселенцев между ОГПУ и различными наркоматами, а затем на региональном уровне между органами ОГПУ и промышленными учреждениями. В частности, 28 февраля 1930 г. был заключен договор между областным отделом ОГПУ и Государственным лесопромышленным трестом «Комилес» о передаче в распоряжение треста 5 тыс. «кулацких семей». По договору передача и приемка переселенных семей производилась партиями от 50 до 250 чел. на станциях Мураши, Пинюг, Котлас Пермской железной дороги. Спецпереселенцы находились под юрисдикцией ОГПУ, а Комилес, чтобы использовать их как рабочую силу, должен был заключать соглашения с каждой колонной, которые утверждало ОГПУ.

Первые эшелоны с высланными стали прибывать в конце февраля 1930 г. из Украины, Центральных черноземных областей, Нижне-Волжского края, Средней Азии, Белоруссии и Крыма. Раскулаченные также выселялись на Урал, в Сибирь и Казахстан. К августу 1930 г. по 11 райо-

нам СССР было расселено 51889 кулацких семей, примерно 250 тыс. чел. К 1932 г. было 22 района спецпоселений. Как указывалось в записке председателя ОГПУ Г. Ягоды, к январю 1932 г. в этих районах было расселено 1,4 млн. чел. Из данных этой записки следует, что в Северном крае, в состав которого входила Коми автономная область, было расселено 131313 чел. в 189 поселках. В 1930–1931 гг. в Коми область было вселено 40325 чел., которые были расселены по Сыктывдинскому району – 4233 чел., по Сторожевскому – 3428, Усть-Вымскому – 7237, Усть-Куломскому – 8496, Визингскому – 5944, Троицко-Печорскому – 4510, Прилузскому – 3645, Кожвинскому – 1342 и Усть-Цилемскому – 2 тыс. чел.

Численность спецпереселенцев с 1930 по 1933 г. в целом по Северному краю возросла, однако в Коми области к 1932 г. численность спецпереселенцев сократилась до 38 тыс. чел. В области помимо спецпереселенцев проживало 10447 административно-высланных. Спецпереселенцы, административно-высланные и «местный контрреволюционный элемент» по отношению к местному населению (222542 чел.) составляли 22%, всего 50673 чел. Как указывалось в документах, «пораженность антисоветским и контрреволюционным элементом» в отдельных районах доходила до 38-39% (Усть-Куломский и Сторожевский), а в Троицко-Печорском районе – 102%. То есть количество вселяемых в отдельных районах даже превышало число местного населения.

После 1931 г. выселение раскулаченных продолжалось, но масштабы спецпереселения резко сокращаются. В частности, в Коми область спецпереселенцы поступали после 1931 г. уже небольшими партиями. Например, 2 августа 1935 г. между УНКВД и трестом Комилес был заключен договор о приеме Комилесом 680 семей спецпереселенцев (2380 чел.) с расселением в Сыктывдинском, Усть-Вымском и Усть-Куломском районах.

Следует сказать о национальном составе раскулаченных крестьян, завезенных для проживания в режиме спецпоселения в Коми область. Подавляющая масса спецпереселенцев состояла из русских. Вторую группу составляли немцы. В численном отношении на 1932 г. это выглядело следующим образом: из 38902 чел. было учтено русских – 35149 чел., немцев – 2359, татар – 505, поляков – 31, чувашей – 265, представителей мордвы – 283, армян – 39, евреев – 9, киргизов – 143, чехов – 83.

Численность спецпереселенцев в Коми области после 1932 г. начинает резко сокращаться. Если в 1932 г. спецпереселенцев насчитывалось в январе – 39184, а в мае – 38103 чел., то к 1933 г. их численность сократилась до 24932 чел. В 1934 г. спецпереселенцев было уже 17859 чел., а к концу 1935 г. – 16954 чел. Во второй половине 1930-х гг. число раску-

лаченных на спецпоселениях в республике остается стабильным – около 17 тыс. чел. В частности, на 1 октября 1938 г. было учтено 17955 чел.

Основными причинами уменьшения численности спецпереселенцев были высокий уровень смертности и бегство из спецпоселков. Например, за 1934–1935 гг. с поселков Усть-Куломского района бежало 615 чел. или 19% взрослого населения. Однако основной причиной уменьшения числа спецпереселенцев в Коми крае был высокий уровень смертности вследствие неблагоприятных условий жизни в спецпоселках и распространения эпидемических заболеваний среди спецпереселенцев. По данным сплошного обследования спецпоселков, в 1932 г. количество умерших составило 10509 чел., в том числе 6362 мужчин, 4147 женщин, 2108 детей до года. Аналогичная ситуация сложилась во многих спецпереселенческих регионах.

Исторически сложилось так, что начало (1930 г.) и конец (1953–1954 гг.) «кулацкой ссылки», т.е. начало выселения и освобождение спецпереселенцев, были связаны с началом и концом всего процесса спецпереселения, в ходе которого под категорию спецпереселенцев попали не только репрессированные крестьяне, но и многие другие. Еще одна характерная черта состоит в том, что на первом этапе спецпереселения (1930–1939 гг.), были заложены «традиции» спецпереселения, отработана схема осуществления спецпереселения, регламентация данного процесса. «Традиционность» заключается также в том, что в последующие годы сохранились все проблемы со снабжением спецпоселков и их обслуживанием, высокий уровень заболеваемости и смертности.

В 1930–1931 гг. в Коми области сложилась целая сеть новых населенных пунктов – спецпоселки. Поселки в начале их организации переносились, закрывались, объединялись и в итоге к 1938 г. их число сократилось с 42 до 36. Поселки, т.е. жилье и административные постройки, строились самими спецпереселенцами, которые в течение двух-трех лет перемещались из землянок в бараки. По замыслу руководства спецпоселки должны были стать совершенно автономными населенными пунктами. Поэтому в каждом спецпоселке были организованы сельхозартели для снабжения спецпереселенцев продуктами. Были также организованы детские сады и школы, на которые возлагалась обязанность ухода за детьми работающих родителей.

В условиях Севера эти замыслы были труднореализуемы. Урожай в сельхозартелях, за исключением некоторых передовых колхозов, был минимальным. Обеспечить спецпереселенцев полностью продуктами сельхозартели не могли. При этом было установлено, что поселки организовывались в удалении от местных населенных пунктов, т.е. сел и деревень. Отсутствие связи и дорого привело к голоду в спецпоселках

в 1932–1933 гг., высокому уровню инфекционных заболеваний и вследствие этого высокому уровню смертности. Многие из этих проблем сохранились в 1940-е гг. при поступлении новых партий спецпереселенцев и организации новых спецпоселков. Тем не менее следует отметить, что в 1930-е гг. в Коми АССР возникает совершенно новый тип поселения – рабочие поселки, в которых благодаря труду спецпереселенцев развивались спецпоселковые колхозы, функционировали школы, больницы, детские сады, детские дома, инвалидные дома и другие учреждения.

Особое место в рамках спецпереселения занимает Великая Отечественная война. В ходе войны численность высланных крестьян на спецпоселениях сокращается. Если в момент пика репрессий против крестьянства (1930–1931 гг.) численность спецпереселенцев составила 1,6–1,8 млн. чел., то в начале войны в трудссылке находилось около одного миллиона человек, в начале 1945 г. трудпоселенцев, состоявших на учете в комендатурах, насчитывалось уже 631 тыс. чел. Начиная с 1939 г. на высшем партийно-государственном уровне в перечне рассмотренных вопросов и принятых решений абсолютно доминировали постановления по «этнической» депортации, в сравнении с проблемами «кулацких» трудпоселений. В первой половине 1940-х гг. отправленными на спецпоселение и соответственно получившими статус спецпереселенцев были в подавляющем большинстве представители депортированных народов. В определенной степени некоторые депортации можно считать продолжением «кулацкой ссылки», так как, например, из присоединенных в 1939 г. Западной Украины и Западной Белоруссии выселялись в основном крестьяне, подвергшиеся раскулачиванию в предвоенный период.

Одной из основных причин заселения новых партий в Коми АССР с 1940 гг. было сокращение численности спецпереселенцев и соответственно числа кадровых рабочих в лесной промышленности. В 1939 – начале 1940-х гг. в Москву из Коми АССР методично направлялись запросы на ввоз «дополнительной рабочей силы», так как планы лесозаготовок все увеличивались, потребности страны росли, а собственных ресурсов для пополнения кадровых рабочих в лесу в Коми АССР не было. Схема, заложенная в 1930-е гг., действовала и в 1940-е гг. Сначала направлялся запрос в центр, оттуда спускался прогнозируемый «план завоза», потом в регионах определяли, сколько может принять людей то или иное предприятие, исходя из производственных мощностей и жилищных возможностей, потом опять в центр уходила бумага с уточненными данными, и довольно быстро после этого начинали прибывать эшелоны.

Первой крупной партией, заселяемых для проживания в режиме спецпоселения в 1940-е гг., были «польские осадники и беженцы». Советское государство в 1939–1940-е гг. осуществило целый ряд массовых переселений, жертвами которых стали поляки различного гражданства и польские граждане других национальностей (в частности, украинцы, белорусы, евреи). В 1940–1941 гг. было проведено несколько мероприятий по массовому насильственному выселению из присоединенных западных областей, в результате которых в спецпоселках и под административным надзором НКВД в северных и восточных районах СССР оказалось около 320 тыс. граждан довоенной Польши.

Всего за 1940–1941 гг. было выселено 140–141 тыс. спецпереселенцев-осадников, 61 тыс. административно-высланных, 78–79 тыс. спецпереселенцев-беженцев и 37–42 тыс. ссыльнопоселенцев – всего около 323 тыс., которые были расселены в 19 регионах СССР. Под «осадниками» понимались бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в советско-польской войне 1920 г. и получившие землю в районах, заселенных украинцами и белорусами, под «беженцами» – граждане тех же областей Западной Украины и Западной Белоруссии, но главным образом еврейского происхождения.

В Коми АССР «польские осадники и беженцы» из Западной Украины и Западной Белоруссии были завезены в основном в период с февраля по июль 1940 г. Прибыло 18842 спецпереселенца, из которых около 10 тыс. «осадников» и более 8 тыс. «беженцев». Всего за 1940 г. в Коми АССР переселили 19388 «польских осадников и беженцев». В августе 1940 г. на предприятиях Комилес и Вычегдалес было трудоустроено 15781 чел. В основном поляки были размещены в Прилузском, Сыктывдинском, Железнодорожном и Сысольском районах.

С 1941 г. численность поляков в республике начала сокращаться. Указом Верховного Совета СССР от 12 апреля 1941 г. польские граждане, как военнопленные, так и находящиеся в спецпоселках, лагерях и проживающие в советских городах, были амнистированы, им предоставлялось право свободного проживания на территории СССР, не находящейся на военном положении, как иностранцам. По данному указу об амнистии поляки не могли покинуть СССР. С 1941 г. польские граждане вступали в формирующуюся польскую армию Андерса и в 1942 г. вместе с армией смогли покинуть Советский Союз. К 1943 г. численность поляков в Коми АССР (за исключением лагерей) сократилась до 8240 чел.

По постановлению Совнаркома СССР от 5 апреля 1944 г., Союз польских патриотов руководил переселением польских граждан из Коми АССР. Всего на 2 апреля 1944 г. в Коми АССР на спецпоселении про-

живало 8041 бывших польских граждан, в том числе 2234 детей до 16 лет, в том числе находящихся в детских домах – 399, а также поляков в инвалидных домах – 84 чел. Был составлен график отправки 7552 чел. в Ростовскую область, Ставропольский и Краснодарский края. Отправка была намечена на май-июнь. После 1944 г. в Коми АССР категория спецпереселенцев «польские осадники и беженцы» практически исчезает, вследствие чего особый учет по данным лицам после 1944 г. уже не велся. В 1944 г. численность поляков резко сократилась и в целом по стране, однако в 1948 г. из более 200 тыс. польских граждан, высланных для проживания в режиме спецпоселения в 1940 г., оставалось на спецпоселении еще 32 тыс. чел.

С 1941 г. в Коми АССР начали заселять немцев и эвакуированных трудпоселенцев*. Выселения советских немцев с мест постоянного проживания по национальному признаку продолжались с 1941 по 1948 г. До 1941 г. множество немцев были подвергнуты раскулачиванию в ходе массовой коллективизации и выселению как «бывшие кулаки». Эта категория немцев, подвергшаяся в 1941 г. повторному выселению, по учетным документам была приписана к трудпоселенцам.

В 1939 г. в СССР насчитывалось 1427232 немца. Из них 366685 проживали в АССР немцев Поволжья, 392485 – на Украине, 51299 – в Крымской АССР, 34287 – в Краснодарском крае, 45689 – в Орджоникидзевском крае, 23133 – в Азербайджане, 20527 – в Грузии и т.д. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» была начата массовая депортация в Сибирь и Казахстан. Было переселено свыше 400 тыс. чел. Помимо Республики немцев Поволжья, выселение лиц немецкой национальности производилось из Тамбовской, Ивановской, Ярославской, Пензенской, Свердловской, Воронежской областей, Чувашской автономной области, Крымской автономной республики, а также с Дона и Северного Кавказа. Как указывает исследователь Н.Ф. Бугай, по данным архива спецпоселений НКВД СССР, всего в 1941–1942 гг. было переселено 1209430 немцев.

В начале войны немцы на спецпоселения в Коми АССР поступали в основном в составе эвакуированных из прифронтовых районов как

*В 1940-е гг., когда для высылки на спецпоселения начали определять другие категории репрессированного населения помимо «бывших кулаков», высланных в 1930-е гг. стали называть «трудпоселенцами» и «трудпереселенцами», а высланных в 1940-е гг. – «спецпереселенцами». В конце 1940-х гг. все категории высланных, в том числе «бывших кулаков», стали именовать спецпереселенцами, но наряду с ними появилась такая категория как ссыльнопоселенцы.

«лица враждебной на период войны национальности». Основную массу из эвакуированных в Коми АССР спецпереселенцев составили раскулаченные и высланные в Карелию в 1930-е гг. крестьяне Поволжья, высланные повторно в 1941 г. по причине принадлежности к немецкой национальности уже из Карело-Финской ССР в Коми АССР. По данным ОТСП НКВД Коми АССР, на 20 ноября 1941 г. в Коми АССР прибыло трудпоселенцев немецкой национальности из ББК (Беломоро-Балтийский комбинат) и УББЛАГ (Управление Беломоро-Балтийского лагеря) НКВД Карело-Финской ССР по эвакуации в августе 1941 г. 710 семей – 2529 чел., которые были расселены в четырех районах Коми АССР.

К 25 декабря 1941 г. в Коми АССР было размещено прибывших в рамках эвакуации: эвакуированных – 8147 чел., трудпереселенцев – 8410, немцев – 2949. Кроме того, в республику с момента объявления войны прибыло 2540 спецэвакуированных. Таким образом, всего прибыло в порядке эвакуации – 19097 чел.

По косвенным данным, можно предположить, что немцев, высланных в 1941 г., было больше, чем 2949 чел. В 1946 г. председатель Совета Министров Карело-Финской ССР т. (товарищ) Прокконен в обращении в Обком Коми АССР настаивал на возвращении «всего населения», высланного в 1941 г., т.е. 7290 чел. Немцы не подлежали возврату. Прокконен указывал, что немцев среди высланных не было, по данным же МВД Коми АССР, из 7290 чел. «без лиц немецкой национальности» насчитывалось 1398 чел. Значит, остальные 4892 чел. – немцы. В итоге можно сказать, что в 1941 г. немцев-спецпереселенцев в Коми АССР было переселено 7841 (2949 + 4892) чел.

В 1941–1944 гг. при учете всех спецконтингентов велся особый учет категории «спецпереселенцы, в том числе немцы» (или трудссылка, трудпоселенцы, трудпереселенцы). Общее число спецпереселенцев по СССР на 1 января 1941 г. составило 930221 чел. МВД Коми АССР четко указывал, что трудпереселенцев в Коми АССР в 1941 г. насчитывалось 17854 чел., с июля по октябрь прибыло из КФССР 7424 чел. (с июля по декабрь – 7779 чел.). В итоге на 1 января 1942 г. общая численность трудпереселенцев, в том числе немцев составляла 25077 чел. К 1943 г. их численность сократилась до 20 тыс. и в 1944 г. – до 15 тыс. чел.

Во время Великой Отечественной войны сокращается численность спецпереселенцев «бывших кулаков». В 1942 г. было объявлено о призыве спецпереселенцев на фронт и снятия их и членов их семей с учета трудссылки. ГКО 11 апреля 1942 г. принял постановление № 1575сс, согласно которому разрешалось бывших кулаков призывать на военную службу. НКВД СССР 22 октября 1942 г. был издан приказ, по которому

все спецпереселенцы, призванные в Красную Армию, и «прямые» члены их семей (жена, дети) с учета трудссылки снимались и получали паспорта. К 1 ноября 1942 г. мобилизация трудпоселенцев в Красную Армию завершилась. Всего было призвано 60747 трудпоселенцев, в том числе из Коми АССР – 2589 чел. К 10 декабря 1942 г. было снято с учета по СССР 47116 трудпоселенцев, из них 17775 призванных в армию и 29341 член их семей. «Бывшие кулаки» были единственными призванными из различных категорий спецпереселенцев на фронт в период Великой Отечественной войны.

Следует отметить, что в 1940-е гг. меняется отношение к спецпереселенцам, что видно в том числе на примере призыва «бывших кулаков» на фронт. В 1930-е гг. практически не уделялось внимание бытовому обустройству спецпереселенцев, а в 1940-е гг. был принят ряд директив относительно улучшению их бытового положения. В частности, 27 мая 1943 г. вышло постановление СНК СССР № 556-173с «О мероприятиях по улучшению дела материальной помощи полякам, эвакуированным из Западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы страны», в соответствии с данным постановлением СНК Коми АССР 26 июня 1943 г. утвердило постановление № 505/30с «О мероприятиях по улучшению дела материальной помощи полякам, эвакуированным из Западных областей Украины и Белоруссии в Коми АССР». 5 апреля 1944 г. вышло еще одно постановление СНК СССР № 359-105с «Об оказании дополнительной помощи бывшим польским гражданам, эвакуированным из Западных областей Украины и Белоруссии». Во всех трех постановлениях говорилось о необходимости улучшить снабжение продуктами питания, а также одеждой и обувью «эвакуированных поляков». «Мягкая» линия государственной политики проявилась, например, и в постепенном освобождении значительного количества спецпереселенцев-«бывших кулаков» в годы войны. При этом в отношении немцев были приняты достаточно жесткие меры. Прослеживалось существование, так называемых «жесткой» и «мягкой» линий правительства в отношении спецпереселенцев.

Исследователи В.П. Данилов и С.А. Красильников считают, что в советской карательной политике наблюдались свои «приливы» и «отливы», нашедшие отражение в наличии «мягких» и «жестких» тенденций в нормативном регулировании и реальной политике, которыми руководствовались работники НКВД всех рангов в отношении спецпереселенцев, в частности, «бывших кулаков». Сочетание «мягких» и «жестких» линий политики государства в отношении спецпереселенцев повлекло за собой отличия в правовом положении разных категорий спецпереселенцев в 1940-е гг.

К началу третьего этапа, на 1 января 1944 г., по Коми АССР всего было учтено трудпоселенцев и спецпереселенцев 27443 чел., включая 7587 поляков, в конце 1944 г. после отправки поляков – 19372 чел. На третьем этапе, в 1944–1950-е гг. основную массу заселяемых в Коми АССР составили немцы, ОУНовцы, «власовцы», а также ссыльнопоселенцы из Литвы и Молдавии. Спецпереселенцы поступали в распоряжение крупных лесозаготовительных и сплавных организаций в Коми АССР. Самым крупным предприятием, принимающим спецпереселенцев, как и в 1930-е гг., оставался трест Комилес.

В 1944 г. на спецпоселения в республику прибывают члены семей ОУНовцев (члены семей участников организаций украинских националистов). Самых участников организации в данной категории прибывших не было, в основном это были женщины и дети, однако по документам данные спецпереселенцы проходили как «ОУНовцы». Предполагалось разместить около 10 тыс. чел. Однако лесозаготовительные организации, в которых трудоустраивались спецпереселенцы, не были заинтересованы в большом количестве малотрудоспособных женщин и детей. При детальном планировании цифра по Комилесу снизилась до 5600 чел. К февралю 1945 г. численность спецпереселенцев ОУНовцев составила 4670 чел. На предприятия трестов Комилес и Вычегдолес ОУНовцы поступали в течение всего 1945 г.

Первоначально ОУНовцы были расселены в четырех районах: Усть-Вымском, Ухтинском, Железнодорожном и Кожвинском. Наибольшее количество было расселено в Железнодорожном районе – 1380 чел. Во втором полугодии 1945 г. спецпереселенцы данной категории были расселены также на территории г. Сыктывкара. Большинство из ОУНовцев составляли женщины и дети, так как главы их семей были либо расстреляны, либо отбывали наказание в лагерях. Например, в июле 1945 г. из 3832 чел. мужчины составляли только 18% (698 чел.), в конце 1945 г. – уже 17% (624 чел. из 3608). На 1 января 1945 г. в Коми АССР было учтено 3337 спецпереселенцев-ОУНовцев. В течение 1946 г. прибыли еще 2642 чел., и к 1 января 1947 г. членов семей ОУНовцев в Коми АССР насчитывалось 5531 чел. К 1950 г., несмотря на высокий уровень побегов среди ОУНовцев и частичное освобождение от режима спецпоселения (в 1950 г. был снят с учета 371 чел. из 4966), численность ОУНовцев сохраняется в пределах 5 тыс. чел. Освобождение этой категории спецпереселенцев начинается только в 1950-е гг.

В 1945 г. в Коми республику были переселены депортированные из Литвы и Молдавии, общее количество которых, как указывает исследователь Н.А. Морозов, составило 3655 граждан. Однако анализ статистических данных МВД Коми АССР позволяет говорить о том, что пере-

селенные из Прибалтийских республик и Молдавии на территории Коми АССР находились как высланные двух категорий: ссыльнопоселенцы и спецпереселенцы. По данным МВД, в конце 1945 г. было учтено ссыльнопоселенцев и спецпереселенцев высланных к 1945 г. в Коми АССР из Прибалтийских ССР и Молдавской ССР в общем 2154 чел., в том числе 396 мужчин, 1120 женщин и 665 детей. В подавляющем большинстве по национальности это были литовцы.

В отличие от 1945 г. во второй половине 1940-х гг. и в 1950-е гг. литовцев-спецпоселенцев и ссыльнопоселенцев учитывали как разные категории, при этом разделяли на «литовцы, высланные в 1941 г.» и «литовцы, высланные в 1945 г.».

На учете отдела спецпоселений НКВД СССР 5 сентября 1944 г. состояло 2225000 чел., на 1 января 1945 г. – 2137769 чел., в том числе бывшие кулаки, немцы, представители указанных выше народностей, а также ссыльнопоселенцы из Прибалтики и Молдавии, семьи «ОУНовцев», «фольксдойче», «сектантов» и др. Все спецпереселенцы были расселены на территории шести союзных и семи автономных республик, пяти краев и 23 областей. Наибольшее число спецпереселенцев находилось в Казахстане – около 1 млн. чел., более 100 тыс. – в Узбекистане, Новосибирской области, Красноярском крае, Киргизии, в Омской области.

Две большие партии спецпереселенцев, размещенных в спецпоселках Коми АССР в 1945–1946 гг. (немцы и «власовцы»), относятся к так называемым репатрируемым. Немцы заселялись в Коми АССР в 1944–1946 гг., «власовцы» – в 1946 г. В Европе после войны осталось в живых 5 млн. граждан СССР. В их число входили в основном «восточные рабочие», т.е. советские граждане, угнанные на принудительные работы в Германию и другие страны, военнопленные, в том числе офицеры Советской Армии, а также поступившие на военную службу и в полицию противника. Сюда же входили десятки тысяч отступивших с немцами их пособников и всякого рода беженцев. Все перечисленные выше граждане СССР подверглись репатриации, т.е. возвращению на родину. Среди них преобладали «восточники», которых во время войны по разным причинам судьба забросила в Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию и другие западные районы СССР. Из «восточников» часть была направлена к месту жительства, часть – призвана в армию, а третья часть была выслана на спецпоселения – 166751 чел., к ним, в частности, относились репатриированные немцы (граждане СССР немецкой национальности).

На основании приказа МВД СССР № 1-2120 от 7 февраля 1945 г. немцы выселялись из приграничных районов Прибалтики, Молдавии, Белоруссии, Украины. За ним последовал ряд директив о сплошном

выселении немцев с территорий, находившихся «под оккупацией» (тех, кого не успели вывезти в 1941 г.) Одновременно на спецпоселения стали отправлять эшелоны с советским немцами, вывезенными в годы войны в Германию, Австрию, Польшу, Чехословакию.

Часть нового потока была направлена в Коми АССР. На 1 января 1945 г. на учете в МВД Коми АССР находилось 160 семей (310 чел.), к середине 1945 г. с прибытием новых партий численность немцев увеличилась до 1598 чел., к концу 1945 г. – до 7378 чел. Наибольшая численность спецпереселенцев-немцев приходится на середину 1946 г. (4365 семей или 12924 чел.), в том числе 2168 мужчин, 5397 женщин, 5341 детей. Всего по СССР на спецпоселениях в 1946 г. (включая переселенных с 1941 г.) находилось более 1 млн. немцев. Среди переселенных в Коми АССР советских немцев были уроженцы Одесской, Николаевской, Запорожской, Житомирской, Днепропетровской областей Украины, Ленинградской области. Наибольшее число репатриированных немцев было заселено в г. Сыктывкар и пригороды (2821 чел.), Усть-Вымский район (1790 чел.), Сыктывдинский (1301 чел.) и Железнодорожный (1301 чел.). По республике немцы были расселены в 171 населенном пункте. В отличие от других категорий до середины 1950-х гг. немцы не подлежали частичному освобождению, как, например, спецпереселенцы-«бывшие кулаки», поэтому численность немцев на спецпереселениях практически не изменилась и в 1953 г. по Коми АССР составила 12141 чел. По данным на 1 января 1953 г., всего на учете спецпоселений в СССР состояло 208388 репатриированных немцев.

Частичное освобождение немцев начинается с 1954 г. Постановлением Совета Министров СССР № 1439-649 от 5 июля 1954 г. с немцев-спецпоселенцев были сняты некоторые ограничения: они могли свободно передвигаться в пределах республик, краев, областей, выезжать в командировки, являться на отметку в органы МВД один раз в год. С учета спецпоселения были сняты дети немцев. На основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. были сняты ограничения в правовом положении немцев и членов их семей, находившихся на спецпоселении. Однако права возвращения на места, откуда они были высланы, немцы по-прежнему были лишены. Лишь по прошествии почти десяти лет, в 1964 г. были сняты обвинения. Они освобождались из под административного надзора. Но только в 1972 г. им было разрешено селиться в других районах страны и возвращаться в другие места. То есть их численность на спецпоселениях за счет освобождения ни в 1950-е гг., ни даже в 1960-е гг. (уже на бывших спецпоселениях) практически не уменьшалась.

Из общего потока репатрируемых в 1944–1945 гг. военнопленные и «вызывающие подозрения» из гражданских были отправлены для проверки в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД–МВД СССР (ПФЛ). В 1946–1947 гг. основная масса содержащихся в ПФЛ и ИТЛ мелких коллаборационистов, служивших, как правило, рядовыми в немецкой армии, в Армии Власова, национальных легионах, полиции и т.д. была отправлена на шестилетнее спецпоселение. По учету отдела спецпоселений МВД СССР, этот контингент условно назывался «власовцы». В него входили и направленные на шестилетнее спецпоселение солдаты и офицеры, побывавшие в плену. В 1946–1947 гг. на шестилетнее спецпоселение поступило 148079 «власовцев».

«Власовцы» размещались в том числе и в лесозаготовительных спецпоселках. Планы по размещению военнопленных были составлены еще в 1944 г. 2 ноября 1944 г. был издан приказ наркомата лесной промышленности, по которому НКВД обязали завезти для работы на лесозаготовках в районах Архангельской, Молотовской, Кировской, Вологодской, Ярославской, Калининской и Горьковской областей, Карело-Финской ССР, Удмуртской и Коми АССР 50 тыс. военнопленных. В Коми АССР предполагалось трудоустроить по трестам Комилес – 6 тыс. чел. и Печорлес – 4 тыс. чел. Дальнейшие события разворачивались почти в соответствии с планом.

МВД СССР приказом № 0322 от 4 октября 1946 г. обязало начальников лагерей в Коми АССР передать в октябре 1946 г. на лесозаготовки 8500 спецпереселенцев, в том числе из Интлага – 1000, Ухтижемлага – 750, Усть-Вымлага – 3000, Воркутлага – 2750, Печорлага – 1000 чел. Из 8500 чел. направлялось на предприятия трестов Комилес – 3000, Печорлес – 3000, Вычегдасплав – 1000, Комилестрансстрой – 1500. В конечном итоге численность «власовцев» на спецпоселениях в Коми АССР, перемещенных из северных лагерей республики в декабре 1946 г., составила 7501 чел. К марту 1947 г. их численность увеличилась до 9847 чел., т.е. составила почти 10 тыс. чел.

С 1947 г. численность «власовцев» на спецпоселениях начинает падать в основном по причине высокой смертности. В 1952 г. большинство спецпереселенцев-«власовцев» было снято с учета спецпоселений по истечении шестилетнего срока. По разным данным, всего по стране было освобождено от 87631 до 95553 чел. Большинство «власовцев» немецкой, калмыцкой, чеченской, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой и «крымскотатарской» национальностей (5819 чел.) было переведено на спецпоселение навечно (в 1954 г. это решение было отменено). Часть «власовцев», занятых на незавершенных строительных объектах, была временно оставлена на учете спецпоселений. Они осво-

божались в 1953–1955 гг. по мере завершения того или иного строительства. В Коми АССР основная часть «власовцев» была освобождена в 1952 г. Если в 1947 г. численность «власовцев» составляла 9847 чел., то в 1953 г. их насчитывалось 2540 чел.

После войны продолжается процесс освобождения спецпереселенцев-раскулаченных, высланных на спецпоселения в 1930-е гг. 25 мая 1945 г. вышла директива НКВД СССР о снятии с учета спецпоселений детей спецпереселенцев-«бывших кулаков», направленных в школы ФЗО и ремесленные училища. В итоге, с 1938 по 1945 г. после освобождения детей спецпереселенцев, достигших 16 лет, а также бывших кулаков, призванных в армию, их жен и детей, плюс детей спецпереселенцев, направленных на обучение, численность спецпереселенцев-«бывших кулаков» сократилась по стране с 997329 до 60619 чел.

С августа 1946 г. по январь 1952 г. на основании ходатайств местных партийных и советских органов Совет Министров СССР принял 14 специальных постановлений, по которым в 28 республиках, краях и областях спецпоселенцы контингента «бывшие кулаки» были почти полностью (за исключением немцев, калмыков, чеченцев и лиц некоторых других национальностей) сняты со спецучета. Всего по этим постановлениям получили освобождение 408391 чел. В Коми АССР сокращение численности раскулаченных происходило в следующем порядке. В 1946–1947 гг. снимались режимные ограничения с женщин, вступивших в брак с неспецпереселенцами, и детей, достигших 16-летнего возраста, «если они лично ничем не опорочены». На основе этого было освобождено 867 семей или 1909 чел. Осенью 1947 г. бывших кулаков насчитывалось 9741 чел., в декабре – 9010. В январе 1948 г. было учтено уже 7941 чел., в 1949 – 6888. Численность бывших кулаков в Коми АССР 1 января 1952 г. составила 12323 чел.

В апреле-мае 1953 г. в МВД СССР были подготовлены проекты документов об освобождении большей части спецпереселенцев. В 1954 г. были приняты соответствующие указы и постановления. Основным было постановление Совмина СССР от 13 августа 1954 г. «О снятии ограничений по спецпоселению бывших кулаков и других лиц», согласно которому с учета спецпоселений снимались бывшие кулаки, высланные в 1929–1933 гг. из районов сплошной коллективизации, а также местные и мобилизованные немцы. В процессе полного снятия бывших кулаков с учета некоторые местные органы МВД столкнулись с некоторыми трудностями. Так, в Коми АССР было выявлено 1230 спецпоселенцев бывших кулаков, высланных в 1934–1935 гг. из Украинской и Белорусской ССР, которые до 1941 г. находились на спецпоселении в Карело-Финской ССР, а затем были эвакуированы в

Коми АССР. По запросу МВД Коми АССР было принято решение в МВД СССР об освобождении данных спецпоселенцев. Всего в 1953 г. до полного освобождения на учете бывших кулаков в Коми АССР состояло 4512 чел. В общей сложности по постановлению Совмина СССР от 13 августа 1954 г. было снято с учета 11864 спецпереселенца (взрослые, все дети до 16 лет были освобождены в июле 1954 г.). Начиная с 1 января 1955 г. в перечне контингентов, состоявших на учете МВД СССР, контингент «бывшие кулаки» больше уже никогда не упоминается.

По статистике спецпоселений МВД Коми АССР на 1 июля 1949 г. в республике насчитывалось 27538 спецпереселенцев (немцы – 10736, «власовцы» – 7114, «бывшие кулаки» – 6021, ОУНовцы – 3092, литовцы – 553 чел.). На 1 сентября 1950 г. в Коми АССР проживали в режиме спецпоселения 8165 «власовцев», 11015 немцев, 3169 ОУНовцев, 601 литовец, 5102 «бывших кулака» и 128 ссыльных, всего 28180 чел.

К 1953 г. общая численность спецпереселенцев в Коми АССР сократилась до 24420 чел., уменьшилось число «бывших кулаков» до 4512 чел., «власовцев» до 2540, но увеличилось число немцев до 12141 и высланных из Прибалтики до 1463 чел.

Всего по СССР на спецпоселениях находилось на январь 1953 г. – 1820140 чел., в основном немцы – 788975, чеченцы – 183445, украинцы – 163653, татары – 111037, литовцы – 75024, русские – 56589 чел., а также калмыки, ингуши, греки и многие другие. Численность спецпереселенцев в Коми АССР с 24420 в 1953 г. и 19018 в середине 1950-х гг. резко сокращается к 1957 г. до 5 тыс. чел. Это доказывает, что окончательное освобождение основной массы спецпереселенцев происходит в 1955–1956 гг. Позже всех были освобождены немцы, которые только в 1972 г. получили право выбирать место жительства.

Самая актуальная проблема, решаемая руководством Коми АССР в 1940-е гг., – это «закрепление спецпереселенцев в составе постоянного кадра лесной промышленности». Во второй половине 1940-х гг. принимались различные решения, направленные не просто на улучшение снабжения, а на создание таких условий, которые бы способствовали «закреплению» спецпереселенцев на предприятиях. Руководство было также заинтересовано в том, чтобы спецпереселенцы, долгое время работавшие в лесной промышленности и восстановленные в правах, тоже оставались в республике.

В докладной записке секретаря Коми Обкома ВКП(б) т. Тараненко секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову от 24 мая 1946 г. «О льготах для работающих в Коми АССР» говорилось: «В IV пятилетнем плане определено большое развитие народного хозяйства Коми АССР. Это

потребуется значительного завоза рабочей силы. Однако мы ежедневно встречаемся с трудностями закрепления тех кадров, которыми располагали в настоящее время. Рабочие и служащие в настоящее время в значительной своей массе настроены выехать из Коми АССР. После окончания войны выехало много специалистов, особенно из лесной промышленности, где масса бывших трудпереселенцев выехала в другие области. Выезд продолжается и по сей день». Чтобы решить эту проблему, было необходимо не только улучшить снабжение, но так же повысить зарплату, распространить на спецпереселенцев ряд льгот.

Регионы, куда заселялись спецпереселенцы, испытывали в них особую заинтересованность, так как не обладали достаточными трудовыми ресурсами, а спецпереселение считалось крайне эффективной с экономической точки зрения операцией. Хлопоты, связанные с заселением спецпереселенцев, значительно перекрывались получаемыми при этом выгодами: обеспечение даровой рабочей силой основных народнохозяйственных отраслей, дополнительные преимущества в борьбе за централизованно распределяемые ресурсы (материальные, финансовые, продовольственные и др.) Однако спецпереселение оказалось не столь экономически выгодным как ожидалось. Существовали факты явного расточительства государственных средств. Это проявлялось уже на стадии расселения, когда из-за просчетов в выборе участков многие поселки подлежали переносу или ликвидации. Забрасывались поселки с уже имевшимися строениями, раскорчеванными под пашню территориями.

Хозяйственная деятельность спецпереселенцев нередко носила убыточный характер. Это касается в определенной степени кустарных промыслов и сельского хозяйства в спецпоселках. Происходило это по одной простой причине. Законы нормальной экономики, столь тщательно игнорируемые советским руководством, срабатывали и при административно-командной экономике. Невозможно получить большой эффект от какого-либо предприятия, ничего не вкладывая. По мысли руководства спецпереселенцы должны были стать не просто дешевой, а почти бесплатной рабочей силой. Затраты производились только на перевозку и организацию спецпереселенцев. Все остальное было заботой самих спецпереселенцев, они сами строили жилье, снабжали поселки продуктами питания и плюс ко всему работали. Однако в реальности все было не так гладко. Отсутствие какой-либо инфраструктуры в местах заселения спецпереселенцев приводило к неожиданным трудностям. Прежде всего, отсутствие дорог и связи со спецпоселками приводило к низкой маневренности работы по руководству спецпереселенцами, а, во-вторых, к голоду и смертности в спецпоселках, так как оказалось, что снабжение необходимо произво-

доть извне, потому что спецпереселенцы, ничего не имея, не могут сами себя прокормить.

Не создав ничего, что бы улучшило жизнь спецпереселенцев и получив высокий уровень смертности и низкий уровень производительности труда, власти были вынуждены смириться с тем, что качественные показатели спецпереселения крайне низкие и компенсировать их можно только за счет количества. Уже одно то, что за первыми партиями спецпереселенцев последовали через 10 лет другие, говорит о том, что идея экономической эффективности спецпереселения потерпела крах.

До недавнего времени в историографии рассматривалась проблема «трудового перевоспитания бывшего кулачества», которая ныне трактуется как «роль спецпереселенцев в развитии производительных сил страны». Анализируя эту проблему, необходимо учитывать, что принудительный труд есть категория не только экономическая, но и политическая, моральная, поведенческая. Оценка упомянутой «роли» не укладывается в набор чисто экономических показателей развития народного хозяйства без учета применения принудительного труда, ограничения гражданских прав и свобод спецпереселенцев и т.п.

Существовало одно коренное противоречие, заложенное в самой сути спецпереселения. Спецпереселенцы не являлись заключенными, лишеными свободы на определенный срок, но и не были свободными. Их труд, фактически принудительный, должен был оплачиваться по стандартам вольнонаемного труда. Естественно, что на практике все значительно упрощалось, правовая дискриминация влекла за собой дискриминацию в оплате по труду, в бытовом положении и т. д. Невозможно было, поставив вчерашних крестьян в положение сосланных, неправых граждан, требовать от хозяйственных работников «нормального» отношения к спецпереселенцам с точки зрения оплаты и охраны труда, снабжения и т.д. наравне с вольнонаемными. К тому же усилиями аппарата комендатур в спецпереселенческих поселках устанавливался режим, аналогичный лагерному.

Особенно ярко это противоречие проявлялось в отношении местных властей и комендантов к спецпереселенцам, т.е. тех, кто непосредственно и постоянно сталкивался со спецпереселенцами и с их нуждами. Для начальников лесоучастков, лесопунктов, леспромхозов и других предприятий, где спецпереселенцы использовались на работах, спецпереселенцы были определены в чем-то виновны (так как были высланы), значит нуждались в самом строгом отношении. Местные начальники, встречая новые партии спецпереселенцев, вполне откровенно высказывались о том, что спецпереселенцев присылают не жить и работать,

а умирать. Итогом такого отношения и попустительства к тем, кто способствовал ухудшению положения, был высокий уровень смертности. Противоречие между декларируемым положением спецпереселенцев и их реальным статусом приводило к разнообразным формам протеста (письма, жалобы, уклонение от работы, различные высказывания и т. д.), вызванными чувством несправедливости, какой-то ошибки, потому что, с одной стороны, они были ни в чем не обвинены, а, с другой стороны, лишены определенных гражданских прав.

Главное, что интересовало руководство – это высокая производительность труда спецпереселенцев. Администрация же на местах была убеждена помимо прочего в том, что спецпереселенцы – люди временные и никаких мер для «закрепления», т.е. создания, прежде всего, надлежащих жилищно-бытовых условий, а также обеспечения медицинским и социальным обслуживанием, предпринимать не обязательно. В итоге эффект от производительной деятельности спецпереселенцев оказался гораздо ниже возможного.

Возвращаясь к разговору о «трудоиспользовании» спецпереселенцев и малой эффективности в основном их труда, нельзя не сказать о феномене ударного труда в среде спецпереселенцев. Документы свидетельствуют, что спецпереселенцы, поставленные повсеместно в заведомо худшие условия труда, нежели вольнонаемные, нередко добивались более высоких производственных показателей. И это несмотря на очевидную дискриминацию в оплате и охране труда. Мотивы подобного трудового поведения вряд ли правильно связывать с «успехами перевоспитания кулаков». Ударничество позволяло добиться восстановления в правах в течение двух-трех, а не пяти лет с момента высылки, как указывалось в постановлениях ЦИК СССР.

Оценивая вклад спецпереселенцев в развитие экономического потенциала северных и восточных регионов страны, следует подчеркнуть, что эта оценка не может быть однозначной. Цена экономического рывка, рассмотренная в «человеческом измерении», оказывается чрезвычайно высокой. Прямые и косвенные потери от принудительных миграций очевидно велики, хотя и не поддаются точному измерению. Помимо высокой смертности, т.е. прямых потерь, нужно учитывать и тот факт, что рождаемость в спецпоселках, как правило, была крайне низкой, ниже, чем смертность, т.е. косвенные потери тоже оказались высокими.

Несмотря на предпринимаемые усилия, после освобождения основной массы спецпереселенцев и восстановления их во всех гражданских правах в середине 1950-х гг., лесная промышленность Коми АССР опять начала испытывать острый дефицит в рабочей силе, так как бывших

спецпереселенцев не удерживали в республике ни высокая зарплата, ни льготы. Слишком тяжела была участь этих людей в суровых лесных краях, поэтому они старались выехать как можно быстрее. Достаточно большое количество бывших спецпереселенцев осталось в республике, так как они обзавелись здесь семьями, но нужды лесной промышленности их количество не покрывало. Оказалось, что развитие лесного комплекса осуществлялось только за счет постоянных вливаний рабочей силы извне. Эту практику пришлось продолжить и в дальнейшем. В 1950-е гг. начинаются осуществляться промпереселения, оргнаборы и другие методы привлечения рабочих из других регионов, прежде всего в лесную промышленность Коми АССР.

В 1930–1931 гг. в Коми области на спецпоселении было расселено 40325 раскулаченных, в начале 1940-х гг. – 19388 польских граждан и 7841 немцев, в 1944 г. – 4670 ОУНовцев, 1945 г. – граждан Молдавии и Литвы, в 1945–1946 гг. – 12942 репатриированных немцев, 1946–1947 гг. – 9847 «власовцев». Всего, учитывая небольшие партии вселяемых спецпереселенцев, общая численность спецпереселенцев, отправленных на спецпоселение в Коми АССР в 1930–1950-е гг. составила более 110 тыс. чел. В сравнении с другими спецпереселенческими районами, в Коми АССР было переселено небольшое количество представителей депортируемых народностей, за исключением немцев и поляков. Освобождение происходило как частично на протяжении 1930–1950-х гг. (спецпереселенцы-«бывшие кулаки»), так и одновременно («власовцы»). Окончательное освобождение всех категорий спецпереселенцев происходит в конце третьего этапа, в середине 1950-х гг.

После 1950-х гг. в связи с изменениями политики государства, ликвидацией 4-го спецотдела МВД СССР, курировавшего спецпоселения и соответственно статуса спецпереселенцев и спецпоселений, особого учета спецпереселенцев не ведется. Но можно сказать, что достаточно большое количество как заключенных, так и спецпереселенцев осталось в Коми АССР на постоянное жительство, о чем свидетельствует рост доли некоми населения. Если в 1957 г. общая численность населения составила 734,1 тыс. чел., то коми среди них насчитывалось 300 тыс. чел. Рост доли некоренного населения продолжается и в дальнейшем из-за смешанных браков, оргнаборов и других причин.

Спецпереселение как общегосударственная политика преследовала разные цели. Тут были и политические и идеологические мотивы. Исследование региональных особенностей спецпереселенческой политики СССР в 1930–1950-е гг. на примере Коми АССР как одного из крупных спецпереселенческих регионов позволяет сделать вывод о том, что именно экономические потребности государства играли приори-

тетную роль в осуществлении массовых принудительных переселений. В 1930-е гг. существовала необходимость в проведении форсированной индустриализации, затем – в мобилизации всех сил на Великую Отечественную войну, далее – послевоенное восстановление экономики. Государство нуждалось в тех природно-сырьевых ресурсах, которые размещались в малозаселенных и малоосвоенных регионах страны. Спецпереселенцы стали в своем роде «заложниками» экономических потребностей государства, приписными рабочими на лесоразработках, шахтах, рудниках и фабриках. Во многом общегосударственная политика спецпереселения строилась исходя из потребностей регионов. Это доказывает тот факт, что ни одна партия спецпереселенцев не была направлена, в частности, в Коми край без согласования цифр между Москвой и руководством Коми области (Коми АССР).

Существовала определенная двойственность стандартов по отношению к спецпереселенцам, из-за отсутствия определенного правового статуса спецпереселенцев (не преступники и не свободные граждане). Это порождало произвол администрации на местах и протест спецпереселенцев. В состав спецпереселенцев попадали самые разные категории репрессированного населения, вследствие чего они назывались сначала спецпереселенцами, потом трудпереселенцами, трудпоселенцами, ссыльнопоселенцами и опять спецпереселенцами, однако их статус от этого не менялся, они оставались «лишенцами» (лишенными избирательных прав) и «рабсилой», «трудовым ресурсом», т.е. рабочим материалом в деле экономических преобразований. Их трудом были заложены основы развития богатых сырьевыми ресурсами окраин СССР. Условия жизни спецпереселенцев были чудовищными, это приводило к высокой смертности. Они быстро «изнашивались», быстро заменялись другой массой людей. Вследствие этого спецпереселение имело три волны и делится на три этапа: 1930–1939 гг., 1940–1943 гг., 1944–1950-е гг. Новые потребности государства требовали новых масс дешевой рабочей силы, и они незамедлительно поступали в те отрасли народного хозяйства, где в них была наибольшая необходимость. В конечном итоге политика государства изменилась и спецпереселение как система «трудоиспользования» была ликвидирована.

Рекомендуемая литература

Бугай Н.Ф. 40-е годы. Автономию немцев Поволжья ликвидировать // История СССР. – 1991. – № 2. – С. 172–180.

Бугай Н.Ф. Конец 30-х – 40-е годы. Европейский Север: депортация народов // Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. Вып. I. – Сыктывкар, 1991. – С. 84–97. (Труды Ин-та ЯЛИ; Вып. 52).

- Бугай Н.Ф. 40–50-е годы: последствия депортации народов // История СССР. – 1992. – № 12. – С. 120–137.
- Земсков В.Н. Заключение, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 151–165.
- Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социс. – 1992. – № 2. – С. 3–25.
- Зеленин И.Е. Ликвидация кулачества как класса // История СССР. – 1990. – № 6. – С. 30–38.
- Земсков В.Н. Спецпереселенцы по документам НКВД–МВД // Социс. – 1990. – № 11. – С. 5–19.
- Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–60. – М: Наука, 2005. – 306 с.
- Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» в послевоенное время // Социс. – 1992. – № 5. – С. 18–37.
- Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социс. – 1995. – № 6. – С. 5–23.
- Игнатова Н.М. Горькие судьбы // Покаяние: Мартиролог. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. – Т. 1. – С. 238–291.
- Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М., 1996. – 288 с.
- Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920–1950-е годы. – Нижний Тагил, 1997. – Т. 2. – 237 с.
- Красильников С.А., Спецпереселенцы: «правовое положение» в бесправном обществе // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. – М., 1996. – С. 89–97.
- Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми АССР (1929–1956 гг.). – Сыктывкар, 1998. – 190 с.
- Морозов Н.А., Рогачев М.Б. ГУЛАГ в Коми АССР (20–50-е годы) // Отечественная история. – 1995. – № 5. – С. 182–187.
- Немцы в Республике Коми (страницы репрессивной политики первой половины XX в). – Сыктывкар, 1997. – 29 с.
- Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 1 / Сост. Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. – Сыктывкар, 2001. – 1168 с.
- Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 2 / Сост. Н.М. Игнатова. – Сыктывкар, 2001. – 608 с.
- Покаяние: Мартиролог. Т. 5 / Сост. М.Б. Рогачев. – Сыктывкар, 2002. – 960 с.
- Репрессии против поляков и польских граждан. – М., 1997. – 252 с.
- Славко Т.И. Раскулачивание // ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. – Франкфурт/Москва, 1999. – С. 132–140.
- Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1931–33 гг. Сборник документов / Сост. В.П.Данилов, С.А.Красильников. – Новосибирск, 1993. – 290 с.
- Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–45 гг. Документы и материалы / Сост. С.А. Красильников, Д.Н. Нохотович. – Новосибирск, 1996. – 311 с.
- Спецпоселки в Коми области. Сборник документов / Сост. Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. – Сыктывкар, 1997. – 298 с.
- Шабалова Л.С. Жить, чтобы выжить // Родники Пармы. – Сыктывкар, 1990. – Вып. 2. – С. 120–132.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коми краю выпала печальная участь стать одним из самых больших регионов, куда в течение всего XX в. ссылали политических противников, – действительных и мнимых, – государственной власти. Но если до 1917 г. число ссыльных исчислялось десятками и сотнями человек, то в советское время – десятками и сотнями тысяч. Это были ссыльные, спецпоселенцы, заключенные многочисленных лагерей. Земля Коми невольно стала одним из островов «архипелага ГУЛАГ», местом многих человеческих трагедий.

Начиная с 1930 г., когда в Коми область стали прибывать первые этапы раскулаченных крестьян, до середины 1950-х гг. сюда было выслано на спецпоселение более 100 тыс. чел. Кроме раскулаченных, это – поляки, немцы-трудармейцы и репатрианты, литовцы, западные украинцы, советские солдаты, освобожденные из немецкого плена. Они валили лес, пахали землю, строили дома и дороги, работали на заводах и шахтах. Зачастую за колючей лагерной проволокой оказывались люди, дела которых позднее были признаны национальным достоянием России. Руками тысяч политических заключенных были построены северные города и рабочие поселки, проложена железная дорога, начато освоение полезных ископаемых, заложены основы экономики и науки нашей республики.

Именно Коми область стала одним из первых регионов, где в 1929 г. начала формироваться система исправительно-трудовых лагерей. Все началось с Северных лагерей особого назначения (СЕВЛОН), за которыми последовали Локчимлаг, Ухтпечлаг, Воркутлаг, Усть-Вымлаг, Севжелдорлаг и другие. В 1929 г. в лагерях Коми области находилось около 2,5 тыс. чел., в 1938 г. – около 115 тыс., 1941 г. – более 180 тыс., а в 1950 г. – более 240 тыс. заключенных. Но мы и сегодня не можем сказать, сколько же всего заключенных прошло через лагеря Коми края, поименно назвать тех, кто добывал ухтинскую нефть, воркутинский и интинский уголь, строил Северо-Печорскую железную дорогу и наши северные города.

Политические репрессии обрушились и на местное население. Тысячи коми крестьян были раскулачены. Более 10 тыс. чел. (считая и повторно осужденных в лагерях) были осуждены по политическим

обвинениям. Репрессии ударили по всем слоям общества – и по крестьянам, и по рабочим, и служащим (включая партийно-советский аппарат), и по интеллигенции, и по духовенству.

Ссылка, заключение в лагеря стали тяжелейшим испытанием для людей. Но карательные меры не ограничивались лишением свободы и принудительным трудом. Многие лишились жизни – и не только от голода, холода и болезней. Страшную память оставили о себе массовые расстрелы заключенных. 1 марта 1938 г. начались массовые расстрелы политических заключенных Ухтпечлага в районе реки Юньяга, которыми руководил оперуполномоченный ГУЛАГа лейтенант Е.И.Кашкетин. Всего было расстреляно около 3 тыс. чел. В декабре 1941 г. в Кожве из-за скученности людей в палатках и бараках началась эпидемия дизентерии среди нескольких тысяч заключенных, готовившихся к отправке на фронт в штрафные роты; по рассказам очевидцев, все заболевшие были расстреляны.

Тяжелейшие условия не могли не вызвать сопротивления, самыми яркими страницами которого стали забастовки и восстания заключенных, заканчивавшиеся трагически. 24 января 1942 г. началось восстание заключенных воркутинского лагпункта «Лесорейд»; восставшие на короткое время захватили райцентр Усть-Уса, но ко 2 февраля большинство было уничтожено отрядами НКВД. Восемь человек скрывались до 3 марта, затем были арестованы или убиты. Летом 1948 г. вспыхнуло восстание заключенных Обского лагеря, работавших на строительстве железной дороги Чум–Лабытнанги; для отражения наступления на Воркуту были использованы авиация, танки и истребительные отряды, уничтожившие часть повстанцев в районе Чум–Сейда. Уцелевшие 120 человек были отправлены на штрафной лагпункт цементного завода, где погибли от голода, холода и непосильного труда. В конце июля–августе 1953 г., уже после смерти Сталина, произошла массовая забастовка заключенных пяти отделений Речлага (Воркута), подавленная с применением оружия. (В 2003 г. на юршорском кладбище под Воркутой была установлена мемориальная доска в память похороненных здесь заключенных, расстрелянных во время забастовки).

После смерти Сталина, XX и XXII съездов КПСС, на которых подверглась критике сталинская политика репрессий, население Советского Союза смогло вздохнуть относительно свободнее – людей уже не хватало по ночам, не отправляли в лагеря. 5 июля 1954 г. Совет Министров СССР принял постановление № 1439-469, которое сняло с немцев-спецпоселенцев некоторые ограничения в правах – они получили право свободно передвигаться в пределах республики, выезжать в командировки за ее пределы, являться на отметку в органы МВД только

один раз в год; дети немцев были сняты с учета спецпоселения. Постановление Совета Министров СССР от 13 августа 1954 г. сняло ограничения по спецпоселению «бывших кулаков и других лиц». Постепенно менялся труд в лагерях (например, заключенные стали получать небольшую зарплату). В 1954 г. был закрыт особый Речной лагерь ГУЛАГа, в 1955 г. – Ухто-Ижемский лагерь ГУЛАГа МВД СССР. 25 октября 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, признавшее нецелесообразность существования «исправительно-трудовых» лагерей. После этого система ГУЛАГа в Коми АССР была ликвидирована. Началась реабилитация жертв политических репрессий. Угольные, нефтяные и газовые предприятия перешли из ведения МВД в подчинение гражданским ведомствам, стал меняться состав рабочей силы: на смену подневольному труду в 1950-х гг. пришли свободные работники (была введена система оргнабора постоянных рабочих за счет все тех же заключенных, ставших вольнонаемными, и демобилизованных солдат Советской Армии).

Конечно, жесткий идеологический диктат продолжал действовать и во время хрущевской «оттепели», и в брежневскую эпоху. Даже в литературных произведениях «белые» и прочие враги советской власти должны были выступать непременно в качестве отрицательных персонажей, а «красные», «борцы за советскую власть» и «стойкие партийцы» – обязательно положительными. В исторических исследованиях «партийную линию» требовалось соблюдать еще более строго. Порой дело доходило до абсурда. В конце 1950-х гг. ученым запрещали делать в своих статьях ссылки на труды «буржуазных ученых», «белоэмигрантов» К.Ф.Жакова и П.А.Сорокина. Настойчивость исследователей сделала свое дело, и им в конце концов разрешили указать названия работ Жакова и Сорокина, но – без фамилий их авторов. Даже в конце 1970-х гг. ставилась под сомнение возможность благожелательного упоминания в научных публикациях фамилии и трудов А.М.Мартюшева и некоторых других репрессированных краеведов и общественных деятелей. Можно вспомнить и про острые дискуссии вокруг научного и литературного наследия К.Ф.Жакова и Г.С.Лыткина в 1970-е гг., завершившиеся публикацией в газете «Красное знамя» (органе Коми обкома КПСС) редакционной статьи, закрепившей официальную негативную оценку творчества К.Ф.Жакова на целое десятилетие; даже во второй половине 1980-х гг. республиканские партийные лидеры пытались воспрепятствовать ученым по-иному подойти к оценке роли К.Ф.Жакова в коми истории. Вероятно, самой яркой иллюстрацией сохранявшегося идеологического диктата явилось уничтожение в 1961 г. всего тиража книги коми этнографа Л.Н.Жеребцова «Памятники народного

зодчества в Коми АССР»; тогда партийное руководство Коми АССР решило, что помещенные в книгу фотографии сохранившихся старинных крестьянских домов – не памятники зодчества, а «искажение советской действительности», ибо настоящими памятниками зодчества в социалистической республике могут быть только добротные каменные здания, построенные «для народа» при советской власти. При этом отметим, что ученые и писатели Коми республики, допустившие «идеологические ошибки» в своих произведениях, в 1960–1970-е гг. уже не подвергались репрессиям, если дело не доходило до открытого противостояния с властями по политическим мотивам.

Попытки открытого высказывания «диссидентских» взглядов решительно пресекались. Известный ученый-математик Р.И.Пименов, занимавшийся правозащитной деятельностью, отбывал срок в Воркуте и был освобожден только в середине 1960-х гг. В 1970 г. он снова был осужден за диссидентскую деятельность (он являлся другом и соратником академика А.Д.Сахарова) и направлен в ссылку в Сыктывкар. Отношение местных властей к ссыльному диссиденту было, естественно, настороженным и даже враждебным. Однако заметим, что в 1972 г. благодаря президенту АН СССР М.В.Келдышу Р.И.Пименов – несмотря на то, что он не изменил своих политических взглядов – получил возможность вернуться к научной работе и возглавил группу математических исследований в Коми филиале АН СССР. В 1989 г. Р.И.Пименов возглавил организованное в Сыктывкаре общество «Мемориал».

Широко известно, что в СССР «брежневской эпохи» власти практиковали изоляцию своих политических противников в психиатрических лечебницах. Подобный факт имел место и в Коми АССР. 1 мая 1966 г. двадцатилетние сыктывкарцы Н.Л.Лашук и А.В.Лапшина установили под временной деревянной правительственной трибуной на Юбилейной площади Сыктывкара взрывное устройство с дымообразующей смесью. Бомбу обнаружил плотник, и она была обезврежена. Террористов быстро нашли и отправили на принудительное лечение в психиатрических больницах: Н.Л.Лашука – в Ленинград, А.В.Лапшину – в Казань. Инициатор теракта Н.Л.Лашук был освобожден через два года и в дальнейшем каким-либо репрессиям не подвергался. Судьба А.В.Лапшиной сложилась печальнее, пребывание в больнице отразилось на ней крайне тяжело.

В 1964 г. освободили из-под административного надзора высланных немцев. В 1972 г. им было разрешено селиться в других районах страны и возвращаться в родные места. Наконец, 29 апреля 1991 г. был принят Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», в соответствии с которым выселенные в Коми республику немцы и

другие народы были окончательно реабилитированы. Так (по крайней мере, хочется на это надеяться) была поставлена точка в истории массовых политических репрессий в России.

Таким образом, в истории политических репрессий в Коми можно выделить следующие этапы (с присущими им особенностями).

1) **Конец XV в. – XVIII в.** Появление на Европейском Северо-Востоке (по соседству с современной Коми республикой) первых политических ссыльных. Стихийные, локальные и неорганизованные выступления (экономического характера) жителей против местной (уездной) власти и заводовладельцев. Репрессии властей ограничивались, как правило, телесными наказаниями, штрафами, кратковременным заключением под стражу.

2) **XIX в.** Выступления по-прежнему носят экономический характер, но некоторые из них приобретают значительно больший размах и продолжительность, направлены против не только местных (уездных), но и региональных (губернских) властей, привлекают внимание центральной власти, вплоть до императора. В некоторых выступлениях появляется элемент организованности. Выдвигаются пользующиеся авторитетом не только в ограниченном районе, но и во всем крае лидеры, к которым обращаются за помощью жители из разных районов (первым и самым известным из них стал Д.И.Балин). Пока это одиночки, не имевшие сколь-либо четко выраженных политических взглядов. На территории Коми появляются первые политические ссыльные, число которых постепенно растет, но влияние на население остается незначительным. Репрессии властей включали не только телесные наказания и кратковременное тюремное заключение, но и ссылку в Сибирь. Рассматривались варианты вооруженного подавления некоторых выступлений.

3) **Начало XX в.** Экономические требования во время выступлений местного населения по-прежнему преобладают, но появляются и требования политические. Общественные лидеры (Вешняков, Попов, Латкин, Мартюшев) объединяются с единомышленниками по политическим взглядам, складываются оппозиционные политические группы. Власти начинают вести целенаправленную деятельность по надзору и контролю за их деятельностью. Проводятся первые аресты за сознательную антиправительственную политическую деятельность (распространение листовок, воззваний). Репрессии ограничиваются тюремным заключением на краткие сроки, гласным и негласным надзором полиции. Количество политссыльных растет, достигая максимума в период между 1-й русской революцией и 1-й мировой войной. Влияние ссыльных на местное население также постепенно растет.

4) **1918–1921 гг.** Период вооруженной борьбы за власть между сторонниками различных политических партий. Политические репрессии в форме террора: превентивные аресты, заключение в тюрьмы и лагеря, расстрелы политических противников (явных, потенциальных и мнимых).

5) **1920-е гг.** Накал репрессий временно спадает. Проводятся аресты отдельных оппозиционных деятелей, пользовавшихся авторитетом в минувшие годы; «запреты на профессии». Ячейки некоторых оппозиционных партий некоторое время имеют возможность действовать, но затем в результате репрессий (аресты, тюремное заключение) ликвидируются. Количество ссыльных в Коми относительно невелико, режим их пребывания поначалу довольно либерален, но затем постепенно ужесточился.

6) **1929–1956 гг.** Наибольший размах политических репрессий. Раскулачивание, репрессии против всех слоев местного населения. Складывание лагерной системы и системы спецпоселений, рост числа ссыльных. Массовый характер осуждения (вплоть до смертных приговоров) по надуманным обвинениям, фабрикация крупных процессов (например, дело блока правых, троцкистов и буржуазных националистов). Массовые расстрелы в лагерях. Появление самых разных категорий репрессированного населения: депортированные (представители перемещенных народностей и выселенные – поляки, евреи, немцы, литовцы...), военнопленные, репатриированные, интернированные, участники и члены семей националистических и религиозных организаций, высланные по различным указам и постановлениям и др. Внутри этого этапа можно выделить три периода: 1. 1929–1936 гг. (пик репрессий против местного населения), 2. 1937–1950 гг. (ослабление репрессий против местного населения, исключая партийно-правительственную верхушку, которая начала и активно проводила репрессии в начале и середине 1930-х гг., а 1937–1939 гг. сама была репрессирована; улучшение положения раскулаченных в период коллективизации и высланных в Коми спецпереселенцев, уравненных в правах с остальным населением по конституции 1936 г.; и в то же время – рост числа заключенных в лагерях, массовые расстрелы и восстания заключенных); 3. 1950–1956 гг. (постепенное ослабление лагерного режима и положения других категорий репрессированного населения, начало процесса реабилитации).

7) **1957–1991 гг.** Завершающий период. Массовые политические репрессии в Коми республике ушли в прошлое, как и сколь-либо массовые выступления против существующей власти (если не считать таковыми быстро пресеченные выступления фашиствующей молодежи

в Сыктывкаре в 1983 г.; лишь с 1989 г., на закате социалистической эпохи, начинаются шахтерские забастовки с политическими требованиями). Постепенно завершается реабилитация жертв политических репрессий прошлых лет.

Разумеется, данная периодизация (как, впрочем, и любая другая периодизация), до некоторой степени условна, однако она, как представляется, отражает своеобразные черты, присущие политическим репрессиям в те или иные хронологические отрезки. В дальнейшем в нее могут быть внесены уточнения – это вполне естественно, поскольку исследования истории политических репрессий в Коми продолжаются, ученые и краеведы открывают новые грани этой большой проблемы, вводят в научный оборот новые материалы.

Следует особо отметить, что в Республике Коми ведется большая работа по изучению истории политических репрессий советского времени, увековечению памяти жертв политических репрессий. У ее истоков стояли общества «Мемориал», возникшие в 1988–1989 гг. в Воркуте, Ухте, Сыктывкаре и других городах республики. Во второй половина 1990-х гг. руководство Республики Коми осуществило ряд чрезвычайно важных организационных мер, придавших этой деятельности большую целенаправленность, активность и масштабность. В 1998 г. был создан Коми республиканский общественный благотворительный фонд жертв политических репрессий «Покаяние», в том же году выпустивший первый том многотомного республиканского мартиро-лога жертв политических репрессий «Покаяние» (к декабрю 2006 г. издано восемь томов и – отдельными изданиями – шесть приложений в мартиро-логу). 31 мая 1999 г. Указом Главы Республики Коми утверждена республиканская программа по увековечению жертв политических репрессий «Покаяние».

Усилиями общественности и государства установлено более 20 памятников и памятных знаков в Воркуте, Ухте, Сосногорске, Инте, Печоре, Сыктывкаре и других населенных пунктах. 16 ноября 2000 г. в Сыктывкаре открыт республиканский мемориал жертвам политических репрессий, профинансированы школьные поисковые экспедиции, занимавшиеся работой, связанной с историей политических репрессий. В рамках программы «Покаяние» ведутся работы по благоустройству ряда лагерных кладбищ, созданию музейных экспозиций, подготовке учебных пособий и справочных изданий и многие другие. В республике опубликовано несколько сотен книг и статей по истории политических репрессий.

Еще в 1993 г. Сыктывкарский государственный университет провел всероссийскую научную конференцию «Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956)». А через семь лет, в 2000 г., в Сыктывкаре состоялась представительная научная конференция «Политические репрессии в России. XX век», организованная фондом «Покаяние», Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, сыктывкарским обществом «Мемориал». В 2001 г. в Сыктывкаре был проведен региональный научный симпозиум «Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера России и Приуралья», в 2005 г. – региональная научная конференция «Политические репрессии в Коми и на Севере России: организаторы и жертвы». Готовится проведение очередной всероссийской научной конференции.

Вот уже несколько лет мы живем в новом тысячелетии. Сегодня перед жителями новой России открываются новые перспективы. Но, устремляя взоры в будущее, мы не должны забывать и о нашем прошлом, о нашей истории, которая, увы, далеко не всегда и не во всем была ясной и безоблачной. Вспоминать об этом тяжело, но и забыть такое нельзя. Люди часто повторяют первую часть старой пословицы: «Кто старое помянет, тому глаз вон...», но пропускают ее вторую, наверное, более важную половину: «...а кто старое забудет, тому оба долой». Помнить об участии наших соотечественников, подвергшихся незаконным репрессиям, нужно для того, чтобы не дать этой трагедии вновь повториться. Но необходимо не просто помнить, но и изучать – изучать, сочетая в себе беспристрастность ученого, любовь патриота к своей родной земле и простое, но такое нужное человеческое сопереживание.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Биографические справки

К очерку 3

Догадов Александр Иванович.

А.И.Догадов родился в 1888 г. в Казанской губернии, в годы первой русской революции вступил в РСДРП. В мае 1907 г. Догадов был арестован по делу Центрального бюро совета профсоюзов Казани и выслан в Коми край, в Усть-Сысольск. В условиях ссылки в 1907 г. в «столице» Зырянского края политссыльные имели свою библиотеку, общую кассу колонии, вели обширную переписку с заграницей и российскими городами, регулярно занимались театром – ставили спектакли, устраивали концерты. В 1908 г. специальным распоряжением из Вологды усть-сысольская колония ссыльных была распущена как организация. 19 ноября 1908 г. в знак протеста политссыльные Усть-Сысольска устроили общее собрание на Сухановской улице. Полиция арестовала 56 участников собрания, в том числе А.И.Догадова. После окончания ссылки Догадов выезжает в Казань, где вновь занимается революционной работой – организацией рабочих кружков.

Вскоре Догадов был арестован и сослан, снова в Коми край, на этот раз в г. Яренск. В сентябре 1913 г. Догадов просит власти перевести его для отбывания ссылки в с.Селиб. Просьба его была удовлетворена, и дальнейшую часть своей второй ссылки в Коми крае Догадов провел на Удоре. В июне 1914 г. он получил возможность вернуться в родную Казань, где снова занялся противоправительственной деятельностью.

После революции Догадов занимает крупные посты в Советской России. В 1921 г. он был избран в состав Президиума ВЦСПС, в 1924–1930 гг. входил в состав Оргбюро ЦК РКП(б). В 1938 г. он был арестован как «враг народа» и расстрелян.

Скляренко Алексей Павлович.

А.П.Скляренко родился в 1870 г. в г. Верном, в семье военного врача. Получил начальное образование в Самаре, там же занялся революционной деятельностью – организовал народнический кружок. Спустя три года за распространение марксистской литературы в Самаре Скляренко был выслан в Архангельскую губернию, в города Шенкурск и Онегу. После отбытия наказания Скляренко ведет жизнь профессионального революционера, много ездит по стране, живет в Саратове, Туле. В 1907 г. он был арестован в Москве и выслан на три года в Усть-Сысольск.

Во время усть-сысольской ссылки Складенко жил на окраине города, в местечке Кируль. В имеющейся к этому времени усть-сысольской организации РСДРП Складенко занял одну из ведущих ролей. Главной целью усть-сысольских социал-демократов в те годы были (как гласит первый пункт их устава): «... распространение социал-демократических идей в городе Усть-Сысольске и его уезде среди ссыльных и коренного населения». Организация была активна, часто устраивала нелегальные собрания, издавала на гектографе прокламации. Один из участников собраний усть-сысольских социал-демократов так писал о работе организации (или фракции, как следует из документа): «Собрания фракции проходят по 20 человек. Затем от каждого пятого выбирается делегат. Двадцатки имеют совещательный голос, а выборные делегаты – решающий...». В 1908 г. усть-сысольская организация РСДРП подготовила ряд побегов политссыльных.

В марте 1910 г. истек срок ссылки А.П.Складенко. Он выехал в Петербург, где стал участвовать в издании газеты «Правда». Скончался в 1916 г.

Кадоmcев Эразм Самуилович.

Э.С.Кадоmcев родился в 1881 г. в г. Бирске Уфимской губернии, в семье мелкого чиновника. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. В годы русско-японской войны Кадоmcев подбил солдат своей роты на вооруженное выступление против командования, после чего дальнейшая служба в армии стала для него невозможной. Кадоmcев приехал в Уфу, где занялся подготовкой боевиков социал-демократической партии. В апреле 1906 г. Кадоmcева, как специалиста по террору, вызвали в Петербург. В Петербурге он был избран в состав Петербургского Боевого центра, а затем Военно-Боевого центра при ЦК РСДРП. «Боевой центр стал стратегическим центром. Ленин давал задания, и мы, боевики, неуклонно выполняли их», – писал позднее в своих воспоминаниях Кадоmcев. Под руководством Кадоmcева было организовано вооруженное нападение на армейский склад оружия в Петербурге, что обеспечило питерских боевиков партии оружием.

В 1907 г. Кадоmcев был арестован. Он получил три года ссылки в Архангельской губернии, и в 1908 г. прибыл в Усть-Цильму. Жизнь в печорской ссылке не баловала разнообразием – Кадоmcев много читает, по его инициативе организуется школа для неграмотных ссыльных – «нелегальный университет». Летом 1908 г. Кадоmcев участвует в драке с полицейскими, и его отправляют подальше от уездного центра, в с.Мохчу. Оттуда революционер вместе с И.И.Шварцем бежит спустя несколько месяцев.

После победы революции Э.С.Кадомцев служит в ОГПУ, является начальником войск ГПУ. В 1923 г. Кадомцева переводят на работу в кинематограф.

Шварц Исаак Израилевич.

Политссыльный И.И.Шварц, член РСДРП с 1890 г., пробыл в Коми крае недолго, всего несколько месяцев. Он был арестован 25 марта 1907 г. на вокзале в Екатеринбурге и в 1908 г. выслан на три года в Печорский уезд Архангельской губернии. Поводом для ареста Шварца послужила его нелегальная деятельность по организации подпольных типографий на Урале.

Шварц был достаточно известен в РСДРП, как организатор рабочих кружков на юге страны. В 1904–1905 гг. он находился в Европе, встречается в Швейцарии с В.И.Лениным, затем возвращается в Россию, в Екатеринослав, где и был арестован. Прибыв осенью 1908 г. в с.Ижму, Шварц сразу задумывается о побеге. Проживавший в соседней Мохче политссыльный Э.С.Кадомцев поддержал его идею бежать с наступлением холодов. 4 декабря 1908 г. Шварц и Кадомцев бежали из ссылки. Бежали в сторону Урала, через с.Усть-Ухта и верховья Печоры добрались до Соликамска. Отсюда Шварц выезжает в Петербург.

В 1909 г. Шварц снова арестован, выслан в Якутск, откуда бежал. В 1910 г. он выезжает во Францию, где слушает курс лекций в партийной школе в Лонжюмо. Вернувшись в Россию, в 1913 г. Шварц опять арестован, на этот раз за воссоздание Уральской организации РСДРП. Его сослали в Сибирь, где Шварц и встретил 1917 г.

В 1919 г. И.И.Шварц – организатор и первый председатель Всеукраинской ЧК. Затем его назначают председателем Союзугля, и вплоть до конца 1930-х гг. Шварц – на руководящих должностях в угольной промышленности. В 1940-е гг. Шварц являлся руководителем медицинской лаборатории.

Стуков Иннокентий Николаевич.

И.Н.Стуков родился в 1887 г. в Иркутской губернии в семье священника. В 1905 г. поступил учиться в Киевское пехотное военное училище, тогда же вступил в Киевскую организацию РСДРП. За организацию аграрных беспорядков на юге Украины он был сослан в 1908 г. в г.Яренск Вологодской губернии.

В Яренске в это время существовала нелегальная колония ссыльных, в которой Стуков стал играть ведущую роль. В письме в Москву в 1909 г. он писал о яренской жизни: «Сегодня было собрание, где я председательствовал. Завтра, 28 февраля, тоже будет собрание, на котором я

должен быть председателем и докладчиком. Это собрание связано с большим риском провала и ареста. Приходится принимать меры самой крайней предосторожности, что в условиях ссылки делать не очень легко».

И.Н.Стуков вел в Яренске чрезвычайно активную жизнь – организовывал кружки по изучению нелегальной литературы среди ссыльных, встречался с местными жителями, занимался делами колонии ссыльных. Вскоре власти сослали Стукова из Яренска в село Турью. Здесь кроме Стукова находился только один политссыльный – студент Томского университета Кириллов. В Турье они организовали нелегальный революционный кружок из местной молодежи. Вскоре полиция сослала Стукова на Удору, в с. Ертом, где он до конца ссылки изучал марксистскую философию.

Весной 1910 г. Стуков покидает Коми край и выезжает в Петербург. В 1917 г. принимает активное участие в вооруженном восстании в Москве. В 1920-х гг. поддерживает троцкистско-зиновьевскую оппозицию. В 1938 г. И.Н.Стуков был расстрелян как враг народа.

Подбельский Вадим Николаевич.

В.Н.Подбельский родился в 1887 г. в Якутской губернии в семье политкаторжан-народовольцев. Это предопределило его дальнейшую судьбу. В 1905 г. Подбельский уже член Тамбовской организации РСДРП. В 1908 г. Подбельский был арестован и сослан сначала в город Кадников Вологодской губернии, а потом – в Яренск.

В 1909 г. в небольшом Яренске проживало 529 ссыльных, организовавших поначалу общую колонию для проживания. Однако колония вскоре была запрещена. Ссыльные развернули настоящую борьбу за ее разрешение. 1 октября 1909 г. в Яренске вышел первый номер нелегального журнала «Яренская колония политических ссыльных», редакторами которого были П.Л.Ровнер и В.Н.Подбельский. Выпуск журнала стал настоящей сенсацией для вологодской ссылки. 18 ноября 1909 г. вышел второй номер журнала, в котором сообщалось, что «... в настоящее время благодаря усилиям нового комитета и уцелевшим районным представителям колония вполне восстановлена и приняла еще более дееспособные формы».

Полиция приняла меры и провела серию обысков на квартирах ссыльных, конфисковав массу антиправительственной литературы, типографский шрифт, чернила и т.д. 30 января 1910 г. во время обыска на квартире В.Н.Подбельского был обнаружен гектограф политссыльных. Подбельский был посажен в вологодскую тюрьму на три месяца, затем выпущен и снова отправлен в Яренск. В декабре 1910 г. за

организацию собраний яренской группы РСДРП Подбельского ссылают в Усть-Кулом.

В конце 1911 г. Подбельский получает освобождение и покидает Коми край. После победы революции В.Н.Подбельский – первый нарком почт и телеграфов.

Семков Семен Моисеевич.

С.М.Семков (Каган), член РСДРП с 1903 г., был сослан в первый раз в Коми край в 1910 г. в г.Яренск и пробыл здесь примерно полгода, после чего бежал. Уже в ноябре 1910 г. Семков был во Франции.

После возвращения в Россию Семков участвует в работе Екаторино-славской организации РСДРП, и в апреле 1912 г. был арестован за организацию рабочих беспорядков. Его снова отправляют в ссылку, и снова в Коми край. На этот раз местом наказания стало село Усть-Кулом. Но в связи с осенней распутицей Семков туда не добрался, временно его оставили в Усть-Сысольске.

В Усть-Сысольске он принимает активное участие в жизни ссыльных. Правда, в 1912 г. их здесь уже было немного, несколько десятков человек. Тем не менее, по данным полиции, «Каган в ссылке являлся ярким революционером и высказывал намерение вновь бежать из ссылки». В начале 1913 г. Семкова перевели в Усть-Кулом. В жандармской сводке за 1913 г. сообщается, что «... состоя под гласным надзором полиции в Усть-Куломе Каган в феврале месяце с.г. принимал участие в неразрешенном собрании, за что по обязательному постановлению вологодского губернатора отбыл арест при полиции в течение двух месяцев». В мае 1913 г. Семкова под конвоем переводят в с.Кослан на Удоре, где он проживает до августа месяца.

В августе 1913 г. Семков получил освобождение и выехал из Коми края за границу, в Америку. После победы революции Семков – председатель профсоюзов Закавказья, избирался членом ЦКК РКП(б), работал в наркомате рабоче-крестьянской инспекции. Скончался в 1928 г.

Лашевич Михаил Михайлович.

М.М.Лашевич родился в Одессе в 1884 г. Уже в 1901 г. он – член РСДРП, а в 1905–1907 гг. входит в состав Одесского комитета РСДРП. Активно занимается революционной пропагандой на юге России, был известен в партийных кругах под кличкой «Мишка-трудник». В 1909 г. Лашевич был арестован на нелегальном собрании рабочих одесского порта. За антиправительственную деятельность он был сослан в Яренск, куда прибыл в марте 1910 г.

В Яренске Лашевич и еще один ссыльный социал-демократ Заславский занялись крупным социологическим проектом, решив провести анкетирование всей политической ссылки на Севере России. С этой целью в 1911 г. была разработана анкета, содержащая 136 вопросов, охватывающих все стороны ссылки, а также формы революционной борьбы, отношение к крестьянскому населению и т.д. Результаты опроса планировалось обработать и передать для использования в социал-демократическую фракцию Государственной Думы. Полиция сделала все возможное, чтобы как можно больше узнать об анкетировании ссыльных и перехватить собранные материалы. М.М.Лашевич, как инициатор столь крупной акции, был сослан из Яренска в Сибирь.

Во время Октябрьского переворота 1917 г. Лашевич руководит действиями революционных отрядов по захвату Государственного банка, Казначейства, Центральной телефонной станции в Петербурге. В 1918 г. Лашевич избран членом ЦК РКП(б). В 1925 г. М.М.Лашевич назначен зам.наркомвоенмора, участвует в оппозиции И.В.Сталину. Скончался в 1928 г.

Соловьев Зиновий Петрович.

З.П.Соловьев родился в 1876 г. в г. Гродно в семье землемера, получил медицинское образование. В годы жизни в Симбирске близко сошелся с семьей Ульяновых, особенно с Д.И.Ульяновым. В 1907 г. Соловьев избран в состав Саратовского губернского комитета РСДРП. В 1909 г. арестован. При обыске на его квартире была обнаружена подпольная библиотека из 470 запрещенных книг. За революционную деятельность Соловьева отправили в ссылку в Коми край на три года.

Он прибыл в Усть-Сысольск в ноябре 1909 г. и поселился в местечке Париж. В ссылке Соловьев занялся научной деятельностью, писал рефераты и статьи, опубликовал около 20 статей и рецензий в российских журналах «Общественный врач», «Фельдшерский вестник» и «Вестник общественной гигиены». Помимо этого, Зиновий Петрович играл видную роль и в революционной деятельности ссылки. Ему удалось собрать в Усть-Сысольске новую подпольную библиотеку, обнаруженную полицией только в 1912 г. 5 сентября 1912 г. жандармский унтер-офицер Хомутильников докладывал начальству, что «... ссыльный врач Зиновий Петрович Соловьев имеет большое влияние почти на всех ссыльных и как бы является главным руководителем всей местной ссылки... За деятельностью Соловьева мною установлено неотступное наблюдение...».

После окончания ссылки Соловьев работает во Всероссийской лиге борьбы с туберкулезом. После победы революции З.П.Соловьев был

назначен зам. наркома здравоохранения и начальником Главного военно-санитарного управления РККА. Скончался в 1928 г.

Голубев Иван Михайлович.

И.М.Голубев родился в 1875 г. в Тверской губернии в крестьянской семье. В 1896 г. он уезжает на заработки в Петербург, где подпадает под влияние социал-демократов. В 1898 г. Голубев участвует в стачке рабочих Максвельской фабрики. В 1900 г. его принимают в РСДРП.

В 1909 г. Голубева арестовывают и ссылают в Сольвычегодск, но ему удается бежать из ссылки и добраться до Петербурга. Однако в Петербурге его снова арестовали и отправили по этапу обратно в Сольвычегодск. Отсюда в декабре 1911 г. Голубева ссылают еще дальше в глубинку, в Усть-Сысольск. В Усть-Сысольске Голубев участвует в деятельности группы РСДРП, встречается с молодыми гимназистками, просвещает их на политические темы. Одна из гимназисток, К.В.Жеребцова вспоминала позднее: «Мы, гимназистки старших классов, интересовались политикой. Часто собирались иногда так, иногда под видом вечеринок с музыкой и танцами. Политические говорили интересно и доходчиво, раскрывали нам глаза на мир».

28 января 1912 г. в ходатайстве полицейских вологодскому губернатору о переводе И.М.Голубева в другое место ссылки отмечалось, что «ссылный Голубев... опять замечен в сношениях с учащимися». Вологодский губернатор решил, что благоразумнее будет совсем избавиться от Голубева, и он был досрочно освобожден из ссылки.

После 1917 г. И.М.Голубев находится на ответственных должностях: работает в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции, член Верховного суда РСФСР. Скончался в 1938 г.

Шутко Кирилл Иванович.

К.И.Шутко, член РСДРП с 1902 г., был впервые арестован в январе 1905 г. за организацию забастовки на Прохоровской фабрике Москвы. В этом же году Шутко избрали в состав Московского окружного комитета РСДРП. Вплоть до 1910 г. он активно занимался подпольной деятельностью, ездил во Францию по партийным делам. В сентябре 1910 г. Шутко был арестован и сослан в Вологодскую губернию. Местами ссылки стали города Тотма, Великий Устюг и село Усть-Кулом Усть-Сысольского уезда, куда ссылный прибывает в ноябре 1912 г.

В Усть-Куломе в это время проживало восемь ссылных. Они вели переписку с партийными комитетами, с редакцией газеты «Правда», с депутатами Государственной Думы, читали книги, журналы. Время от времени жандармы устраивали обыски на квартирах ссылных, кроме

того, ссыльным было запрещено собираться вместе более трех человек. Но усть-куломские ссыльные продолжали встречаться друг с другом. Однажды, в феврале 1913 г., все восемь человек собрались вместе. Прознавшие об этом власти арестовали ссыльных, двоих тут же сослали на Удору, в том числе будущую жену Шутко Н.Ф.Агаджанову.

Из Усть-Кулома Шутко был отправлен в Вологду, оттуда в Сольвычегодск. В январе 1914 г. он покинул пределы Вологодской губернии.

После победы революции Шутко занимает ряд ответственных постов, с 1923 г. работал в советском кинематографе, в 1928–1932 гг. являлся референтом по кино в культпропе ЦК ВКП(б). Режиссер фильма «Броненосец Потемкин» С.Эйзенштейн называл Шутко «Отцом и учителем».

Агаджанова (Шутко) Нина (Нунэ) Фердинандовна.

Н.Ф.Агаджанова родилась в 1889 г. в семье екатеринодарского купца, армянина по национальности. Уже в 15 лет она начинает увлекаться революционной борьбой, за что была исключена из гимназии. В 1907 г. Агаджанова вступает в РСДРП. В начале 1911 г. она была арестована и сослана за антиправительственную деятельность в Вологодскую губернию, в г. Великий Устюг. В 1912 г. местом ссылки стало село Усть-Кулом.

В связи с 300-летием Дома Романовых ожидалась амнистия. По поручению ссыльных Усть-Кулома Агаджанова пишет письмо депутатам Государственную Думу: «Судя по газетным сведениям, мы стоим на пороге амнистии. В случае действительной амнистии многие из нас, политических ссыльных с.Усть-Кулом, не имеют средств для возвращения... Озабочиваясь денежным вопросом, мы определяем нашу потребность в средствах, могущих нам придти со стороны, в размере ста рублей. Если вы найдете для себя возможным прислать кое-что для покрытия нашей нужды, мы будем вам очень благодарны». Но амнистия не коснулась усть-куломских ссыльных, более того, вскоре Н.Ф.Агаджанову ссылают в село Кослан на Удоре.

В Кослане Агаджанова вскоре стала единственной ссыльной. 27 августа 1913 г. она пишет друзьям письмо, где рассказывает о своей жизни в удорской ссылке: «В этой деревне... осталась одна я. Беда – даже общение с народом невозможно...».

После победы революции Агаджанова на различных партийных должностях, с 1924 г. переходит на творческую работу в советский кинематограф. В 1925 г. пишет сценарий для фильма «Броненосец «Потемкин».

Васильев Антон Ефимович.

А.Е.Васильев родился в 1885 г. в Псковской губернии в крестьянской семье. С ранних лет Васильев работает на Путиловском заводе. В 1904 г. вступает в РСДРП. В 1911 г. был арестован и сослан на три года в Печорский уезд Архангельской губернии, в село Ижму. О жизни в Ижме Васильев вспоминал позднее: «Число ссыльных составляло 23 человека, из которых политических ссыльных было 18-19 человек. Среди них: социал-демократов, большевиков 7 человек, один меньшевик, 6 эсеров и остальные анархисты. Самодержавие платило на существование ссыльному 11 руб. 30 коп.; побочный заработок был запрещен, поэтому существовать только на эти деньги было очень трудно. Организовали столовку и кое-как сводили концы с концами. В ссылке была масса свободного времени. Это время расходовалось на чтение книг, газет и на беседы, которые устраивались. В селе была читальня. Ссыльные снабжали эту читальню своими газетами. Полиция напоминала о своем существовании, делала налеты на квартиры ссыльных с целью обыска... В селе была школа. До нашего приезда здесь поработали эсеры и взрослые ученики, их было человек 8-10, придерживались их взглядов. Мы стали вести свою пропаганду. Использовали довольно приличную библиотеку. Читали слушателям Маркса..., брошюру В.И.Ленина «К деревенской бедноте»...».

В связи с юбилеем Дома Романовых в 1913 г. срок ссылки Васильева был сокращен, и в июле 1913 г. он выехал из Ижмы в Петербург. После победы революции Васильев избирается «красным директором» Путиловского завода. В 1923 г. А.Е.Васильев выбран в состав ЦКК РКП(б). В 1931 г. Васильев выходит на пенсию.

Иванова-Ефимова Анна Ивановна.

А.И.Иванова родилась в 1889 г., рано стала зарабатывать на жизнь, поступив работать на «Российско-американскую мануфактуру» в Санкт-Петербурге. 9 января 1905 г. Иванова участвует в шествии рабочих во главе с Гапоном к Зимнему дворцу. В 1906 г. вступает в РСДРП. В 1908 г. участвует в работе Всероссийского женского съезда в числе питерских делегатов.

В 1911 г. Петербургский комитет РСДРП отправляет Иванову во Францию учиться в партийной школе в местечке Лонжюмо под Парижем. После возвращения из-за границы Иванова была арестована в июле 1912 г. и выслана из Петербурга на два года, с правом «свободного выбора места жительства» за исключением 54 городов империи. Местом ссылки она избрала село Ижму Печорского уезда Архангельской губернии, где уже отбывал ссылку ее муж А.Е.Васильев.

В Ижме Ивановой жилось трудно, не хватало денег. Большевицкая газета «Северная правда» 8 августа 1913 г. печатает корреспонденцию о положении Ивановой: «Жены ссыльных имеют право на получение пособия, и Ефимова пользовалась пособием два месяца. На третий месяц ей сбавили два рубля, а на жалобу ее архангельскому губернатору ответа не последовало. Затем ей снова было сбавлено 5 рублей, так что Ефимова всего стала получать три рубля вместо 8 рублей 60 коп...».

После окончания срока ссылки Иванова-Ефимова выезжает в Петербург. В апреле 1917 г. она – делегат VII Всероссийской конференции РСДРП(б). В 1920-х гг. Анна Ивановна на пропагандистской и хозяйственной работе, в 1933 г. выходит на пенсию.

Адамович Евгения Николаевна.

Е.Н.Адамович родилась в 1872 г. в семье украинского помещика Полтавской губернии. В 18 лет она порвала с родителями и занялась революционными делами. В 1895 г. Адамович выезжает в Москву и поступает на акушерские курсы, чтобы «иметь ремесло на случай ссылки». В дальнейшем работает в социал-демократических организациях Екатеринослава, Калуги, Петербурга и Харькова. За принадлежность к Харьковской организации РСДРП она была выслана на три года в Печорский уезд Архангельской губернии.

Весной 1913 г. Адамович прибыла по этапу в Усть-Цильму. Здесь существовала в это время небольшая организация из ссыльных большевиков, в которой она стала играть ведущую роль. Адамович являлась «почтовым ящиком» ссылки – на ее адрес приходила корреспонденция. Усть-Цилемская группа РСДРП поддерживала контакты с редакцией «Правды», депутатами-большевиками Госдумы. Установлено, что сам В.И.Ленин писал в Усть-Цильму Е.Н.Адамович, правда, пока письма вождя не найдены. 4 апреля 1914 г. газета «Правда» публикует письмо о положении политссыльных в Усть-Цильме: «Книги преследуются самым беспощадным образом. Рабочие газеты отбираются безусловно. Но берутся и сочинения Гоголя, Толстого». Благодаря конспиративным ухищрениям Адамович большую часть библиотеки ссыльных удалось сохранить.

В первые дни Октября 1917 г. Адамович – комендант Смольного. В дальнейшем работает на ответственных партийных должностях. В 1920-х гг. – активный член Общества старых большевиков. Скончалась в 1942 г.

Белостоцкий Иван Степанович.

И.С.Белостоцкий, член РСДРП с 1904 г., был выслан за революционную деятельность в Печорский уезд Архангельской губернии в 1913 г.

Белостоцкий был хорошо известен полиции. Он работал в подполье Николаева, Мариуполя, Баку, Петербурга. В 1911 г. учился в партийной школе в Лонжюмо под Парижем во Франции. В 1912 г. И.С.Белостоцкий был кооптирован в ЦК РСДРП. В этом же году его арестовали и выслали в Усть-Цильму. Вспоминая о своем пребывании в печорском селе, Белостоцкий писал: «Летом 1913 г. мы (ссылные – *Авт.*) собирались в лесу и на берегу Печоры. Обсуждались вопросы политические и касающиеся жизни в ссылке. Были фракционные собрания и общие собрания всех ссылных... Усть-цилемское население к политическим ссылным относилось хорошо. Бывало, что нас, собравшихся в лесу, открывали стражники, и никогда им не удавалось застать врасплох. Всегда кто-нибудь из местных жителей предупреждал нас об опасности». Усть-цилемская группа ссылных, куда входил Белостоцкий, вела интенсивную переписку с партийными комитетами, фракцией большевиков в Госдуме, редакциями газет.

В течение 1913 г. Белостоцкий добивался перевода из Усть-Цильмы в с.Суру Пинежского уезда Архангельской губернии, где находилась его жена, и в конце года получил разрешение покинуть пределы Коми края.

После освобождения из ссылки Белостоцкий участвует в революционном подполье в Туле, Харькове, на Урале. В годы гражданской войны Белостоцкий возглавил областной отдел здравоохранения Уральской области, позднее участвовал в строительстве Челябинского тракторного завода. Скончался в 1968 г.

Фомин Василий Васильевич.

В.В.Фомин родился в 1884 г. в Москве в семье портного, работал в московских торговых рядах. В 1907 г. возглавил забастовку приказчиков Петровского пассажа, и, скрываясь от ареста, уехал в Оренбург. В 1910 г. он вступает в РСДРП. В апреле 1912 г. Фомин был арестован и выслан на три года в город Яренск.

В Яренске Фомин живет обычной жизнью ссылного: много читает, занимаясь самообразованием, ведет переписку с границей, партийными комитетами и редакциями рабочих газет в России, в первую очередь «Правдой». На страницах последней частенько стали появляться корреспонденции из Яренска. 17 октября 1912 г. «Правда», например, напечатала следующее письмо яренских ссылных: «Здесь исправник изобретает самые неожиданные правила: то нельзя жить на окраине, то нельзя в центре, а недавно приказал двум ссылным немедленно бросить удобную квартиру и перебраться на другую. Строптивые запротестовали и сейчас же получили приказ выселиться за 80 верст, в деревню.

Местная интеллигенция страдает по службе за знакомства с нами... Заработать негде, казенные деньги задерживаются».

В июле 1914 г. на яренской квартире Фомина был сделан обыск, полиция обнаружила массу антиправительственной литературы, а также письма и рукописи. Фомин был арестован и заключен в тюрьму. Из тюрьмы его выслали в Оренбург, поскольку местные жандармы считали, что дальнейшее пребывание Фомина в Яренске, «где он уже обжился», чрезвычайно опасно.

После революции 1917 г. Фомин занимает ряд ответственных постов, в 1924 г. был избран членом ЦКК РКП(б). В 1938 г. расстрелян как враг народа.

Скороходов Александр Кастанович.

А.К.Скороходов, член РСДРП с 1906 г., был в ссылке в Коми крае с 1910 по 1912 г. Он был выслан за принадлежность к Оренбургскому комитету РСДРП в г.Яренск Вологодской губернии.

В 1910 г. в Яренске проживало около 50 политссыльных, среди них немало социал-демократов. Скороходов все свое время в ссылке посвятил самообразованию. Бывший политссыльный В.В.Фомин так вспоминал о Скороходове в яренской ссылке: «Постоянно сосредоточенный, внимательный и серьезный, он уделял много времени изучению философии марксизма и естествознания. Живя в чрезвычайно тяжелых материальных условиях, он нисколько не поддавался настроению и каждый день пребывания в ссылке постигал одно марксистское положение за другим для того, чтобы по освобождению из ссылки приняться опять за партийную работу с большими познаниями, значительно лучше подкованным марксистской теорией».

В своем яренском дневнике Скороходов писал: «Надо напрячь все силы, чтобы ежедневно, кроме немецкого, читать по экономике, психологии, истории культуры или, вместо последней, просто русской истории. Кроме того надо привыкнуть ходить в библиотеку и просматривать энциклопедии...». В 1911 г. к Скороходову в Яренск приехала его семья. Помимо самообразования, он занимался в ссылке перепиской с оренбургскими и сормовскими рабочими, участвовал в политической деятельности ссылки.

После революции 1917 г. Скороходов был назначен председателем Петроградской ЧК, а впоследствии ЧК Северной области. Погиб в 1919 г.

К очерку 5

Белобородов Александр Георгиевич (14(26).10.1891 – 09.02.1938). Родился в Александровском заводе Соликамского уезда Пермской губ. в семье рабочего. Окончил начальное училище. С 1905 г. работал на Надеждинском заводе учеником в газозлектрическом цехе, затем рассыльным, помощником цехового конторщика. В социал-демократическом движении с начала 1907 г., вел партработу на Урале, подвергался репрессиям. Работал электромонтером. В 1908–1912 гг. в заключении. После Февр. рев. член Лысьвенского совета и комитета РСДРП(б). С апреля 1917 г. – член Уральского обл. комитета партии. Делегат 7-й (апрельской) конференции и 6-го съезда РСДРП(б). С октября 1917 г. – член Пермского окружкома партии. Депутат учредительного собрания от Пермской губ. С января 1918 г. – член (зам. председателя, председатель) исполкома Уральского облсовета и член Уралобкома РКП(б) (до января 1919 г.). В июле 1918 г. как председатель исполкома Уральского облсовета подписал решение Совета о расстреле содержавшегося в Екатеринбурге Николая II и его семьи. В феврале – марте 1919 г. после отхода красных с Урала – пред. Вятского губревкома, член губкома РКП(б).

С апреля 1919 г. – уполномоченный Совета обороны по подавлению контрреволюционного выступления на Дону, с июля 1919 г. – зам. начальника политуправления Реввоенсовета республики, с октября 1919 г. по июнь 1920 г. – член Реввоенсовета 9-й армии, член Кубанского ревкома. С августа 1920 г. – зам. пред. Реввоенсовета Кавказской трудовой армии. Член Кавказского бюро ЦК РКП(б). С марта 1921 г. председатель Краевого экономического совета Юго-Востока. На 8-м съезде (1919) избран членом ЦК, на 9-м (1920) – кандидатом в члены ЦК (до 1921 г.). Делегат 8-10-го съездов. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Награжден орденом Красного Знамени (1920).

С октября 1921 г. – зам. наркома, с 7 июля 1923 по 1927 гг. – нарком внутренних дел РСФСР. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Участник троцкистской оппозиции, друг Троцкого. В его квартире жил Л.Д.Троцкий после выселения из Кремля. В ноябре 1927 г. исключен из партии, сослан в Усть-Кулом. Троцкий регулярно писал ему в Усть-Кулом, 23 мая 1928 г. направил сюда одно из своих «программных» посланий. В 1930 г. освобожден из ссылки, был восстановлен в ВКП(б), работал в системе Комитета заготовок СССР, был уполномоченным Наркомата внутренней торговли СССР, в августе 1936 г. вновь исключен из партии, репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Документы и материалы

*К очерку 7
Сов. секретно
Утратил силу
Приказ №0234 1955 г.*

ПРИКАЗ

*Народного комиссара внутренних дел Союза ССР
за 1942 год №00331 17 февраля 1942 г., Москва
Содержание: О развитии добычи Воркуто-Интинских углей и
мероприятиях по обеспечению их вывозки.*

*В целях обеспечения выполнения Постановления СНК СССР от 12
февраля 1942 года №175-92 сс*

ПРИКАЗЫВАЮ:

- 1. Установить объём капитального строительства на 1942 год по
Воркуто-Интинскому угольному бассейну 130 млн. руб. по строитель-
ству Северо-Печорской жел.дор. магистрали 250 млн. руб. и ж.д. линии
Коноша-Котлас с развитием Котласского узла 100 мил.руб.*
- 2. Начальнику **ГУЛЖДС НКВД** корпусному инженеру тов. Френкель:*
 - а) обеспечить за счёт использования наличного и получаемого обо-
рудования добычу угля в 1942 году в размере 850 тысяч тонн, в т.ч. в 1-м
квартале – 130 тыс. тонн и перевезти по Северо-Печорской магистрали
700 тысяч тонн, в т.ч. в 1-м квартале – 120 тысяч тонн;*
 - б) разработать и представить мне к 15-му марта график добычи и
вывозки угля на 2-й квартал и план добычи на 3 и 4 кв. кв. 1942 года;*
 - в) не позже 1 марта 1942 года заключить договор с **НК электро-
станций** на монтаж турбины и 2-х котлов Воркутинской ТЭЦ;*
 - г) обеспечить получение и отгрузку на Воркуту оборудования ТЭЦ
завода им. Молотова из г.Архангельска мощностью 6000 квт;*
 - д) передать **НКЭП** к 1 марта спецификации недостающего электро-
оборудования и обеспечить получение такового к 1 апреля 1942 года;*
 - е) произвести в **Наркомугле** отбор 200 специалистов-горняков и
направить их на постоянную работу на Воркуту и Инту;*
 - ж) не позднее 1 марта 1942 года заключить договор с **Перовским
заводом «Стальмост» Наркомтяжмаши** на изготовление 3 тыс. тонн
мостовых пролетных строений и со строительством Дворца Советов
на изготовление 1700 тонн;*
 - з) принять от **НКПС** и демонтировать к 1 апреля с. г. одно мостовое
пролетное строение 87,6 метра **через канал Москва-Волга близ станции***

Хлебниково и к 15 апреля железнодорожную ферму пролетом 129 метров через реку Шексна;

и) принять от **НКПС** до 15 марта 120 паровозов серии «Щ», 12 паровозов серии «Ов», 470 платформ, 30 крытых вагонов, 10 двухосных цистерн, 10 пассажирских вагонов, 5 снегоочистителей и равными партиями до 1 июля с.ч. паровозов серии «Щ»-37, паровозов серии «Ов»-25, платформ и крытых вагонов 620, цистерн двухосных – 10, пассажирских вагонов – 5 и снегоочистителей 5. Приемку производить по станции Котлас железной дороги с соответствующим количеством паровозных и кондукторских бригад;

к) принять от **НКПС** до 1 июня с.г. 240 человек квалифицированных работников линейных служб, согласно прилагаемого перечня;

л) представлять ежемесячно в **НКПС** заявку на подачу порожняка в количествах, обеспечивающих выполнение графика погрузки и вывозки Воркуто-Интинских углей;

м) обеспечить постройку к 15 апреля в районе ст. Ухта помещений облегченного типа для эвакуированного **харьковского паровозоремонтного завода**;

н) организовать приемку от **Наркомсовхозов** совхозов: им. X-летия Коми (в **Коми АССР**), «Красный Север», Красноборский Черевхово (Архангельская область). Им. 8 Марта, Боровской, Ардашевский (Кировской области) и Комсомольский и обеспечить своевременную подготовку и проведение сева;

о) обеспечить с 1 июля с.ч. перевод на дровяное топливо паровозов работающих на участке Котлас-Кожва.

3. Управлению материально-технического снабжения НКВД (т.Поддубко) и Отделу Материальных Балансов ГУЛЖДС НКВД (т.Бергер):

а) обеспечить своевременное получение и отгрузку оборудования и материалов в количествах и сроки согласно приложений за № 4-8;

б) обеспечить получение металлорежущих станков, в количестве до 80 штук и комплектующего оборудования на пристанях г.Казани, а также на эвакуабазах **Кировской, Архангельской, Свердловской и Молотовской областей и Удмуртской АССР**;

в) обеспечить получение от **Главлесосбыта при СНК СССР** в 1942 году рудничной сбытки 150 тыс. м³, строительного леса и подтоварника 192 тыс. м³, пиловочника 40 тыс. м³, телеграфных столбов – 10 тыс. м³, шпал широкой колеи – 476 тыс. штук, пиломатериалов 50 тыс. м³ и переводных брусьев – 300 комплектов и дров 1250 тыс. кубометров;

г) обеспечить получение от **Наркомвнешторга** и отгрузку 10000 тонн рельсов;

д) обеспечить получение от **Наркомата Миномётного Вооружения** и отгрузку чугуновой арматуры на сумму 60 т.р. (в том числе 400 штук задвижек Лудло и бронзовой арматуры на сумму 20 т.р.

е) обеспечить получение от **Наркомстрой** материалов в I и II кварталах 1942 года и отгрузку 30 тыс. м. стекла за счёт боя и брака для остекления парников и теплиц.

4. Начальнику ГУЛАГ ст. майору госбезопасности тов. Наседкину:

а) обеспечить отправку на Воркуту и Инту не позднее 15 апреля с.ч. **10 тысяч человек лагерников из других лагерей и тюрем**. Отправлять здоровую рабочую силу, пригодную для работы в условиях крайнего севера;

б) отобрать в не железнодорожных лагерях и тюрьмах **специалистов-горняков и железнодорожников (эксплуатационников и путейцев)** и направить их в распоряжение ГУЛЖДС для работы в Воркуто-Интинском бассейне и на Северо-Печорской магистрали;

в) произвести в **Наркомздраве** отбор 25 врачей и 100 человек среднего медперсонала и направить их на постоянную работу на Воркуту, Инту и Северо-Печорскую магистраль.

5. Управлению Снабжения Лагерь ГУЛАГа (тов. Ушевич) и Отделу Материальных Балансов ГУЛЖДС (тов. Бергер):

а) обеспечить получение от **Наркомторга и Центросоюза** и отгрузку в феврале – марте месяце с.г. Воркуто-Интинским лагерям и Северо-Печорской магистрали 3500 тонн картофеля, 500 тонн квашеной капусты и 80 тонн лука;

б) обеспечить получение от **Наркомзема** для совхозов ГУЛЖДС капусты – 8 цент, столовой моркови – 12 цент., моркови кормовой – 14 цент., турнепса – 20 цент., и свеклы столовой – 24 цент.

6. Начальнику **Буреинского лагеря** тов. Петренко организовать снятие **проводов временной связи на участках Хабаровск-Барановский** (2 провода) и **Хабаровск-Свободный** (1 провод). Всю снятую телеграфную проволоку, изоляторы и крючья не позднее 15 марта с.г. отгрузить Северо-Печорской магистрали.

7. Заместителю **Народного Комиссара Внутренних Дел** тов. Чернышову обеспечить систематический контроль за выполнением настоящего приказа и оказывать повседневную помощь ГУЛЖДС.

8. Обязываю **Народного Комиссара Внутренних Дел Коми АССР** тов. Кабанова оказывать железнодорожным лагерям Коми АССР, Воркутинскому и Интинскому лагерям систематическую помощь в их работе.

Нар. Комиссар Внутренних Дел Союза ССР

Л.Берия

Верно:

Н.а. подпись

К очерку 8

**Информация КОООГПУ в Коми ОКК РКИ
О снабжении спецпереселенцев в Сыктывдинском районе***
16 января 1933 г.

...В части снабжения заболевших спецпереселенцев на лесопунктах и в спецпоселках не было твердой установки и не смотря на ряд предложений Облсекция не давала указания на места. В результате больные спецпереселенцы снабжались на лесопунктах только в течение 2-3 дней, а не весь срок освобождения. Некоторые лесопункты со снабжения больных совершенно снимали и отправляли в поселок, где они также не снабжались. В больницах для спецпереселенцев установлены нормы только 200-300 гр. хлеба и 20 гр. крупы. Имеются случаи в некоторых районах даже этих норм лишали из-за отсутствия больничного пайка.

Продуктами питания поселки, в особенности ларьки лесопунктов не обеспечены в надлежащей потребности завоза к сроку. Установлено, что в лесопунктах Локчимских дач** продуктов в ларьках имеется на три дня, где спецпереселенцы подвергаются голоду больше, чем другие категории людей, работающих на лесозаготовках.

Отпуск продуктов на детском питании прекращен, вследствие этого закрываются детские сады, что сокращает число работающих спецпереселенцев на лесозаготовительных и поселковых работах.

НАРК. Хр. 2. Ф. 18. Д. 344 а. Л. 22.

**Справка о трудоустройстве трудпереселенцев
на Койгородском механизированном лесопункте Сысольского района.**
14 января 1937 г.

Из четырех трудпоселков Сысольского района на Койгородской механизированной тракторной базе работает всего 672 человека трудпоселенцев...

На руках у трудпоселенцев имеются расчетные книжки, но в эти книжки никаких расчетов за сделанные лесорубами работы не произведено. Своих заработков трудпереселенцы не знают с самой осени...

*Во документах сохранен стиль источника

**Дачи – в 1930-е гг. большие участки промышленно разрабатываемых лесных насаждений.

Дирекция базы не выполняет своих договорных обязательств по снабжению работающих переселенцев одеждой, коечными принадлежностями, и что еще преступнее не уделяет внимание стахановцам переселенцам...

Из общего числа 672 трудпереселенцев работающих на тракторной базе имеется 73 стахановца и 85 тысячников. Рубщики стахановцы заключили отдельные индивидуальные договора на вырубку от 1250 до 2000 кубм. Древесины. Свальщики и навалыщики взяли обязательства на навалку и свалку от 3 до 5 тыс. кубм. Рубщики пользуются преимущественно лучковыми пилами...

Каждый рубщик выполняет нормы от 100 до 130%. Нужно отметить, что рубка сейчас производится на делянках с мелким насаждением, поэтому и норму выработок трудно дать выше. На работу лесорубы выходят с 6 утра, работают до 15 часов, искусственно освещение в лесу не предусмотрено...

НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 355. Л. 18-22.

Докладная записка о жилищно-бытовых условиях и трудовом использовании лесозаготовительными и сплавыми организациями Коми АССР спецпереселенцев польских осадников.

1940 г., август.

Трудоиспользование спецпереселенцев.

Хозяйственные организации Коми АССР «Севтранлес», «Комилес», «Вычегдолес» совершенно не подготовились к трудоиспользованию спецпереселенцев, что в значительной степени отражается на выполнении производственной программы лесозаготовок и материального положения осадников.

По Объячевскому ЛТХ Прилузского района не используется трудоспособной силы 1203 человека по причине необеспеченности соответствующими инструментами (пилы, топоры и т.д.), а также из-за неподготовленности рабочего места и отсутствия обуви.

В спецпоселках Сысольского района по тем же причинам не используется трудоспособной рабочей силы 105 человек.

По спецпоселкам Сыктывдинского района из наличия 1117 человек трудоспособных рабочих используется на работах всего лишь 855 человек, а остальная рабочая сила из-за плохой организации труда, отсутствия в достаточной количестве инструмента, обуви и продовольствия совершенно не используются.

По спецпоселкам Железнодорожного района не используется трудоспособной рабочей силы 249 человек. По тем же самым причинам

трудоспособные женщины, имеющие малолетних детей, из-за отсутствия детских яслей в большинстве спецпоселков на работах совершенно не используется.

Несмотря на исключительно острый недостаток в рабочей силе по всем лесохозяйственным организациям Коми республики вопросом правильной организации труда для полного использования всех трудоспособных спецпереселенцев-осадников никто абсолютно не занимается.

Нормы и расценки ни в одном поселке до рабочих не доведены. Учет труда совершенно не организован, что вызывает вполне справедливые нарекания со стороны спецпереселенцев, которые в течение целого месяца не знают своей зарплаты.

Мастера лесоучастков спецпереселенцев не знакомят с правилами техники безопасности, что приводит к травматизму.

Заработная плата по всем без исключения спецпереселенцам выдается несвоевременно. До сих пор существует практика авансирования о трех до десяти рублей в день на семейство...

В результате плохой организации труда и необеспеченности рабочих соответствующими условиями, заработная плата спецпереселенцев чрезвычайно низкая. Так, например, в апреле месяце 1940 г. по спецпоселкам Сыктывдинского района месячный заработок спецпереселенцев выразился от 75 до 204 рублей. Низкий материальный уровень спецпереселенцев-осадников и их семейств порождает также настроения к побегу из спецпоселков Коми республики...

НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 729. Л. 24.

**Докладная записка секретаря Коми обкома ВКП(б) Тараненко
О льготах для работающих в Коми АССР секретарю ЦК ВКП(б)
т. Маленкову**

24 мая 1946 г.

№ 127/ 12с

В IV пятилетнем плане определено большое развитие народного хозяйства Коми АССР. Сумма капиталовложений составит около 4 млрд. руб. Это потребует значительно завоза рабочей силы и пополнения кадрами специалистов. Однако мы ежедневно встречаемся с трудностями закрепления даже тех кадров, которыми располагаем в настоящее время...

После окончания войны из Коми АССР выехало много специалистов – врачей, инженеров, учителей, агрономов. Особенно большой отлив получился из лесной промышленности, где масса бывших

трудпереселенцев (кулаков), демобилизованных из Красной Армии, забрали свои семьи и выехали в другие области. Они проработали в лесной промышленности Коми АССР 15-16 лет, получили квалификацию техников, мастеров, бригадиров и другие специальности. Выезд продолжается и по сей день, так как по Указу Президиума Верховного Совета СССР им это право предоставлено...

НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 4. Д. 14. Л. 49-50.

Телеграмма Коми обкома ВКП(б) в НКВД СССР (Москва)

19 января 1946 г.

Прибывающие в Коми республику эшелоны репатриантов, ОУНовцев и других по дороге не проходят санобработку, не обслуживаются медпомощью. В результате наблюдается большое количество эпидемических заболеваний, особенно сыпным тифом. Просим дать указания отправителям обеспечивать санобработку людей и медпомощь в пути следования до места назначения, также заблаговременно ставить в известность о направлении в наш адрес эшелонов.

НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4. Л. 5.

Докладная записка Наркомздрава Коми АССР в Наркомздрав РСФСР

27 декабря 1940 г.

Наркомздрав Коми АССР высылает докладные по эпидемии брюшного тифа по Прилузскому и Усть-Усинскому районам Коми АССР.

Возникновение эпидемии в Прилузском и Усть-Усинском районах обусловлено движением больших масс людей, прибывших в пределы Коми АССР, и не своевременной диагностики брюшного тифа медработникам...

По сведениям медработников Облздора, движения этапов и в местах их оседания наблюдались массовые кишечные заболевания (дизентерия, пемоколит), больные частично госпитализировались в местные больницы в Усть-Усе, Песчанке.

По Прилузскому району заболевание брюшным тифом охватило почти исключительно переселенцев, прибывших в этом году. Из местного населения зарегистрировано только 9 случаев, поражены две семьи в качестве контакта...

НАРК. Хр. 1. Ф. 605. Оп. 4. Д. 46. Л. 189.

Отчеты о социально-бытовом обустройстве спецпереселенцев
(извлечения)

2 июня 1932 г.* «Бывшие кулаки»

Облсекция и облсоюз не предприняли заброску продуктов питания зимой на период весенней распутицы. К настоящему времени тяжелое продовольственное положение по Усть-Куломскому и Троицко-Печорскому районам. В Усть-Куломском районе в некоторых спецпоселках Пивью, Крутобор спецпереселенцы голодают, едят древесную кору. По Троицко-Печорскому району от недостаточного питания (наблюдаются) массовые заболевания цингой.

НАРК. Хр. 1. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2360. Л. 41.

14 января 1934 г. «Бывшие кулаки»

Начальник ОРС треста «Комилес» привлечен к уголовной ответственности за срыв снабжения спецпереселенцев продпромтоварами...

Детское дополнительное питание и общественное питание сорвано. Вследствие чего дети до 16 лет пачками уходили по деревням собирать куски хлеба (спецпоселки Тимшер и Лесной Чер Усть-Куломского района и другие). Быстро среди спецпереселенцев развивается массовая смертность, доходящая на одном спецпоселке до 52 случаев только за полмесяца, особенно в летние месяцы, июне и июле 1933 г.

НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 24. Л. 14.

14 сентября 1940 г. «Польские осадники и беженцы»

В участке Важью Лопинского лесопункта Сысольского района рабочие находят в исключительно тяжелых условиях. Из всех 160 человек спецпереселенцев-беженцев 50 человек размещены в общежитии по несколько человек на койке с семьями 80 человек с семьями находятся на чердаке барака, а остальные 30 человек, работающие на сеноуборке – в палатках.

НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 671. Л. 56.

3 ноября 1945 г. Спецпереселенцы – члены семей ОУНовцев

Рабочие жильем и необходимым инструментом не обеспечены. Прибывшие рабочие из Одесской и Житомирской областей (322 человека) большинство семейные. Размещены в землянках по 2-3 семьи. Строили сами. Выстроенные землянки 22 не имеют печей и стекол в окнах из-за отсутствия стекол.

* Указаны даты фиксирования отчетов в документации учреждений.

Со стороны Усть-Усинского ЛПХ-за было допущено по отношению к прибывшим рабочим преступная халатность, своевременно их продуктовыми карточками на сентябрь месяц не обеспечили котловое довольствие не организовали и рабочие и члены семей на лесопункте в течение 6 дней не выдавали продуктов за исключением хлеба.

НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1295. Л. 94.

3 января 1947 г. «Власовцы»

Поступивший спецконтингент из Усть-Вымлага и Воркутстроя в Сыктывдинский и Палевицкий ЛПХ, размещен в бараках, где кроме топчанов, одного-двух столов и скамеек, инвентаря нет. До середины декабря почти все рабочие не имели матрацев, одеял, постельных принадлежностей, не было и носильного белья. В бараках освещение – лучины, коптилки. Стирка не организована и не производится. Бани инвентарем не обеспечены (две шайки на баню). Сушилки не работают, столовая в Граддорском лесопункте не освещается и не отапливается, посуды не имеется, рабочие получают питание в консервных банках. Приготовление пищи исключительно плохое. Рабочие-спецпереселенцы, работающие уже 1-2 месяца, во всех лесоучастках зарплату не получают. Выдается аванс по пятидневкам аванс в сумме 15-25 рублей, хотя рабочие должны платить только за питание 7-9 рублей.

НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 4. Д. 114. Л. 87.

Содержание

Введение (<i>И.Л.Жеребцов, Л.А.Максимова</i>)	3
Очерк 1. Первые выступления жителей Коми края против местной и региональной власти и реакция на них (<i>И.Л.Жеребцов</i>)	6
Очерк 2. Начало политической ссылки на Европейский Северо-Восток (<i>И.Л.Жеребцов</i>)	14
Очерк 3. Политическая ссылка в Коми крае в начале XX столетия (<i>М.В.Таскаев</i>)	29
Очерк 4. Политические репрессии в годы Гражданской войны: красный и белый террор (<i>М.В.Таскаев</i>)	44
Очерк 5. Антибольшевистские выступления и политическая ссылка в Коми автономной области в 1920-е годы (<i>М.В.Таскаев, И.Л.Жеребцов</i>)	81
Очерк 6. Раскулачивание (<i>А.Ф.Сметанин, М.В.Таскаев, И.Л.Жеребцов</i>)	101
Очерк 7. Сталинские лагеря и освоение Европейского Северо-Востока (<i>Л.А.Максимова</i>)	109
Очерк 8. Спецпереселенческая политика в 1930–1950-е годы (<i>Н.М.Игнатова</i>)	182
Заключение (<i>И.Л.Жеребцов</i>)	211
Приложение	219

Игорь Любомирович Жеребцов
Любовь Анатольевна Максимова
Надежда Максимовна Игнатова
Александр Франсович Сметанин
Михаил Владимирович Таскаев

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В КОМИ**

Учебное пособие для студентов высших учебных заведений